

ISSN 0236-3100

REVISTĂ DE ISTORIE A MOLDOVEI

МОЛДАВСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Anul 1

1990

4 (4)

1020-02

Academia de științe a R.S.S.M.

ACADEMIA DE ȘTIINȚE A R.S.S. MOLDOVA
Institutul de istorie „I. S. Grosul“

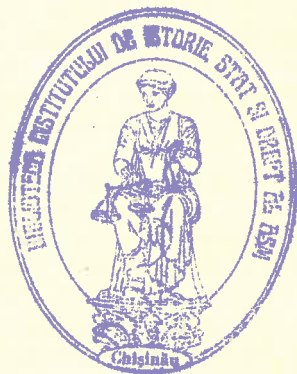
REVISTĂ DE ISTORIE A MOLDOVEI

МОЛДАВСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

4(4) 1990

Octombrie-decembrie

Revistă științifică
Fondată în 1990
Apare de patru ori pe an
în limbile moldovenească și rusă

CHIȘINĂU «ȘTIINȚA» КИШИНЕВ, 1990

REVISTA
DE ISTORIE A MOLDOVEI

COLEGIUL DE REDACȚIE

*Vladimir I. Țaranov (redactor-șef),
Demir M. Dragnev (redactor-șef adjunct),
Valeriu M. Opincă (secretar responsabil),
Nicolae V. Babilungă, Petru A. Boico, Nicolai N. Cerveșcov,
Iacob M. Copanschi, Eugeniu E. Certan, Andrei I. Eșanu,
Ion I. Jarcuțchi, Victor I. Iucov, Vasile D. Isac,
Artiom M. Lazarev, Iziaslav E. Levit,
Ion T. Niculiță,
Lucheria E. Repida, Pavel V. Sovetov,
Chiril V. Stratievschi*

STUDII ИССЛЕДОВАНИЯ

Л. Е. Булмага

ТЕНДИНЦЕЛЕ ДЕ ДЕЗВОЛТАРЕ А СТРУКТУРИИ СОЧИАЛЕ А ПОПУЛАЦИЕЙ СЭТЕШТЬ А РСС МОЛДОВА (АНИЙ '60—'80)

Уна динтре проблемеле каре ый преокупэ ын презент ын мод деосе-бит пе чей че се интересязэ де история сатулуй есте ши чя а тендинцелор де дезволтаре а структурий сочиале а популяцией сэтешть. Лукру ушор де експликат, дакэ вом луа ын консидацые импорганца детерминэрий ачестор тендинце пентру апречиеря карактерулуй релациилор сочиал-економиче ши политиче, че с'ау стабилизирэ ын сочиетате.

Тимп ынделунгат студия лор се редучя, ын фонд, ла о несфыршитэ екилибристикэ фразеоложикэ, урмэринду-се скопул де а ынгесуи мултитудиня екстрем де вариатэ ши богатэ де релаций сочиале реале дин сочиетате ын спациул лимитат ал унор формуле абстракте, екстрасе дин опереле луй К. Маркс, В. И. Ленин, сау дин диферите документе де партид, кроите ши тиклуите дупэ ачелаш калапод. Деачея, фэкынд о анализэ а модулуй ын каре ын трекут ачесте проблеме ерау абординатэ ши интерпретате, ай импресия кэ активитатя дестул де ларгэ десфэшуратэ ын дирекция датэ урмэря ну атыт скопул де а скоате ын виляг адевэрул, де а стабили таблоул реал ал прочеселор че се петречяу ын сочиетате, чи, май деграбэ, де а аскунде, де а камуфла, чел пущин, де а презента ынтр'о луминэ фалсэ концинутул ши карактерул реал ал ачестора. Социоложий ноштри ну нумай кэ н'ау реушит сэ дее о експликация штинцифик-аргументатэ трансформэрилор че ау авут лок ын релацииле сочиале, сэ елаборезэ мэкар ын линий марь о формулэ теоретикэ адекватэ лор, дар нич н'ау стабилизирэ кум ши ын че дирекция ау еволуат еле, каре ау фост факторий че ле-ау детерминат. Е де ла сине ынцелес, кэ орьчине манифестэ интерес фацэ де проблемеле ын каузэ, требуе с'о ее де ла ынчепут, адикэ, де ла стабилиря ши черчетаря тендинцелор реале де дезволтаре а ачестей структурь, чея че ши ынчеркэм сэ фачем ын ачест артикол. Май ынтый сэ ведем каре ера ситуация демографикэ ын сатул молдовенеск дин периода анилов '60—'80.

Ынтре аний 1959—1988 популяция Молдовей а крескут де ла 2,8 миллионе де оамень пынэ ла 4,2 миллионе, сау де 1,5 орь. Ын ачелаш тимп популяция сэтяска с'а микшорат де ла 2'242,2 мий де оамень пынэ ла 2'199,0 мий, адикэ ку 43 де мий де оамень. Пондеря ей ын республикэ а скэзут ку 26% де ла 78% пынэ ла 52%¹.

Скэдеря нумэрулуй популяцией рурале а фост карактеристикэ ын аний ачештя пентру тоате режиуниле цэрий (Популяция руралэ ын цэря с'а микшорат ынтре аний 1959—1986 ку 13 миллионе де оамень). Спецификул Молдовей ын ачастэ привинцэ констэ ын фапул, кэ ритмул де скэдере а пондерей популяцией сэтешть а фост нет супериор челуй де скэдере а нумэрулуй ей абсолют. Пе паркурсул ачестор ань дин сателе Молдовей ау плекат 919,5 мий де оамень, нумэрул популяцией лор, дупэ кум ам менционат май сус, микшорынду-се нумай ку 43 де мий². Каузеле ачестуй феномен ышь гэсеск експликация атыт ын ритмул де крештере натуралэ а популяцией рурале дин республикэ, кыт ши

Табелул 1. Скимбэриле ын компоненца популацией сэтэшт дупэ вырстэ (мий де оамень)

	1959	1970	1979	1987	1987± фацэ де 1959
Нумэрул популацией	2 242,2	2 446,3	2 416,8	2 257,9	+15,7
Инклусив:					
копий ши адолесченць	813,6	911,4	758,5	738,2	—75,4
популяция аптэ де					
мункэ	1 201,0	1 216,6	1 292,8	1 140,5	—60,5
популяция ын етате					
инкапабильэ де мункэ	227,3	316,7	364,8	379,1	+151,8

ын нивелул реал де механизаре а прочеселор де мункэ ын агрикултурэ³. Спре екземплу, ла о крештере натуралэ а популацией урбане ку 462,3 мий де оамень, нумэрул тотал ал орэшенилор а спорит ку 1 278 мий сау ку 26% — де ла 22% пынэ ла 48%⁴.

Пе лынгэ скимбэриле де ордин кантитатив, ын рындуриле популацией рурале дин републикэ ын ачастэ периоадэ ау авут лок ши скимбэрь субстанциале ын чей че привеште вырста (Везь табелул № 1).

Дупэ кум ведем, нумэрул популацией рурале а Молдовой с'а менцинут ын периоада датэ практик ла ачелаш нивел, скэзынд нумай ку 15,7 мий (0,7%), пе кынд нумэрул копиилор ши адолесченцилор с'а микшорат ку 75,4 мий, яр а сэтенилор апць де мункэ — ку 60,5 мий. Конкомитент, а крескут ку 151,8 мий де оамень, сау ку 66,9%, нумэрул персоанелор ын вырстэ, каре с'ау ретрас де ла мунка активэ ын секторул обштеск.

Компарынд ачесте цифре ку индийскэ респективэ, че карактеризязэ суб ачест аспект популяция урбанэ, путем ушор констата кэ ситуация есте ын дефавоаря сатулуй. Пондеря популацией ын етате, каре практик се афлэ ын афара кымпулуй де мункэ, а крескут ынтре ачешть ань ын кадрул популацией орэшенешть ку 1,7 пункте, чя а популацией сэтешть — ку 6,6 пункте⁶.

Принтре индийскэ, че карактеризязэ ситуация демографикэ а сатулуй ын план женерал, се нумэрэ ши дателе реферитор ла нивелул де инструири а популацией. Дин пакате, кулежериле ноастре де статистикэ реченте ну кончин ачесте дате, деоарече резултателе реченсэмынтулуй дин анул 1989 ынкэ н'ау фост публикате, деачея ла база инвистигацилор ефектуате ау стат материалеле реченсэминтелор антериоре.

Нумэрул персоанелор ку студий супериоре ши медий (комплете ши инкомплете) ла мия де локуиторь ын вырстэ де ла 10 ань ын сус а крескут де ла 204 ын 1959 пынэ ла 457 ын 1979. Деч, де доуэ орь ши чева. Ла прима ведере, с'ар пэря кэ ачастэ чифрэ есте дестул де ымбукурэтоаре. Ынсэ, дакэ вом пэтрунде май адынк ын есенце лукурилор ши вом фаце о компарацие ку резултателе обцинуте де алте републикы ын периоада де тимп респективэ, вом констата кэ ситуация есте ницел де алтэ натурэ. Дупэ нумэрул де персоане ку студий супериоре ла мия де локуиторь ын вырстэ де ла 10 ань ын сус Молдова ымпэръя локуриле 13 ши 14 ку Украина, яр дупэ нумэрул де персоане ку студий медий спечяле еа окупа локул ал 13-ля принтре републикы, лэсынд ын урмэ нумай Тажикистанул ши Туркмения⁷. Нивелул де инструири ал популацией де ла царэ ера ку мулт май жос декыт ал орэшенилор. Дакэ, бунэоарэ, ын 1979 динтр-о мие де локуиторь де ла ораш ын вырстэ де ла 10 ань ын сус авяу студий супериоре 101, яр медий спечяле — 135, апой ла сат ачесте цифре алкэтуяу респектив 25 ши 63⁸.

Дупэ кум се штие, ын секторул аграр ал Молдовой, ынчепынд ку сфыршитул анилор '60 ши пынэ ла ынчепутул анилор '80 ау авут лок

скимбэрь есенциале, нумите де кэтре уний а доуа колективизаре. Де-ши ын апаренцэ ачесте трансформэрь се десфэшурау ын май мулте дирекций — лэржиря ши консолидаря релациилор де продукције дин-тре диферите господэрий, пе де-о парте, ши трансформаря колхозурилор ын совхозурь, пе де алта, ын есенцэ, еле ну ынсемнау алтчева декыт социализаря де май департе а агрикултурый, дезволтаря ын кад-рул ей а секторулуй де стат. Нумэрул господэрийлор агриколе колек-тиве ынтре аний 1960—1987 с'а микшорат де ла 552 пынэ ла 372, яр чел ал господэрийлор агриколе де стат ын ачелаш рэстимп а крес-кут де ла 61 пынэ ла 478, чел ал господэрийлор ынтреприндерилор ин-тергосподэрешть — де ла 33 пынэ ла 163⁹.

Е де ла сине ынцелес, кэ тоате ачесте мутаций ын формеле де гос-подэрире ау дус ла унеле скимбэрь ын структура социалэ а сатулуй. Нумэрул колхозничилор окупаць ын кымпул де мункэ с'а микшорат де ла 677,6 мий ын 1960 пынэ ла 326,0 мий ын 1987, адикэ май мулт де доуэ орь. Конкомитент, нумэрул мембрилор господэрийлор агриколе де стат (совхозурь, совхозурь-фабрикэ) а крескут май мулт де 10 орь, де ла 26,1 мий ын 1960 пынэ ла 262,1 мий ын 1987, яр ал лукрэторилор ынтреприндерилор ши асочиацыйлор интергосподэрешть де ла 13,1 мий ын 1970 пынэ ла 76,5 мий ын 1987¹⁰.

Амбеле прочесе, скэдеря нумэрулуй колхозничилор, пе де-о парте ши крештеря нумэрулуй мунчиторилор агриколь ши ал лукрэторилор асочиацыйлор ши ынтреприндерилор интергосподэрешть, пе де алта, декуржяу конкомитент ши ын стрынсэ легэтурэ. Ын тимп че нумэрул колхозничилор с'а микшорат ку 361,6 мий де оамень, нумэрул персоа-нелор, ынкадрате ын кымпул де мункэ ал ынтреприндерилор агрико-ле де стат ши интергосподэрешть, а спорит ку 313,3 мий де оамень.

Ын контекстул концепцийлор теоретиче, ну демулт ынкэ доминан-те ла ной, ачесте трансформэрь пуртау ун карактер объектив ши про-гресист, екзерчитау, кипуриле, о инфлуенцэ позитивэ, бинефэкэтоаре асупра тендинцелор де дезволтаре а структурый сочиале а сатулуй, фиинд атрибуте прочеселор ын каузэ априори, фэрэ нич о довадэ. Ап-речиинд импорганца прочеселор дате пентру дезволтаря социал-эконо-микэ а сатулуй молдовенеск ши, ын специал, пентру перспективеле луй де дезволтаре ын план социал, докторул ын штиинце филозофиче, про-фесорул московит Ю. Волков скрия: «Тоате ачестя (специализаря ши концентраря агрикултурый пе база кооперэрий интергосподэрешть ши агроиндустриале — Л. Ё.) ...ау о маре импорганцэ социалэ: ын струк-тура социалэ а популяцией сэтешть апаре о ноуэ пэтурэ социалэ де транзицие, че ынтрукипязэ ын сине трэсэтурь специфиче класей мунчи-тоаре ши цэрэнимий ши индикэ прин екзистенца са, ын примул рынд, пе база трэсэтурилор карактеристиче класей мунчитоаре социалисте, конституиря оmoжeнитэций сочиале а сочиетэций»¹¹. Ауторий моногра-фий колективе «Социальное развитие села в период строительства коммунизма» ведяу ын десфэшурау нестэвилитэ а ачестор прочесе ди-алектика а доуэ тендинце стрынс уните. Прима динтре еле ышь гэся, кипуриле, ынтрукипаря ын дезволтаря ла максимум а тутурор посиби-литэцийлор потенциале ну нумай а проприетэций де стат, чи ши а челей кооператист-колхозниче. Чя де-а доуа — ын апропиеря континуэ, яр ын челе дин урмэ ши ын контопиря ачестор доуэ форме де проприетате социалистэ¹². Ши, прин урмаре, бинеынцелес, «пе база диспарицией деосебирилор динтре еле» аре лок «апропиеря континуэ динтре класе, стабилиря трептатэ а оmoжeнитэций сочиале а нойй сочиетэць»¹³.

Пентру а детермина, ынсэ, карактерул адевэрат ал ачестор мутаций структурале ши, май алес, провениенца лор социалэ, есте нечесар де анализат, чел пущин ын линий марь, консечинцеле лор экономиче.

Волумул инвестицийлор ын агрикултура републичий а крескут де ла 151 млн рубле ын 1960 пынэ ла 777 млн ын 1987, адикэ де 5,3 орь.

Продукция глобалэ а ачестей рамурь а спорит респектив де ла 2,044 млн. пынэ ла 4 776 млн. рубле, адикэ де 2,3 орь. Ла фиекаре рублэ, инвеститэ ын агрикултурэ ла ынчепутул анилор '60, се продучя продукция ын валoare де 13,5 рубле, ла сфыршитул анилор '80 — ын валoare де 6,1 рубле¹⁴. Деч, деши волумул инвестициилор капитале ын ачастэ рамурэ а экономией крештя мереу, ефичиенца ей скэдя перманент.

Луынд куноштинцэ де цифреле ын каузэ, чититорул инициат поате объекта, кэ дателе менционате сынт дестул де конклюденте, ынсэ, поартэ, тотуш, ун карактер женерал, кам абстракт ши ну спун нимик деспре индийей экономичь ай диферителор типурь де господэрий. Поате индийей экономичь ай совхозурилор, ынтреприндерилор ши асоциациилор интергосподэрешть, адикэ а формациуилор господэрешть ной креате, демонстрязэ ын ачастэ привинцэ о старе а лукрурилор ку тотул де алтэ натурэ? Дин пакате ну. Дакэ, бунзоарэ, ла ынчепутул ачестей периоаде (1960) господэрииле агриколе де стат путяу фи консидерате май авантажоасе, май ефичиенте дин пункт де ведере экономик — валoаря продукцией, калкулатэ ла ун лукрэтор, афлат ын кымпул де мункэ ал ачестор господэрий, конституя 3 153 рубле, пе кынд индичеле кореспунзэтор ал господэриилор кооператист-колхозниче ера ку мулт май мик (2 162 рубле), апой ын а доуа жумэте а анилор '80 ситуация с'а скимбат. Ын медие ун колхозник продучя ануал продукция ын валoare де 5625 рубле, ун мунчитор агрикол, ынсэ, чева май пущин — ын сумэ де 5337 рубле¹⁵. Пентру а апречия ла жуста валoare старя лукрурилор, че с'а креат ын ачастэ привинцэ, требуе менционат, кэ атыт ла ынчепутул анилор '60, кыт ши ла сфыршитул анилор '80 господэрииле агриколе де стат се афлау дупэ нивелул де ынзестраре енержетикэ а мунчий ын кондиций май авантажоасе декыт колхозуриле. Ын 1960 унуй лукрэтор дин совхоз ый ревеняу 5,4 кай-путере капачитэць енержетиче, пе кынд унуй колхозник — нумай 2,3 кай-путере. Ын 1985 респектив — 20,0 ши 18,4 кай-путере¹⁶.

Ши май евидентэ есте ачастэ диференцэ детерминатэ ла сута де хектаре де теренурь агриколе. Ын 1960 капачитэциле енержетиче але совхозурилор ла сута де хектаре де теренурь агриколе конституяу 169 кай-путере, але колхозурилор — 92 кай-путере, яр ын 1985 — кореспунзэтор 910 ши 629 кай-путере¹⁷.

Деши ынзестраря енержетикэ а мунчий ын совхозурь ера май ыналтэ декыт ын колхозурь, келтуелиле де мункэ ши прецул де кост ал мултор фелурь де продусе агриколе ерау май марь декыт ын колхозурь. Аша, де екземплу, пентру продучеря унуй чентнер де грэунце (афарэ де порумб), сфеклэ де захэр, рэсэритэ ын аний 1981—1985 ын колхозурь се келтуяу респектив 1,4, 1,2 ши 2,6 оре-мункэ, яр ын совхозурь — 1,5, 1,7 ши 3,2 оре-мункэ. Ын ачешть ань келтуелиле пентру продучеря унуй чентнер де карне де витэ ши де pork (ын греутате де абатор) ын колхозурь ау конституит респектив 34,7 ши 19,7 оре-мункэ, яр ын совхозурь — 52,8 ши 38,6 оре-мункэ.

Ачелаш лукру ыл обсервэм ши дакэ компарэм прецул де кост ал продукцией дин ачесте доуэ типурь де господэрий: о тонэ де грыу ын колхозурь ын 1987 коста 87,9 рубле, де порумб — 90,9, де сфеклэ де захэр — 31,3 рубле. Ын совхозурь прецул де кост ал уней тоне де асфел де продукция ера респектив 101,1, 102,9 ши 33,0 рубле. Пентру а обцине о тонэ де карне де витэ (ын греутате де абатор) колхозуриле келтуяу 2 370,7 рубле, де pork — 1 494,6 рубле, яр совхозуриле — респектив 2 991,7 ши 1 958,4 рубле¹⁸.

Дакэ ам фаче о паралелэ ынтре колхозурь, господэрииле ши асоциацииле интергосподэрешть, чея че есте, де алтфел, ун лукру дестул де дифичил, авынд ын ведере концинутул ши карактерул кулэжерилор ноастре де статистикэ, ам путя ушор констата, кэ ши ачесте гос-

подэрий, атыт де инсистент ши ку атыт зел пропагате де кэтре кондучера републичий дин ачей ань, организате ын тоате колцуриле ши унгерашеле Молдовей, н'ау авут о супериоритате вэдитэ фацэ де колхозурь. Прецул де кост ал продукцией агриколе, калкулат ла ун лукрэтор ынкадрат ын кымпул де мункэ, депэши май мулт де доуэ орь валоаря продукцией агриколе, продусэ де ун колхозник. Ын 1987 ачест индиче ын ынтреприндериле ши асочииацииле интергосподэрешть конституя 11,8 мий рубле, пе кынд ын колхозурь нумай 5,6 мий рубле²⁰. Ной ну путем трече ку ведеря ши фаптул, кэ дупэ нивелул де асигураре ку фондурь де продукцие асочииацииле ши ынтреприндериле интергосподэрешть ынтречяу ку мулт колхозуриле. Дакэ унуй лукрэтор, ынкадрат ын кымпул де мункэ ал колхозурило, ын 1987 ый ревеняу фондурь де продукцие ын валоаре де 7,7 мий рубле, апой унуй лукрэтор ынкадрат ын кымпул де мункэ ал ачестор господэрий — ын валоаре де 21,3 мий рубле. Деч, деспре че фел де супериоритате а лор асупра господэрийлор кооператист-колхозниче суб аспект ул ефициенцей поате фи ворба?

Фэкынд ачесте паралеле, ной н'ам урмэрит скопул де а демонстра обьективитатя екзистенцей колхозурило, супериоритатя ачестей форме де организаре а продукцией агриколе, кэрея де ла бун ынчепут ый ерау карактеристиче астфел де трэсэтурь че ый асигурау ын тоате ымпрежурэриле ун ануит авантаж економик фацэ де унитэциле де продукцие агриколе де стат сау челе интергосподэрешть. Ынсэшь колхозуриле, дупэ кум не-о демонстразэ дестул де конклюдент практика де господэрире а лор пе паркурсул де акум а доуэ жумэтэць де вяк, «суферэ» де ануите дефекте «женетиче», че ле фак практик инкапабиле а асигура о крештере, адекватэ черинцелор уней сочиетэць цивилизате ын кондицииле революцией технико-штиинцифиче, а форцелор де продукцие ла сат, чел пущин де а фаче фацэ сарчинилор елементаре ын резолваря проблемелор алиментаре, че екзистэ ла ной ын сочиетате. Ынсэ, ачаста есте ку тогул о алтэ кестиуне ши ну се реферэ директ ла обьектул де студиу ал артиколулуй ын каузэ. Не-ам оприт асупра ей, ын деосебь, фииндкэ, деши урмэрям, ын примул рынд, скопул де а демонстра, каре ау фост факторий обьективь, че ау стат ла база трансформэрий ын структура социалэ а популацией сэшеть, ам ынчеркат, тотодатэ, сэ доведим, кэ консечинцеле економиче але мутацийлор де структурэ, че ау авут лок ын периоада датэ ын агрикултура Молдовей, ридикате ын слэвь ну нумай де кондукэторий де диферите рангури, чи ши де мажоритатя черчетэторилор (економишть, сочиоложь, филозофь, историчиень ш. а.), ау фост ку мулт май модесте, декыт се сокотя пынэ ну демулт. Конкомитент, ам кэутат сэ локализем извоареле ачестор мутаций пентру а детермина карактерул ши концинутул реал ал модификацийлор ын структура социалэ а сатулуй.

Анализынд скимбэриле че ау авут лок ын структура агрикултурий републичий ын аний '60—'80, путем, десигур, адмите, кэ трансформаря колхозурило ын совхозурь ши креаря ынтреприндерилор ши асочииацийлор интергосподэрешть а кондиционат крештере нивелулуй де социализаре а ачестей рамуре а економией ши а контрибуит ла апропиеря ей де секторул економик де стат. Дар кум пот фи сокотите обьективе ши лежиче трансформэриле че дук ну ла споририя, чи ла скэдэря ефициенцей унуй сау алтуй сектор економик? Доар, дупэ кум ам констатат май сус, деши инвестиацииле капитале ын агрикултурэ крештяу континуу, ефициенца рамурий, привитэ ын ансамблу, скэдя. Ынсэ, дакэ ачесте трансформэрь ну шы-ау ындрептэцит мениря ын сфера, пентру каре ла дрепт ворбинд ау ши фост кончепуте, апой кум путяу еле сэ фие утиле пентру алте сфере, асупра кэроа авяу о инфлуенцэ индиректэ?

Путем оаре адмите, кэ микшораря нумэрулуй колхозничилор, пе де

о. парте, ши крештеря нумэрулуй мунчиторилор агриколь, пе де алта, конституе ун прочес де апропиере ынтре ачесте доуэ групурь сочиале? Кред кэ ну, фииндкэ ын аша каз ар рееши кэ есенца деосебирилор сочиале динтре диферите групурь обштешть се редуче, ын фонд, ла ану-миць параметри нумеричь. Ын казул де фацэ, дупэ пэреря ноастрэ, авем ну ун прочес де апропиере ынтре ачесте доуэ групурь сочиале, ку тоате кэ, суб анумите аспекте, ел поате фи интерпретат ши ын фелул ачеста, чи май деграбэ ун прочес, че аре рэдэчинь адынчь ын политика аграрэ а Партидулуй Комунист, прочес де десцэрэнире, де експроприере тоталэ а популацией сэтешть де орьче формэ де проприетате. Де-ши ынтре мунчиторий агриколь ши цэраний колхозничь екзистэ о деосебуре ну пря маре, ынсэ, еа екзистэ. Липсиць апроапе комплет де мижлоаче де продукцие, мембрий колхозурилор номинал рэмын, тотуш, стэпный ачестор мижлоаче, пе кынд мембрий ынтреприндерилор агриколе де стат, сокотиць, ка ши челелалте пэтурь ши групурь сочиале, проприетарий тутурор бунурилор материале, ну сынт ын реалитате декыт лукрэторь нэймиць. Ятэ де че трансформаря колхозурилор ын совхозурь ши, респектив, а колхозничилор ын мунчиторь агриколь, поате фи интерпретатэ доар ка о ноуэ ынчеркаре де а реализа ын вяцэ о концепцие теоретикэ грешитэ, нэскочитэ ынкэ ын секолул трекут.

Ун индиче конклюдент, че потривит визиунилор теоретиче дин аний '70 конфирмэ екзистенца тендинцелор де апропиере ын дезволтаря релациилор ынтре групуриле сочиале але сатулуй, ыл конституе, кипуриле, скэдеря трептатэ а ролулуй ши импортанцей економиче а господэрий аукзилиаре партикуларе²¹.

Конформ дателор ануарелор де статистикэ, ын фолосинца господэриилор аукзилиаре партикуларе ын 1987 се афлау чирка 6% дин теренуриле агриколе але републичий, ынсэ, пе сама ачестора ревеняу чирка 25% дин тоатэ продукция агриколэ. Дин челе 750 мий тоне де грэунце де попушой, общинуте ын ачест ан, лор ле ревеняу 236 мий тоне, дин 304 мий тоне де картофь — 246 мий тоне, дин 1282 мий тоне де легуме — 106 мий тоне, дин 330,8 мий тоне де карне (ын греутате де абатор) — 71,8 мий тоне, дин 1421,1 мий тоне де лапте — 242,5 мий тоне, дин 1116,2 миллиоане де оуэ — 284,1 миллиоане²².

Де менционат, кэ деши господэрииле диспуняу де теренурь агриколе мичь, практик ну фолосяу мунка механизатэ дин мотивул липсей мижлоачелор техниче ши машинилор кореспунзэтоаре, мижлоачелор материале ши финанчиаре адекватэ дестуле, волумул де продукцие продус де еле ну нумай кэ ну с'а редус, чи, димпотривэ, а крескут. Де екземплу, супрафаца ливезилор ын господэрииле аукзилиаре партикуларе але колхозничилор, мунчиторилор агриколь, тутурор челорлалчь посесорь с'а микшорат де ла 31 мий гектаре ын аний 1966—1970 пынэ ла 27 мий гектаре ын аний 1981—1985, дар реколта глобалэ де фрукте ши помушоаре а крескут респектив де ла 152 мий пынэ ла 174 мий тоне.

Ачелаш лукру ыл обсервэм ши ла продукция поамей. Супрафаца виилор с'а микшорат ын ачешть ань де ла 37 мий пынэ ла 22 мий де гектаре, яр реколта глобалэ а крескут де ла 182 мий пынэ ла 235 мий тоне²⁴.

Дар ши май евидентэ есте ын ачесте господэрий спориля продукцией анималиере. Супрафецеле културуилор пентру нутрицие с'ау микшорат де ла 3,1 мий де гектаре ын 1960 пынэ ла 2,8 мий гектаре ын 1986, ынсэ кантитатя де карне продусэ (ын греутате де абатор) а крескут респектив де ла 35,7 мий пынэ ла 71,7 мий тоне, де лапте — де ла 105,8 мий пынэ ла 234,2 мий тоне, де оуэ — де ла 281,9 миллиоане пынэ ла 311,8 миллиоане²⁵.

Е де ла сине ынцелес, кэ ын привинца продукцией анималиере есте greu де а стабили корелация директэ динтре ресурселе конкрете але ачестор господэрий ши продукция лор глобалэ. Господэрия аукзилиаре

персоналэ, дупэ кум се штие, есте май стрынс легатэ де чя сочиалэ. Ынсэ, кум н'ар фи ачесте релаций, фаптул рэмыне фапт. Импортанца ей ын вяца економикэ а републичий девине дин че ын че май маре. Деспре ачест лукру не ворбеште ши ролул мереу крескындр ал ачестей господэрий ын ынтрэцинеря ши дезволтаря ын кадрул сочиетэций ноастрэ а релациилор де марфэ-бань. Пондеря господэрией аукзилиаре партикуларе ын чиркуитул мэрфурилоу пе пяца колхозникэ а крескут де ла 88,9% ын 1960 пынэ ла 97,4% ын 1986, ын чиркуляция мэрфурилоу алиментарэ де ла 91% пынэ ла 93,7%²⁶. Дупэ кум ведем, доминация ей пе ачастэ пяцэ ера абсолюте. Деч, ши ын ачастэ привинцэ проностику-риле теоретичиенилоу ноштри с'ау доведит а фи фалсе.

О алтэ дирекция импортантэ ын дезволтаря релациилор сочиале де класэ ын сочиетатя ноастрэ, конформ визиунилоу теоретиче доминанте ын сочиоложия советикэ ын а доуа жумэтате а анилоу '60 — прима жумэтате а анилоу '80, — есте апропиеря трептатэ динтре диферите групурь ши пэтурь сочиале дупэ карактерул мунчий. Десфэшураря, кипуриле, а революций технико-штиинцифиче а кондиционат о нечеситате империоасэ де интеллектуализаре а мунчий ши пе ачастэ базэ а контрибуит ла апропиеря де май департе а группурилоу ши пэтуруилоу сочиале, индиферент де сфера окупаций лор. Ачест феномен социал, импортант дупэ пэреря унор сочиоложэ де вазэ дин время чея, се манифеста, пе де о парте, прин крештеря абсолюте ши релативэ а нумэрулуй лукрэторилоу, окупаць ку мунка интеллектуалэ ын сочиетате ын женере ши ын сфера де продукция ын парте ши, пе де алта, прин интеллектуализаря мунчий физиче²⁷.

Сэ ведем, деч, каре ера ситуация ши ын привинца ачестуй лукру. Нумэрул специализирилоу ку студий супериоаре ши медий специале, окупаць ын економия националэ а републичий, а крескут де ла 82,3 мий ын 1960 пынэ ла 472,7 мий ын 1987, адикэ чирка де 6 орь (5,7 орь)²⁸. Нумэрул лукрэторилоу де кондучере ши а специализирилоу ын колхозурь, совхозурь, ынтрэприндерь ши асочаций интергосподэ-решть а крескут де ла 11,3 мий ын 1965 пынэ ла 25,9 мий ын 1985²⁹. Е дрепт, кэ ну тоць ачешть кондукэторь ши специализишь, май алес шэфий де фермэ ши бригадиерий, авяу студий супериоаре терминате сау медий специале. Ын 1965 32—40 де проченте динтре специализиштий каре се афлау ын фрунтя диферитор унитэць де продукция, яр ын 1985 ын журул ла 28—30 проченте н'авяу астфел де студий³⁰. Ынсэ, ку тоате ачестя, ну екзистэ нич о ындоялэ привитор ла карактерул трансформэрилоу сочиале, май ку самэ, дакэ цинем конт, кэ ын периоада де тимп че не интересязэ нумэрул челор ынкадраць ын кымпул де мункэ ла сате а скэзут де ла 803,7 мий лукрэторь ын 1960 пынэ ла 740,1 мий ын 1987³¹.

Ынтре аний 1960—1985 аре лок о крештере консидерабилэ а рындурилоу интеллектуалитэций де ла сате ку студий супериоаре ши медий специале. Нумэрул ынвэцэторилоу а крескут де ла 21 мий пынэ ла 32 мий, а медичилоу — де ла 986 пынэ ла 1 698, а персоналулуй медицин ку студий медий специале — де ла 6 955 пынэ ла 9 451 де оамень³². Ынсэ, пентру а ынтэри конклузия че се импуне дин ачесте фапте, пентру а-й атрибуи ун характер май ларг де женерализаре, есте нечесарэ о анализэ компаративэ а скимбэрилоу респективе ын кадрул принципа-лелор групурь сочиале але популацией сэтешть.

Е штиут, кэ пынэ ши чя май симплэ мункэ физикэ инклубе ын сине ши ануите ефортурь интеллектуале ши, деч, есте дестул де дифицил де а фаче о делимитаре екзактэ, конвингэтоаре ынтре диферите групурь социал-професионале але цэрэнимий колхозниче сау але мунчиторилоу дин совхозурь. Деачея, пентру а редуче ла максимум рискул уней ерорь субъективе ын ачастэ привинцэ, ной не-ам оприт атенция ын специал асупра ачелор групурь социал-професионале, карактерул

Табелул 2. Корелация нумерикэ а принципалелор групурь сочиал-професионале де мунчиторь агриколь (мий де оамень)

Групуриле сочиал-професионале	Анул			
	1959	1969	1979	1985
Медия ануалэ а лукрэторилор ынтреприндери-лор агриколе де стат	26,1	95,3	256,9	276,5
Инклусив:				
механизаторь	1,6	7,1	26,8	32,3
операторь	—	—	4,2	11,6
лукрэторь окупаць ку репарация, регларя ши ажустаря апаратажулуй електрик, алтор мижлоаче техниче	0,2	0,5	9,2	12,2
шоферь, кондукэторь де аутовехиколе	0,5	0,8	11,1	14,1
Ын тотал мунчиторь агриколь окупаць ку мунка физикэ калификатэ	2,3	8,4	51,3	70,2
Нумэрул де специализшь ын % фацэ де нумэрул тотал ал мунчиторилор ынкадраць ын кымпул де мункэ	8,8	8,8	20,0	25,6

мунчий кэрора ну трезеште нич о ындоялэ суб ачест аспект—механизаторий, операторий, лукрэторий, окупаць ку репарация ши ажустаря апаратажулуй електрик, а алтор мижлоаче техниче, шоферий.

Анализа дэрилор де самэ ануале але ынтреприндерилов агриколе де стат скоате ын евиденцэ урмэтоаря корелацие нумерикэ ынтре ачесте групурь сочиал-професионале але мунчиторилор агриколь (Везь табелул № 2). Ла прима ведере, с'ар пэря, кэ ритмул де крештере ал ачестор групурь сочиале есте фоарте маре. Нумэрул механизаторилор а крескут май мулт де 20 де орь, ал кондукэторилор де аутовехиколе—апроапе де 30 де орь, ал реглорилор ши ажусторилор апаратажулуй електрик, алтор мижлоаче техниче—де 60 де орь. Ынсэ дакэ черчетэм ницел май атент дателе табелулуй ын каузэ, ведем, кэ, деши, ын ансамблу, еле сынт дестул де импунэтоаре, ла сфыршитул анилов '50 ши кяр ла сфыршитул анилов '60 нумэрул специализтилов, че-ау ымбрэцишат професииле индикате ын табел, есте дестул де мик.

Май мулт декыт атыт, реглорий ши ажусторий апаратажулуй електрик, а алтор мижлоаче техниче липсяу ку тотул ын ачестэ периодэ. Ытэ де че, ын рапорт ку аний '70 ши прима жумэтате а анилов '80 не паре кэ ритмул де крештере е атыт де маре. Ын афарэ де ачаста ынсушь нумэрул лукрэторилор ынтреприндерилов агриколе де стат а спорит ын периода датэ май мулт де 10 орь. Пондеря мунчиторилор агриколь, окупаць ку мунка физикэ калификатэ, ынкадраць ын кымпул де мункэ ал ачестор господэрий, дупэ кум стабилит, а крескут нумай де 3 орь, сау ку 17,8 проценте.

Сэ ведем акум, каре а фост тендинца доминантэ де дезволтаре а ачестор групурь ын кадрул цэрэнимий колхозниче. (Везь табелул № 3).

Компарынд цифреле дин табелурь, констатэм, кэ ын кадрул цэрэнимий колхозниче таблоул скимбэрилор сочиал-структурале се деосебеште де чел ал скимбэрилор ын кадрул мунчиторилор агриколь. Ын тимп че тендинца доминантэ а цэрэнимий колхозниче есте микшораря нумэрулуй ей, тендинцеле де дезволтаре а диферителор групурь сочиал-професионале поартэ ун карактер диферит. Пынэ ын 1970, деши нумэрул абсолут ал колхозничилор окупаць ын господэрия сочиалэ скаде, нумэрул групурилор сочиал-професионале креште. Ынтре аний 1970—1985 нумэрул колхозничилор ынкадраць ын кымпул де мункэ се микшорязэ май мулт де доуэ орь, конкомитент се редуче ши нумэрул тутурор групурилор ын афарэ де чел ал операторилор, ынсэ ынтр'ун ритм мулт май спорит. Нумэрул механизаторилор с'а микшорат ын ачест тимп апроапе де 4 орь, чел ал реглорилор ши ажусторилор апаратажулуй електрик ши ал алтор мижлоаче техниче—апроапе де 3 орь. Чей дрепт, пондеря колхозничилор окупаць ку мунка физикэ ка-

Табелул 3. Корелация нумерикэ а принципалелор групурь сочиал-професионале але цэранилор колхозничь (мий де оамень)

Групуриле сочиал-професионале	Анул			
	1965	1970	1979	1985
Медия ануалэ а колхозничилор окупаць ын господэрия сочиалэ	670,8	633,2	363,3	313,1
Инклюдив:				
механизаторь	32,9	39,5	33,9	11,5
операторь	1,4	4,1	7,6	15,6
Лукрэторь окупаць ку репарация ши ажустаря апаратажулуй електрик, алтор мижлоаче техниче	—	—	7,1	2,6
шоферь	13,4	15,2	14,2	14,1
Ын тотал цэрань колхозничь окупаць ку мунка физикэ калификатэ	47,7	58,8	62,8	43,8
Нумэрул де специализьтэ ын % фацэ де нумэрул тотал ал колхозничилор ынкадраць ын кымпул де мункэ	7,0	9,0	17,0	13,0

лификатэ а крескут ын ачест тимп ку 6%, ынсэ ла мижлокул ани-лор '80 еа конституя доар 13 проценте ши ера апроапе де доуэ орь май мик декыт пондеря челор окупаць ку мунка физикэ калификатэ ын совхозурь. Деч, деши екзистенца унор атаре тендинце, атыт ын кадрул мунчиторилор агриколь, кыт ши ын чел ал цэрэнимий колхозниче, е инконтестабилэ, манифестаря лор, май алес, ын кадрул челей дин урмэ, а фост атыт де слабэ, ынкыт есте фоарте греу сэ фий де акорд ку ачей, каре вэд ын еле ун индиче конвингэтор ал тенденцей де апропиере ынтре ачесте доуэ класе.

Ши, ын сфыршит, а трей кале импортантэ, каре конформ ачелорашь визиунь теоретиче, дучя ла апропиеря ынтре диферите групурь ши пэтурь сочиале, есте апропиеря ын сфера репартицией. Адикэ пе база дезволтэрий форцелор де продукцие, перфекционэрий релациилор де продукцие, крештерий продуктивитэций мунчий се скимбэ ши ремунераря мунчий ши, астфел, аре лок, кипуриле, нивеларя трептатэ а деосебирилор сочиал-економиче ынтре класе, групурь ши пэтурь сочиале, ынтре лукрэторий окупаць ку мунка физикэ ши чей окупаць ку мунка интелектуалэ³³.

Дакэ ар фи сэ жудекэм деспре ачесте прочесе нумай пе база дате-лор дин ануареле ноастре де статистикэ, апой ынтр'адевэр ам путя трайе конклузия кэ ануме ын аша мод се десфэшурау лукруриле. Салариул медиу лунар ал колхозничилор окупаць ын господэрия агриколэ а крескут де ла 28 рубле ын 1960 пынэ ла 142 рубле ын 1985, адикэ де чинч орь. Плата медие а уней зиле-мункэ ын ачест сектор економик — де ла 1,49 пынэ ла 6,83 рубле (де 4,4 орь). Ын ачелаш тимп, ау фост мажорате саларииле лукрэторилор господэриилор агриколе де стат — де ла 53 рубле пынэ ла 146 рубле (2,3 орь), плата медие а уней зиле-мункэ крескынд де ла 2,15 пынэ ла 6,88 рубле, адикэ де 3,2 орь³⁴.

С'ар пэря, кэ ынтр'адевэр венитуриле бэнешть але колхозничилор ын периоада датэ крештяу ынтр'ун ритм май ыналт декыт челе але лукрэторилор господэриилор агриколе де стат ши, астфел, деосебириле динтре ачесте групурь сочиале але популяцией сэтешть дупэ ачест индиче диспэряу. Ын реалитате, ынсэ, ситуация ера ку тотул де алтэ натурэ. Нумэрул групурилор сочиал-професионале атыт ын кадрул колхозничилор, кыт ши ал лукрэторилор совхозурилор, совхозурилор-фабрикэ есте аша де маре ши дупэ ачест индиче диферэ ын аша мэсурэ, ынкыт орьче ынчеркаре де а оглинди скимбэриле, деспре каре ам ворбит май сус, прин призма унор индичь женераль, е комплет липситэ де темей ши поате фи привитэ доар ка о конштиентэ денатураре а лукру-

рилор. Дин пакате, нич дателе, че се концин ын дэриле де самэ але господэриилор, дин кауза методелор диферите де калкуларе а лор ши а кадрулуй хроноложик диферит, ну не пермит сэ креэм ун таблоу интегру ши адекват ал тутурор трансформэриилор, че ау авут лок ын кадрул ачестор групурь сочиале. Ку тоате ачестя, анализате ын ансамблу, еле дау, тотуш, посибилитатя де а детермина, чел пущин ын линий женерале, тендинцеле принципале де дезволтаре ын ачастэ привинцэ.

Сэ ведем, деч, че скимбэрь реале ау авут лок ын ачастэ периоадэ ын плата мунчий колхозничилор ши мунчиторилор агриколь (Везь табелул № 4).

Анализинд дателе дин ачест табел, констатэм, кэ нич ла ун груп социал-професионал плата мунчий н'а крескут атыт де есенциал, дупэ кум не-о демонстразэ ануареле де статистикэ, яр кыт привеште скимбэриле ын ремунераря мунчий колхозничилор, апой ачестя н'ау фост детерминате де факторы экономичь объективь, дар де факторы социал-политичь субъективь. Се креазэ импресия, кэ скимбэриле ын плата мунчий ау фост фэкуте фэрэ нич ун рационамент, фэрэ сэ се цинэ конт де контрибуция фиекэруй груп социал-професионал ын парте ла спори-ря венитулуй господэрией. Чел май мулт а крескут salariул пазничилор лагэрелор де кымп, лукрэторилор институциилор де културэ ши а челор окупаць ку мунка мануалэ некалификатэ — де 2,1—2,6 орь. Пе кынд плата мунчий организаторилор прочесулуй де продукцие, специализирилор де ыналтэ калификаре а крескут доар де 1,2—1,5 орь. Е клар, кэ ачесте скимбэрь ау фост ефектуате дин арумите скопурь политиче.

Деши, диференца динтре нивелуриле венитурилор реале ла диферите групурь социал-професионале а скэзут, ремунераря мунчий унор групурь социал-професионале е дестул де микэ. Ачаста се обсервэ, май алес, фэкынд о паралелэ ынтре плата мунчий диферитор персоане де кондучере ши а лукрэторилор окупаць ку мунка мануалэ некалификатэ атыт ын сфера продукцией, кыт ши ын чя де десервире. Ын ансамблу, суб аспектул че не интересязэ пе ной, скимбэриле ын плата мунчий диферителор групурь социал-професионале поартэ ун карактер контрадикториу, деформат ши ну рефлектэ нич пе департе тендинцеле объективе де дезволтаре а форцелор де продукцие ла сате.

Сэ ведем акумуля, че скимбэрь ау авут лок ын кадрул мунчиторилор агриколь (Везь табелеле №№ 5; 6). Бинеынцелес, кэ дателе дин ачесте табеле нумай конвенционал пот фи компарате ку челе дин табелул № 4. Ынсэ, ын фонд, пе база лор се поате де стабилизирэ таблоул женерал ал трансформэриилор ын каузэ.

Дупэ кум ведем, плата медие (инклюдив плата суплиментарэ) а уней зиле-мункэ а мунчиторилор агриколь ын мажоритатя рамурилор де продукцие ын 1965 конституя де ла 2,24 пынэ ла 3,39 руб., ын 1985 респектив — де ла 3,80 пынэ ла 9,18 руб. Деч, дакэ ам компара плата лор ку а колхозничилор, ексклузынд, бинеынцелес, дин рындул ачестора дин урмэ ешалонул супериор ал апаратулуй административ де командэ (прешединций де колхоз, аджункций прешединцилор, специализирий супериорь ш. а.), дателе деспре салиаризаря тутурор категориилор де специализишь ши кондукэторь ай господэриилор агриколе де стат ну ле авем ла диспозицие, деоарече ын дэриле де самэ але господэриилор ын каузэ еле пур ши симплу липсеск, ам обсерва ушор кэ диференца ну есте атыт де маре. Ну е greu де констатат, кэ афирмацииле унор специализишь, прекум кэ, кипуриле, екзистау унеле деосебирь сочиале есенциале ын ремунераря мунчий колхозничилор ши мунчиторилор агриколь, ну сынт жусте. Ынтр'адевр, плата медие а уней зиле-мункэ (инклюдив плата суплиментарэ) а унуй мунчитор де рынд ши а унуй колхозник, че ындеплиняу о мункэ физикэ пущин калификатэ, ын 1965 конституя чирка 2,60 руб., адикэ ачеш сумэ (везь пунктеле 18—

Табелул 4. Скимбэриле ын плата мунчий колхозничилор (Плата медие а уней зиле-мунка, инклузив плата суплиментарэ ын рубле)

№ №	Денумиря категорией де лукрэторь	Анул		Ын 1985 ын % фацэ де 1965
		1965	1985	
1.	Прешединць де колхоз	11,52	15,23	132,2
2.	Аджункць елибераць	9,06	11,31	124,8
3.	Специалишть принципаль (агрономул-шеф, ин- жинерул-шеф, медикул ветеринар-шеф, зоотех- ничианул-шеф ш.а.м.д.)	9,07	11,50	126,8
4.	Контабиль-шефь	9,13	12,16	131,7
5.	Економишть супериорь, економишть	7,91	9,81	124,0
6.	Контабиль, статистичиень	3,82	6,12	160,2
7.	Контабиль дин бригазэ	3,14	5,14	163,7
8.	Шефь де магазинь, ангаре ши де господэрий де карбуранць	2,63	5,26	200
9.	Шефь де оспэтэрий, клубурь ши библиотечь	2,12	4,67	220,3
10.	Агрономь	6,14	8,33	135,7
11.	Зоотехничиень	7,51	7,84	104,4
12.	Медичь ветеринарь	4,71	6,58	139,7
13.	Инжинерь	5,17	7,31	141,4
14.	Шефь де бригазэ	5,53	8,51	153,9
15.	Шефь де ферме анималиере	5,19	7,97	153,6
16.	Шефь де бригазэ де конструкции	3,82	6,95	181,9
17.	Шефь де ателиере	3,74	6,07	162,3
18.	Лукрэторий институциилор де културэ	1,71	3,03	175,1
19.	Пазничь, помпиерь	1,73	3,03	175,1
20.	Пазничь ай лагэрелор де кымп	1,52	3,53	232,2
21.	Букэтарь, лукрэторь ын оспэтэрий	1,81	3,25	179,5
22.	Лукрэторь ай официулуй поштал	1,97	5,51	279,7
23.	Тракториштэ, комбайнерь	4,81	7,14	148,4
24.	Калкуляторь, лукрэторь ла стацииле де алимен- таре а машинилор	3,47	4,86	140,0
25.	Шоферь, кондукэторь де аутовехикуле	4,16	6,37	153,1
26.	Лукрэторь ай ынтресприндерилов аукзилиаре	3,23	5,70	176,5
27.	Лукрэторь ай бригазилор де конструкции	2,91	5,67	194,8
28.	Мулгэтоаре	3,54	8,15	230,2
29.	Мулгэтоаре, окупате ку мулсул механизат	4,06	9,27	228,3
30.	Ынгрижиторь де вачь ши де ой	3,15	7,06	224,1
31.	Ынгрижиторь де вице	2,91	6,23	214,0
32.	Ынгрижиторь де порчь	3,67	5,42	147,7
33.	Алць лукрэторь де ла фермеле анималиере	2,63	5,27	200,4
34.	Лукрэторь окупаць ку мунка мануалэ некали- фикатэ	2,64	7,07	267,8

34 дин табелул № 4). Апроксиматив тот ын егалэ мэсурэ ера ремуне-ратэ мунка мунчиторилор дин господэрииле де стат ши а колхозничилор ши ын 1985. Бунэоарэ, механизаторий дин колхоз примяу 7,14 руб., яр чей дин господэрииле агриколе де стат — де ла 5,93 руб. (ын асо-циация агроиндустриалэ де продукцие дин Унгень) ши пынэ ла 8 руб. (ын чя дин Григориопол), адикэ, ын принципу, плата мунчий ера кам ачеш, фииндкэ ын кадрул секторулуй колхозник еа диферэ де ла о господэрие ла алта.

Ачелаш лукру ыл обсервэм ши ла алте групурь социал-професона-ле. Ын 1985 о мулгэтоаре дин секторул кооператист-колхозник примя пе зи ын медиу 8,15 руб., ун ынгрижитор де порчь 5,42 руб., ун ынгри-житор де ой 7,06 руб.— 7,07 руб. примяу колхозничий, окупаць ку мун ка мануалэ некалификатэ, ла ачеш категория де лукрэторь дин секто-рул агрикол де стат плата мунчий вария респектив ынтре 7,02— 8,90 руб., 5,17—7,02 руб., 4,44—8,89 руб. ши 5,30—8,04 руб. Ын казул дат се поате де ворбит ну деспре екзистенца уней карева деосебирь есенциале ынтре ачесте доуэ типурь де господэрий, чи, май деграбэ, деспре фаптул, кэ ремунераря мунчий ын диферите господэрий е ди-феритэ ши атунч ажунжем ла конклузия, кэ тотул че с'а скрис пынэ акум пе ачестэ темэ ну кореспунде адевэрулуй, фииндкэ се афирма

Табелул 5. Плата медие а уней зиле-мункэ (инклюдив плата суплиментарэ) ын диферите сфере де продукцие але господэрийлор агриколе де стат ын 1965 (ын рубле)

№ №	Рамуриле де продукцие	Трустул совхозурилоу пентру продукчя материалулуй сэдиторши а семинцелор	Асоциация молдовеняскэ а совхозурилоу пентру продукчя ани-малелор де прэсилэ	Трустул «Заготскот-корм»
1.	Култура плантелор	2,86	2,69	2,62
2.	Крештеря анималелор	3,11	3,29	2,84
3.	Транспортул де анимале	2,24	2,27	2,63
4.	Транспортул ауто	3,39	3,05	3,14
5.	Апровизионаря ку енержие електрикэ, апровизионаря ку апэ	2,65	3,07	2,66
6.	Репарация капиталэ а машинилор ши а утилиажулуй техник	2,93	3,09	2,52
7.	Репарация курентэ	2,67	2,76	3,19

контрариул. Мажоритатя черчетэторилор, че ау студият проблема ын каузе, ау порнит де ла идея, кэ ла база тутурор деосебирилор социале есенциале дин сочиетатя ноастрэ стау формеле де проприетате ши, перспектив, формеле де ремунераре а мунчий, каре резултау дин еле. Дар, дупэ кум реесе, ынсэ, дин анализа де май сус, деосебириле ачестя сынт май деграбэ детерминате де кондицииле реале де господэрире але фиекэрей унитэць агриколе ын парте. Ши атунч, се искэ ынтребаря, каре ау фост тотушь тендинцеле принципале де дезволтарэ а структурий социале а популацией сэтешть ын ачешть ань? Реешинд дин челе експусе пынэ акум, дупэ пэреря ноастрэ, объективе, детерминате де прогресул технико-штиинцифик (инсуфициент, дар тотуш реал), де лежилие иманенте де дезволтарэ а форцелор де продукцие, ачесте тендинце ау фост доуз: прима — чя де микшораре абсолютэ ши релативэ а популацией сэтешть ши а доуа — чя де крештере континуэ а нумэрулуй ши пондерий групурилор социал-професионале, окупате ку мунка квалификатэ. Кыт привеште крештеря рапидэ а рындурилор аша-нумицилор мунчиторь агриколь, диспария деосебирилор динтре групуриле социал-професионале де ла сате, апропиеря лор дупэ трэсэтуриле социал-економиче принципале, апой тоате ачесте феномене социале авяу ла база лор май деграбэ ниште скопурь идеоложиче ши политиче, декыт факторь социал-економичь ши ну пот фи привите ка ниште консечин-

Табелул 6. Плата медие а уней зиле-мункэ (инклюдив плата суплиментарэ) ла диферите категорий де лукрэторь ай господэрийлор агриколе де стат ын 1985 (ын рубле)

№ №	Денумия категорией де лукрэторь	Ынтреприндеря				
		«Молд- вин- пром»	«Молдплодоовощпром»			
			ААИ дин Кахул	ААИ дин Унгень	ААИ дин Григо- риопол	ААИ дин Кали- нинск
1.	Шефий де бригэзь (културиле де кымп)	5,82	5,46	4,79	7,34	7,92
2.	Шефий де бригэзь (рамура витэритулуй)	6,50	5,67	6,51	7,73	7,53
3.	Мунчиторий ынкадраць ла ынгрижиря вителор марь корнута	6,74	9,06	5,01	7,24	7,23
4.	Инклюсив: мулгэтоареле, операторий мулсулуй механизат	7,44	7,02	7,49	8,34	8,90
5.	Ынгрижиторий де порчь	5,59	5,67	5,17	7,02	5,54
6.	Инклюсив: операторий	5,69	5,44	5,60	6,87	5,54
7.	Ынгрижиторий де ой	6,24	8,89	4,44	—	4,81
8.	Крескэторий де пэсэрь	4,77	3,80	—	6,66	4,11
9.	Альц лукрэторь дин рамура витэритулуй	4,57	4,14	4,10	5,69	3,79
10.	Тракториштий, машиништий, комбайнерий	6,44	6,13	5,93	8,00	6,20
11.	Кондукэторий де аутовехиколе, шоферий	6,29	5,34	5,99	7,18	5,76
12.	Електричиений	4,89	5,30	5,70	6,41	5,57
13.	Мунчиторий окупаць ку мунка мануалэ нека- лификатэ	8,04	6,39	5,30	6,55	7,15

це фирешть але унор прочесе обьективе, че ау авут лок ын сочиетате. Дупэ кум ам авут посибилитатя сэ не конвинжем пе база анализей де май сус, тоате мэсуриле ынтрепринсе де черкуриле гувернанте але републичий (трансформаря колхозурилор ын совхозурь, инстаураря, ын челе май десе казурь, прин методе административе де командэ а унор релаций де продукцие, че ынстрэинау ши май мулт продукэторул немижлочит де мижлоачеле де продукцие ш.а.м.д.) урмэряу ануе ачесте скопурь. Ын реалитате ынсэ тоате ачесте феномене ау кэпэтит о манифестаре абя перчептибилэ.

NOTE

- ¹ Народное хозяйство Молдавской ССР (1987). — Кишинев, 1988. — С. 169.
- ² Население СССР в 1987 г. — М., 1988. — С. 120.
- ³ Нивелул де ынэстраре енержетикэ а унуь лукрэтор ын априкултурэ атинжя ын 1986 21,7 кай шутере. Капачитатя де мункэ а мултор машинь агриколе ера фолоситэ нумай ла 60—70 проценте//Советская Молдавия.—1987.—27 марта; Сельское хозяйство Молдавии.—1988, № 7.—С. 43.
- ⁴ Население СССР в 1987 г.—С. 120
- ⁵ Табелул есте конституит дупэ дате-ле ачелешь кулежерь.—II. 76—77.
- ⁶ Калкулат дупэ ачелешь дате.
- ⁷ Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.—М., 1984.—С. 26—411
- ⁸ Калкулат пе база ачелорашь материале.—II. 35.
- ⁹ Народное хозяйство Молдавской ССР (1987).—С. 128, 131, 134; Бодюл И. И. Экономические и социально-политические проблемы сближения города и деревни.—Кишинев, 1972.—С. 107.
- ¹⁰ Калкулат дупэ ачелешь дате.
- ¹¹ Волков Ю. Роль социальной политики КПСС в формировании советского народа // Коммунист Молдавии.—1980, № 5.—С. 14.
- ¹² Социальное развитие села в период строительства коммунизма.—Кишинев, 1975.—С. 64.
- ¹³ Тот аколо.
- ¹⁴ Калкулат дупэ дате ануарулуй де статистикэ: Народное хозяйство Молдавской ССР (1987).—С. 95—96, 122.
- ¹⁵ Калкулат дупэ дате ачелешь ануар.—II. 128, 131.
- ¹⁶ Народное хозяйство Молдавской ССР (1987).—С. 46—47.
- ¹⁷ Тот аколо.
- ¹⁸ Тот аколо.—II. 157.
- ¹⁹ Тот аколо.—II. 145, 147.
- ²⁰ Тот аколо.—II. 128, 134.
- ²¹ Тот аколо.
- ²² Тот аколо.—II. 105, 107, 114.
- ²³ Народное хозяйство Молдавской ССР (1986).—С. 117.
- ²⁴ Тот аколо.—II. 119.
- ²⁵ Тот аколо.—II. 127, 204—205.
- ²⁶ Тот аколо.—II. 204—205.
- ²⁷ Руткевич М. Н. Тенденции развития социальной структуры советского общества.—М., 1975.—С. 63.
- ²⁸ Народное хозяйство Молдавской ССР (1987).—С. 176.
- ²⁹ Калкулат дупэ дате ануарулуй де статистикэ «Народное хозяйство Молдавской ССР (1986).—С. 151—154.
- ³⁰ Народное хозяйство Молдавской ССР (1980).—С. 126—128; Народное хозяйство Молдавской ССР (1986).—С. 151—154.
- ³¹ Народное хозяйство Молдавской ССР (1980).—С. 128, 131, 134.
- ³² Народное образование, наука и культура в МССР.—Кишинев, 1986.—С. 13; ЦГА МССР, ф. 3090, оп. 3. д. 901, лл—28—30; Д. 1135, лл—15—17; Д. 1304, лл—18—20; ТА МЗ МССР, годовые отчеты о сети, деятельности и кадрах медицинских учреждений за соответствующие годы.
- ³³ Амвросов А. А. От классовой дифференциации к социальной однородности общества.—М., 1972.—С. 222.
- ³⁴ Народное хозяйство Молдавской ССР (1987).—С. 128.

Резюме

На основе критического анализа господствовавших до недавних пор в советской литературе теоретических воззрений относительно характера и направленности социально-классовых процессов в нашем обществе, в статье предпринята попытка по-новому взглянуть на те изменения, которые происходили в социальной структуре сельского населения республики в 60—80-е гг. Как известно, согласно этим взглядам все имевшие место в обществе социально-классовые изменения, происходили в основном под эгидой сближения, а в конечном итоге и слияния всех социальных групп и слоев.

Рассматривая эти теоретические построения через призму конкретного анализа реально происходивших сдвигов в численности, возрастном и социально-профессиональном составе сельского населения, в уровне образования, формах и размерах оплаты труда различных категорий сельских тружеников, автор приходит к выводу, что характер этих сдвигов не вписывается в контексте данных построений.

Pavel V. Sovetov

CIT A COSTAT ȚĂRII MOLDOVEI DOMINAȚIA STRĂINĂ
(Forme economice de dependență a Moldovei
în secolul al XVI-lea —
începutul secolului al XVIII-lea)

O scurtă prefață de ordin publicistic. Procesul de renaștere națională a cuprins în prezent multe popoare din Europa de Est și Sud-Est. În centrul atenției lor se află nu numai paginile glorioase și pline de măreție din viața strămoșilor, dar și timpurile de grele încercări și zguduri, de dominație străină, care n-au ocolit pe nici un popor din această regiune a Europei. Multe dintre problemele legate de trecut astăzi se iau în discuție mai frecvent decât odinioară.

Deocamdată pretutindeni tonul este dat de publicistică. Ea e în frunte. Știința istorică cu greu încearcă să nu rămână în urmă. Schița publicistică, mai ales dacă ea e creată în urma unei luminări geniale, de regulă, apare mai repede, înaintea cercetării științifice multilateral argumentată cu documente și materiale, care necesită, de obicei, mai mult timp pentru studiere. De aceea, în bătăliile politice publicistica, de cele mai multe ori, câștigă prima luptă. Dar, mai devreme sau mai târziu, își spune cuvântul și știința, bazându-se pe cercetări migăloase, studii aprofundate și de aceea uneori îndelungate. Ea poate să dovedească dacă a avut dreptate sau nu publicistica, să confirme sau să dezmințască cele relatate de ea, mai cu seamă dacă publicistul a încercat să înlocuiască o vedere științifică asupra istoriei poporului cu o poziție oficială a politicii zilei de azi proiectată în trecut¹. Adeseori aceasta se întâmplă cu acei, care apelează superficial în politică la cele mai dureroase perioade din istoria poporului său, când el devenea victimă a agresiunii, asupririi, nimerea sub dominația străină.

În evul mediu astfel de grele și de dramatice perioade au fost cele legate de cucerirea tătar-mongolă a Rusiei, expansiunea germană la Răsărit — în Cehia, Slovacia, Polonia, Țările Baltice, agresiunea otomană în Europa de Sud-Est, ce s-a soldat cu cucerirea Bulgariei, Serbiei, Ungariei, Țării Românești, Transilvaniei, Moldovei, precum și de expansiunea marilor imperii din Europa secolului al XVIII-lea. Nu rareori și aceste popoare mari ce își formau imperiile cucerind alte pământuri sesizează dureros unele pagini din istoria lor ce le amintesc despre zilele dominației străine din trecut pe pământurile lor proprii.

În această privință la etapa actuală de avânt național discuții aprinse a stîrnit schița, în fond, talentată a cunoscutului scriitor rus Vasiliyev B. «Iubește Rusia și pe vremea rea», publicată în anul 1989 în ziarul «Izvestia». Pe lângă unele observații originale, autorul face și o concluzie destul de îndoielnică: «Rusia n-a cunoscut jugul tătar-mongol. Au existat niște relații de vasalitate cuviincioasă pentru evul mediu, determinate de plata tributului, care avea mai curînd un caracter simbolic, în schimbul apărării hotarelor rusești de către Hoarda de Aur».

Răspunsul istoricilor și de data aceasta a întârziat cu mai bine de un an. Părerea savanților, care au cercetat această perioadă a istoriei Rusiei a fost cu totul alta și nu coincide cu cea a publicistului rus. În timpul mesei rotunde, consacrate reflectării problemelor istoriei în publicistica contemporană, participanții la ea au menționat: «În articolul lui B. Vasiliev destul de mult spațiu este oferit problemelor legate de jugul tătar-mongol. Ideea principală a autorului constă în faptul, că Rusia a fost doar un vasal al Hoardei de Aur, iar jugul Hoardei, ca atare, nici n-a fost. Începînd cu invazia devastatoare a lui Batu-han, el s-a încheiat foarte repede prin înfrățirea lui Alexandru Nevski cu fiul cucerii-

torului — Sartac. Iar cît privește tributul dat Hoardei, acesta, în genere, nu era tribut, ci o plată firească pentru apărarea hotarelor rusești etc. Referitor la aceste afirmații trebuie să spunem pe șleau: sînt foarte departe de realitate. Contacte, desigur, au existat, erau și căsătorii reciproce, dar, în adevăr, totuși, a fost anume un jug, au fost tributuri uriașe, incursiuni groaznice de represalii, vărsări de sînge etc»².

O poziție, cei drept iarăși de ordin politico-publicistic, dar și mai diametral opusă părerii scriitorului B. Vasiliev, a expus nu demult (octombrie 1990) ministrul culturii N. Gubenco la întrunirea scriitorilor din U.R.S.S. cu M. Gorbaciov. El numește o epocă îndelungată «Rusia tatărească», situată, după părerea lui între «Rusia Kieviană» și «Rusia lui Petru I».

Cazuri asemănătoare observăm în ultimul timp și în polemica referitor la problema privind situația Moldovei în perioada dominației otomane.

Articolul de față este consacrat unui aspect al acestei probleme: ce reprezenta plata tributului, pe care îl datora Principatul Moldovei Imperiului otoman³, era unica sau principala formă de exploatare economică din partea asupritorilor străini? Cît, de fapt, l-a costat pe poporul moldovenesc această dominație străină?

Haraciul în sistemul dependenței economice. La început forma cea mai grea de obligație economică față de Imperiul otoman a fost tributul sau haraciul, considerat de către cuceritorii otomani «o răscumpărare a păcii» și era plătit de populația nemusulmană⁴. El avea mărime stabilită pentru un an, fiind achitat, de obicei, în rate primăvara și toamna.

După stabilirea dominației otomane în 1538, haraciul, care pînă atunci era de 10 mii de galbeni, crește vertiginos (vezi mai departe tabelul 1). Numai în doi—trei ani el a depășit de o dată și jumătate ori nivelul atins în ajunul anului 1538, iar după 10—12 ani haraciul a fost dublat, apoi triplat și alcătuita la mijlocul secolului al XVI-lea 30 de mii de galbeni⁵. Apogeul a fost atins în 1582—1583, ajungînd la suma de 66 800 de galbeni, adică 3 940 000 de aspri (monedă turcească de argint, în care vistieria otomană fixa mărimea haraciului). Suma aceasta constituia valoarea de piață a 22 200 de boi. Pentru o țară nu prea mare, care avea în acele timpuri vreo 50 mii de gospodării satești contribuabile, aceasta era o povară foarte grea.

Poarta otomană (guvernul otoman) majora haraciul, de obicei cînd pe tron se ridica un nou domnitor sau propunea să fie mărit ca o condiție pentru menținerea lui pe tron. Pe parcursul secolului al XVI-lea haraciul a fost majorat de mai multe ori. De trei ori din inițiativa domnitorilor și de patru — la propunerea Porții otomane. Noul domnitor trebuia să plătească nu numai haraciul său, dar și datoriile predecesorilor. De pildă, domnitorul Petru Șchiopul a achitat datoria lui Iancu Sasul în anii 80 ai secolului al XVI-lea în mărime de cinci mii de taleri și o sută de cai⁶.

Dar în urma devalorizării catastrofale a asprului, după 1584, și a creșterii prețurilor, mărimea reală a haraciului a început vădit să scadă. În 1586 haraciul stabilit la același nivel de 3 940 000 aspri, după cursul aurului, constituia doar 33 400 galbeni — costul de piață a 8 300 boi. Numai în 1591 Poarta a mărit oficial din nou tributul în bani pînă la 7 milioane de aspri, ceea ce era egal cu 60 mii galbeni sau cu valoarea de piață a 12 200 boi.

Rezistența antiotomană a Ligii Sfinte la care a aderat și Moldova de rînd cu o serie de state europene, dar mai ales, lupta de eliberare împotriva dominației otomane, în fruntea căreia se afla marele voievod Mihai Viteazul, a dus spre sfîrșitul secolului al XVI-lea la scăderea

Evoluția haraciului plătit de Moldova în secolul al XVI-lea — începutul secolului al XVIII-lea*

Anii	Mărimea haraciului în galbeni după cursul vistieriei otomane din sec. XVI și după cursul pieței din sec. al XVII-lea	Mărimea haraciului, calculat în aspri (a.) sau taleri (t.)	Valoarea reală după cursul pieței a haraciului, ținându-se cont de fluctuația monedelor, de dinamica și evoluția prețurilor, recalculată în costul de piață a boilor
1503—1504	4 000	—	2 600
1514—1515	8 000	—	5 000
1528—1538	10 000	—	5 000
1541—1542	15 000	825 000 a.	7 500
1551—1552	20 000	1 140 000 a.	8 000
1552—1553	30 000	1 710 000 a.	12 000
1567—1568	35 000	2 065 000 a.	14 000
1568—1569	40 000	2 360 000 a.	16 000
1574—1575	53 000	3 150 000 a.	17 800
1582—1583	66 000	3 940 000 a.	22 200
1583—1584	53 400	3 940 000 a.	17 800
1584—1585	35 500	3 940 000 a.	12 200
1585—1586	33 400	3 940 000 a.	8 300
1591—1592	60 000	7 000 000 a.	12 000
1596—1597	26 000	3 150 000 a.	5 200
1599—1600	26 000	3 150 000 a.	4 500
1606—1619	35 000	—	5 000
1620—1621	46 000	5 600 000 a.	5 000
1636—1637	40 000	76 000 t.	5 400
1654—1655	55 000	—	6 500
1681—1682	37 000	75 000 t.	5 500
1689—1693	34 000	75 000 t.	5 600
1694—1698	20 000	40 000 t.	3 300
1701—1702	34 000	75 000 t.	5 300
1710—1711	30 000	75 000 t.	5 100*

* Tabelul a fost alcătuit pe baza datelor vistieriei otomane, a relatărilor făcute de călători și informatori străini, de cronicari turci, de autori moldoveni din evul mediu, de diplomați străini acreditați la Stambul. La baza recalculării tributului în valoarea de piață a boilor a fost pusă dinamica prețurilor de pe piață internă a Moldovei: История народного хозяйства Молдавской ССР. — Кишинев, 1976. С. 217.

haraciului. El era fixat numai la 3 150 000 aspri, adică 26 000 galbeni, ceea ce corespundea valorii de piață aproximativ a 5 mii boi. Deci, după valoarea reală de piață haraciul a scăzut spre sfârșitul secolului al XVI-lea la nivelul anilor 1537—1538 — ajunul stabilirii dominației otomane în Moldova.

Ulterior, în decursul secolului al XVII-lea haraciul, potrivit cursului în aur, crește din nou, dar revoluția prețurilor⁷ și devalorizarea talerului (monedă de argint în care vistieria otomană începe în secolul al XVII-lea să calculeze mărimea stabilită a haraciului) au făcut ca valoarea reală a haraciului pe piață să nu prevaleze costul a 5—6,5 mii de boi. În același timp, devalorizarea cursului de piață al banilor impunea Moldovei povara suplimentară a impozitelor noi din cauza «deficitului de bani» pentru plata haraciului, căci, după cum relatează actele din secolul al XVII-lea «ele (monedele) sînt primite acolo în haznaua sultanului cu valoare redusă»⁸.

În unii ani de declin economic de la sfârșitul secolului al XVII-lea Moldova ruinată nu era în stare să plătească nici acest haraci: 75 de mii de taleri (5—6 mii de boi). Poarta s-a văzut nevoită să recunoască oficial necesitatea unei reduceri temporare a tributului. Astfel, la 23 mai 1694, în plin declin economic și cu urmări grave ale războiului turco-polon, ruinător pentru Moldova, haraciul a fost micșorat cu 35 de mii de taleri, scăzînd pînă la valoarea de piață a 3 300 boi.

Faptul acesta e menționat direct într-un firman al sultanului. Doar în 1699 haraciul a fost mărit pînă la 40 000 de taleri, iar în următorii doi ani — pînă la 70 mii taleri. Numai în 1702 s-a restabilit nivelul, fixat în trecut al haraciului — 75 mii taleri, iar expresia lui în valoarea

de piață a depășit din nou costul a 5000 de boi. Aproximativ la același nivel s-a menținut și în prima jumătate a secolului al XVIII-lea.

Prin urmare, evoluția haraciului nu exprima întotdeauna tabloul real al intensificării dominației otomane în Moldova. Această intensificare s-a manifestat mai pregnant în tendința autorităților turcești de a renunța la interpretarea haraciului ca «răscumpărare a păcii», plătită de populația nemusulmană, care și-a menținut autoguvernarea de stat. A apărut tendința de a apropia haraciul de «ahl-zimma», adică de obligațiile economice ale populației nemusulmane de pe pământurile incluse nemijlocit în componența statului otoman, supuse administrației turcești. Populația nemusulmană de pe aceste pământuri (încorporate în statul turcesc) nu plătea haraciul, dar «gizie», capitație și îndeplinirea totodată multe și diferite alte prestații⁹. Tendința apropierii obligațiilor economice ale Moldovei de ahl-i-zimma se manifesta uneori mai evident prin încercarea de a considera haraciul, plătit de moldoveni, drept gizie. În alte cazuri tendința aceasta era mai voalată¹⁰. Deși, ea nu s-a realizat pînă la capăt, și-a găsit oglindirea în jurisprudența otomană și în lucrările cronicarilor turci, care pentru a determina tributul plătit de moldoveni, foloseau paralel cu termenul «haraci» și cel de «gizie» sau o noțiune apropiată de acesta ca sens, — «mactu»¹¹.

Gizia era, de obicei, percepută de pe pământurile de stat încorporate, proprietarul cărora era căpetenia statului turcesc — sultanul. Prin urmare, încercarea de a interpreta haraciul ca o variantă a giziei reflectă tendința otomanilor de a-l considera pe sultanul turc proprietar feudal suprem al pământurilor Moldovei. O astfel de interpretare a persoanei sultanului întîlnim și în unele acte oficiale domnești ale moldovenilor de la sfîrșitul secolului al XVI-lea — mijlocul secolului al XVII-lea. Aceste acte se bazau pe prezumția, că înalta trădare (hiclenie) în Moldova, care avea drept urmare confiscarea pământurilor, este o acțiune îndreptată nu numai împotriva domnului, dar și a sultanului¹². Semnificativ este faptul, că documentele moldovenești din secolul al XVII-lea numesc printre impozitele țărănești și «haraciul împărătesc», adică al sultanului¹³.

Tendința de a apropia noțiunea de haraci, plătit de Moldova, ca și cel impus Munteniei (Țara Românească), de cea de gizie și-a găsit expresia și în organizarea vistieriei otomane. La început haraciul plătit de Moldova era vărsat în hazinele internă a curții sultanului. În secolul al XVII-lea, însă, el a trecut în hazinele de stat a Imperiului otoman, unde era vărsată și gizia. De exemplu, în registrele vistieriei otomane pentru anii 1630—1631 sînt înregistrate încasări la articolul «gizie» în proporții de peste 15 milioane de aspri, percepuți de pe teritoriile încorporate ale Rumeliei, Anatoliei, Ciprului, paralel cu «gizia» percepută de la Țara Românească și Moldova¹⁴. Acest fapt este o dovadă în plus, că Poarta tindea să apropie statutul dominației sale și obligațiile economice ale Moldovei și Țării Românești de situația asemănătoare celei, care exista pe teritoriile țărilor încorporate direct în statul otoman. După reformele financiare din secolul al XVII-lea haraciul plătit de Moldova era încasat de o cancelarie de stat, anume de cancelaria de concesionare a minelor: «mucatta-i meadin calemi», în componența căreia intrau, paralel cu concesiile, veniturile obținute din încasarea «giziei» în Muntenia și Moldova. În 1697—1698 haraciul din Moldova este vărsat la această administrație financiară și inclus la paragraful «gizie»¹⁵. Dimitrie Cantemir, domn al Moldovei și mare savant cu renume european de la începutul secolului al XVIII-lea, menționa, că recipisa de primire a haraciului era eliberată anume de maden-halfasi — șeful cancelariei de concesionare a minelor¹⁶.

Politica financiară de identificare a haraciului moldovenesc cu încasările de pe pământurile de stat încorporate ale imperiului reflectă aspi-

rația Porții otomane nu numai de a întehi această formă a îndatoririlor economice ale principatului, ci și de a reglamenta juridic întregul sistem de dependență. Începând cu sfârșitul secolului al XVI-lea, greutatea specifică în scădere a haraciului nu mai putea să reflecte starea reală în plan economic a dominației otomane în Principatul Moldovei. Organizarea de stat otomană tot mai mult era subminată de corupție și mituire. În aceste condiții pe primul plan în îndatoririle economice ale Moldovei nu se plasează haraciul, ci ansamblul plăților și cadourilor oficiale și neoficiale: peșcheșurile și diferite ploconiri — rușfeturi, care completeau nemijlocit veniturile personale ale păturilor superioare feudale ale Turciei. Virfurile conducătoare ale Imperiului otoman devin tot mai cointeresate în aceste forme de venituri economice, decît în creșterea haraciului, care se ducea în hazna.

Peșcheșurile și rușfeturile. Peșcheșurile, plătite în favoarea păturilor feudale guvernante ale Imperiului otoman au apărut în Moldova înainte de stabilirea dominației turcești. Ele erau oferite din belșug nu numai sultanului, dar și dregătorilor Porții, pentru a le cuceri bunăvoința. Cronicarul turc Sadedin menționează, că încă în 1512 domnul Moldovei a trimis sultanului astfel de daruri¹⁷. La început ele nu erau obligatorii și nici atît de mari și regulate ca mai tîrziu. După stabilirea jugului otoman peșcheșul devine tradițional și neachitarea lui putea avea pentru domnii moldoveni consecințe grave, inclusiv detronarea. Grigore Ureche, vestitul cronicar moldovean din secolul al XVII-lea, compara metaforic Imperiul otoman cu un vas fără fund. «...cîtă apă ai turna într-însul, nu-l mai poți umplea, așa și turcul, de ce dai mai mult, deaceea îți face multă nevoie, că el darul îl scrie obicină, mai apoi n-ai vrea să-i dai, numai ce-ți caută ca să-î dai»¹⁸.

La început peșcheșul era achitat în bani sau în natură — cu cai și soimi pentru vinătoare sultanului. Țineau calea Stambulului și blănuri de samur, de rîs, de veveriță, postavuri scumpe, obiecte de argint și de aur, bijuterii. În 1551 domnul Moldovei a adus în capitala Imperiului otoman, în afară de bani, 100 de cai de rasă, deoarece, după cum afirmă izvoarele contemporane lui, se cuvenea «să vină odată în trei ani cu daruri»¹⁹. La 1563 numai un peșcheș era alcătuit din 36 vase de argint, care cîntăreau 10 kilograme, multe veșminte scumpe, brodate cu fire de aur.

Valoarea peșcheșurilor începe să crească cu repeziciune. Ele căpătau tot mai des o formă bănească, mărimea căreia se apropia tot mai mult de cea a haraciului. Trimițînd un haraci în valoare de 30 mii galbeni, domnul Alexandru Lăpușneanu a oferit sultanului și un peșcheș de 20 mii galbeni. O sumă identică a fost prezentată și de Despot Vodă în cel de al 7-lea deceniu al secolului al XVI-lea²⁰. Pe la mijlocul deceniului al 9-lea al secolului al XVI-lea Petru Șchiopul a prezentat sultanului un peșcheș în valoare de 2 milioane de aspri — prețul de piață a 6 mii de boi²¹.

Mărimea peșcheșurilor continuă să crească, în timp ce valoarea reală a haraciului scădea tot mai mult din suma totală a plăților. La sfârșitul secolului al XVI-lea peșcheșul se situează pe planul întîii. Valoarea lui adesea era egală cu cea a haraciului, ulterior devenind chiar mai mare. Cronicarul turc Mustafa Ali scria la sfârșitul secolului că la întronarea fiecărui domn marele vizir al Imperiului primea un peșcheș a cărui valoare ajungea la 100 de mii de galbeni²² (aproape de două ori mai mare decît haraciul cel mai înalt, pe care l-a plătit vreodată Moldova). Spre exemplu, pentru a obține tronul, Ștefan Lupu, la sfârșitul celui de al 6-lea deceniu al secolului al XVII-lea și Antioh Cantemir (pentru a fi confirmat pe un termen nou) la începutul secolului al XVIII-lea au plătit sub formă de peșcheșuri cîte 150 mii de taleri, ceea ce depășea de două ori valoarea haraciului din acele timpuri²³. Peșcheșurile depășeau

de două ori cuantumul haraciului și în deceniul al 5-lea al secolului al XVII-lea, în timpul domniei lui Vasile Lupu²⁴.

Creștea nu numai valoarea peșcheșurilor, ci și numărul lor. Acestea deveneau un fel de plăți oficiale și neoficiale, a căror deosebire era aproape imperceptibilă. Peșcheșurile oficiale se ofereau periodic. Într-o serie de cazuri peșcheșul era fixat în documentele Porții, ca fiind prezentat cu anumite ocazii în corespundere cu regulile protocolului curții sultanului. Cronicarul turc Selaniki relatează despre peșcheșuri oficiale, oferite în anii 1588—1593, subliniind că cele din Moldova au fost «obținute după lege»²⁵. Într-un berat dat de către sultan domnului Alexandru Iliș în 1620, peșcheșurile trimise dregătorilor de la Poartă erau considerate vărsăminte oficiale. Pe lângă peșcheșurile oficiale, deosebit de impunător devine peșcheșul plătit cu ocazia întronării noului domn sau a confirmării lui în funcție la fiecare trei ani²⁶. Începând cu secolul al XVII-lea, peșcheșul acesta începe să se numească «mucarerul cel mare». În afară de aceasta, pentru a-și păstra tronul, domnul plătea și un peșcheș anual, «mucarerul cel mic»²⁷. Valoarea acestor peșcheșuri era stabilită în urma unor tocmeli îndelungate între domn și Poartă.

Dimitrie Cantemir, martorul ocular al acestor evenimente, relatează, că lucrurile se petreceau, de obicei, în felul următor: «însă viziriul, măcar că au dobândit voie de la sultanul ca să înnoiască pre domn în stăpânirea sa iară, pentru ca să poată scurge bani mai mulți, se arată ca cînd nu ar fi isprăvit nimic cu sultanul despre această treabă» și caută să obțină un peșcheș mai mare pentru sultan, vizir și slugile lui, zicînd că sînt mulți pretendenți la domnie. «Atuncea capuchihaiielele (solii domnului la Stambul — P. S.), văzînd primejdia aceasta a domnilor lor, că le stă înainte, să aruncă la picioarele lui chihaia (adjunctul vizirului — P. S.) și îl roagă pre dînsul ca cît va fi cu puțință, în tot chipul să stea pentru domnul lor, făgăduind la urmă, că îi vor mai mări darurile cele obicinuite, ce sînt pentru dînsul și pentru viziriul. Și întru acest chip joacă pre pielea bieților moldoveni lăcomia de cînstă și lăcomia de argînt. Si tot asa urmează, pînă cînd le îndestulează mîndria care îi stăpînește pre dînsii, împreună și banilor»²⁸.

În timpul vieții lui Dimitrie Cantemir, la sfîrșitul secolului al XVII-lea și la începutul secolului al XVIII-lea devenise un lucru obișnuit de a da sultanului, mamei lui și la patru dregători înalți ai Porții un peșcheș în valoare de 54 mii de taleri imperiali. «Darurile... peșcheși, pentru celelalte slugi ale curții și boieri, se suie la 60 000 de lei (40 de mii de imperiali)... Si prea de multe ori cuprind toate cheltuielile acestea încă și pînă la 300 000 de lei. Numai însă nu le dă domnul de la cămară sa, ci numai țara (tot ponorul — P. S.) are datorie să le plinească pe toate»²⁹, scrie Dimitrie Cantemir. Mucarerul cel mic, care se plătea anual, ajungea doar la 25 mii de taleri (37500 lei). «Iară înnoirea cea mare, la care să înnoiască hrisovul domniei, după trei ani ai stăpînirii, amintește Dimitrie Cantemir, cere asemenea cheltuială, ca și la punerea din nou a unui domn»³⁰.

Povara acestor plăți enorme cădea pe umerii maselor populare din Moldova. În secolul al XVII-lea apăruse un bir adăugător — «birul sceptrului» — cîte 2 galbeni de fiecare gospodărie țărănească, care se lua pentru plata mucarerului³¹. În afară de mucarer printre peșcheșurile oficiale, un loc deosebit îl ocupa peșcheșul plătit la sărbătoarea bairamului, care mai tîrziu a început să fie numit «bairamlîc» și era scris în registrele haznalei otomane. De exemplu, în 1680 bairamlîcul plătit sultanului era de 2 milioane de aspri, adică peste 10 mii de taleri. Mărimea bairamlîcului creștea continuu. El era oferit nu numai sultanului, dar și mamei lui, marelui vizir, darisadetului — mai marele ne eunuci, lui chihaia — locțiitorul vizirului pentru afacerile interne, lui reis-efendi — căpetenia departamentului pentru politica externă,

tefterdarului — vistiernicul și altor dregători mai puțin importanți ai Porții. În total valoarea acestui peșcheș anual, conform datelor existente în a doua jumătate a secolului al XVII-lea și începutul secolului al XVIII-lea se apropia de 90—100 de mii de taleri, depășind cu mult haraciul din acea perioadă — 75 de mii de taleri.

În afară de mucerer și bairamlîc, care deveniseră plăți obligatorii, mai existau multe peșcheșuri și rușfeturi mai mici. Ele erau oferite cu ocazii deosebite: la înscăunarea unui nou sultan, la vizitarea țării de către dregătorii otomani, cu ocazia unor campanii reușite ale armatei otomane, la nașterea sau la căsătoria copiilor sultanului, cu ocazia executării ritualului prescris de Poartă la urcarea pe tron a domnului Moldovei ș. a. m. d.³². În ultimul caz primeau daruri demnitarilor și dregătorii otomani, care-l însoțeau pe domn pînă în capitala Moldovei. În 1561 Ferhad-pașa, care l-a urcat pe tron pe Despot, a căpătat de la el 1500 de galbeni, 100 de cai, 18 haine de fir, 40 bucăți de postav scump. Cu timpul demnitarul, ce îndeplinea astfel de funcții, primea nu mai puțin de 10—15 mii de lei, iar dregătorii care-l însoțeau — ceași și numeroși capugii — de la 50 pînă la 700 de galbeni fiecare³³. Peșcheșuri și rușfeturi se împărțeau și în cancelaria, care pregătea firmanul sultanului pentru tronul domnesc. Cu această ocazie Alexandru Lăpușeanu a plătit șefului cancelariei 300 de galbeni, secretarului 250 și copiștilor 50 de galbeni, în total 600 de galbeni. Erau dăruiti și acei dregători ai sultanului, ce veneau în Moldova după haraci. Dimitrie Cantemir scrie că pentru această osteneală li se dăruiau 7500 de taleri imperiali și blană de samur, ceea ce era egal cu a zecea parte din haraciul acelei perioade. «Osebit de acestea, cînd să trimite către domn cu vreo poruncă, vreun capugi-bașa sau altă slugă împăratească, atuncea nici acela nu poate să rămîie nedăruit». Otomanii se străduiau să obțină daruri chiar și de la domnul mazilit. Acestuia din urmă i se dădea voie să plece din capitala Moldovei cu harnaul lui personală la Stambul, unde el putea avea milă și îndurare de la sultan în schimbul unor mari sume de bani și daruri de preț³⁴.

Un loc aparte în plățile neoficiale îl ocupă mituirea dregătorilor Porții și sultanului pentru a obține tronul. Dumitrașcu Cantacuzino, care făcuse comerț cu pietre prețioase, obținuse tronul în secolul al XVII-lea, după ce i-a oferit sultanului un șadîrvan confecționat cu iscusintă din argint. Pentru a putea plăti haraciul, peșcheșurile și rușfeturile domnii și pretendenții la tron făceau împrumuturi fabuloase pentru acele timpuri, plătind o dobîndă colosală. În ultimul deceniu al secolului al XVI-lea domnul Aron era dator zeci de milioane de aspri, sumă care prelua de multe ori valoarea haraciului, și chiar întregul buget de stat al Moldovei. Cronicarul turc din acea perioadă Mustafa Ali recunostea, că schimbarea domnilor a ruinat țara din cauza rușfeturilor³⁵. Domnii dăruiau multe rușfeturi și solilor marilor state europene, care aveau influență asupra sultanului și curții lui. S-a păstrat un document, care relatează că în deceniul al 7-lea al secolului al XVII-lea domnul Alexandru Iliș a trimis rezidentului englez din Stambul, în semn de recunoștință pentru ajutorul acordat la obținerea tronului, daruri bogate: 18 mii de oi și bijuterii în valoare de 5 mii de galbeni. Valoarea acestui rușfet era aproape egală cu jumătate din haraciul care se plătea atunci.

De regulă, rușfeturile erau oferite oricărei persoane, care putea să influențeze asupra Porții în luarea vreunei hotărîri, începînd de la demnitarilor turci și pînă la medicul personal al sultanului, iar în provincie — de la hanul Crimeei pînă la cîrmuitorii vilaietelor și sangeacurilor. Prezentarea rușfeturilor era una din principalele preocupări ale capuchihaielelor, reprezentanți ai domnului la Stambul. Ei trebuiau să se intereseze sistematic ce persoană poate la momentul respectiv să-

exercite o influență asupra hotărîrii sultanului și a Porții și să-i ofere îndată acestei persoane rușeturile cuvenite. În prima jumătate a secolului al XVIII-lea un astfel de reprezentant îi raporta plin de disperare domnului, că la Stambul «...poarta marelui vizir și cei din jurul lui sînt nemărginit de lacomi și toți, pînă și cei mai mici, sînt ca fiarele sălbatice... Toți rîvnesc la daruri... mulți sînt supărați că nu primesc daruri, dar dacă o să vrem să-i cultivăm pe toți, nu ajung nici veniturile Moldovei și nici cele ale unei împărății...»³⁶

Autorii moldoveni din evul mediu și cronicarii turci menționau, că tronul domnesc era cucerit de cel care dădea mai multe daruri și bani, peșcheșuri și rușeturi. Dregătorii turci, primind astfel de daruri, îi susțineau pe clienții lor, iar numeroșii creditori din Stambul se stăruiau să asigure datornicilor tronul, sperînd, că acestea se vor achita din veniturile Moldovei. Uneori acești creditori i se adresau chiar sultanului, indicînd, că «toată avuția lor a intrat în vistieria împărătească»³⁷, deoarece banii împrumutați de domnii Moldovei intrau acolo sub formă de diferite plăți.

Peșcheșurile și rușeturile aduceau vîrfurilor feudale ale Imperiului otoman venituri mari, profituri economice colosale. Pe măsura intensificării dominației otomane peșcheșurile și rușeturile storceau din Moldova valori materiale și bănești tot mai mari, devenind una dintre cele mai grele forme economice de dependență a țării față de Imperiul otoman.

Livrările obligatorii de produse agricole, materiale de construcție, mijloace de transport și de forță de muncă. Una din grelele obligații economice ale Moldovei era livrarea de alimente Imperiului otoman. Exportul, în trecut relativ mărginit, a produselor agricole din Moldova în Imperiul otoman, crește considerabil după stabilirea jugului turcesc și evoluează tot mai des dintr-un export liber într-o livrare obligatorie. Alimentele livrate de Moldova erau folosite la aprovizionarea orașelor și cetăților din Imperiul otoman, în primul rînd a Stambulului, a oștirilor otomane și a garnizoanelor din cetăți, mai ales, în perioada războaielor împotriva Poloniei și Imperiului Habsburgic. Solul Veneției raporta guvernului său în 1578 despre rolul considerabil, pe care îl jucau livrările de animale și cereale din Moldova în aprovizionarea Stambulului³⁸.

Circulația mărfurilor dintre Moldova și Imperiul Otoman nu este analizată în mod special în acest articol³⁹. Atragem atenția, însă, că exportul de mărfuri începuse să aibă un caracter de constrîngere tot mai pronunțat, devenind una dintre formele economice de dependență a Moldovei față de Imperiul otoman. Acest caracter de constrîngere se manifesta prin pretenția Porții ca fiecare categorie de consumatori otomani ai produselor din Moldova să fie asigurată cu o anumită cantitate de animale: oi, vite mari cornute, cai și grăsimi, cereale, orz, ovăz, grîu, miere, ceară ș. a. m. d. Primele pretenții ale Porții de a se presta un anumit număr de oi, pentru a fi vîndute la Stambul, țin de deceniul al 5-lea al secolului al XVI-lea adică la cîțiva ani după stabilirea dominației otomane în Moldova. Incepînd din deceniul al 7-lea al secolului al XVI-lea, Poarta încearcă să stabilească o cotă anuală de prestații în mărimea de 100 mii de oi, 12 mii de boi, 100 mii de chile de cereale — 2225 tone⁴⁰. Ulterior Imperiul otoman a reușit să impună astfel de cote numai la oi și cereale, deseori ele erau și mai ridicate⁴¹. Prin firmele sale sultanul a încercat chiar să interzică exportul de vite din Moldova în Polonia și în Ucraina de Vest, dispunînd ca ele să fie mînate la vînzare numai în Imperiul otoman. Poarta nu a reușit, însă, să monopolizeze în întregime în folosul său exportul tuturor mărfurilor agricole din Moldova. Ea a izbutit să ob-

țină aceasta doar în privința livrărilor de stat a cerealelor, care nu erau exportate din Moldova în alte țări în afară de Imperiul otoman.

Caracterul de constrângere al livrărilor de animale se manifesta și prin faptul, că anumite ținuturi ale Moldovei erau impuse să aprovizioneze Stambulul și armata otomană. La sfârșitul secolului al XVI-lea trei ținuturi ale Moldovei: Iași, Suceava și Tigheci au fost obligate să furnizeze oi pentru bucătăria sultanului. Ele trebuiau să livreze anual 20 mii de oi. Dimitrie Cantemir menționează, că la sfârșitul secolului al XVII-lea și la începutul secolului al XVIII-lea negustorii greci cumpărau în Moldova pentru bucătăria sultanului 60 de mii oi de cele mai prețioase soiuri⁴². Poruncile sultanului prevedeau intrarea liberă în țară a gelepilor și casapilor, negustori de vite oficiali sau particulari, ca să facă negoț forțat de vite. Cerealele trebuiau să fie aduse chiar de reprezentanții Statului Moldovenesc, din care cauză aceste livrări pierdeau în mare măsură caracterul de marfă. Deseori cerealele erau incluse în contul haraciului. Oamenii domnului adesea le cumpărau pe bani de la populație sau chiar din străinătate. Din 1679 în Moldova se introduce o prestație de stat în cereale, așa numitele «chile împărătești» («cite o chilă de pîine de om») ⁴³ pentru asigurarea cu cereale a armatei otomane. La sfârșitul secolului al XVII-lea, garnizoana turcească din Cameneț primea anual cite 1500 de care de cereale din această prestație⁴⁴.

Vitele erau cumpărate de gelep în bani peșini sau luate în contul datoriilor, pe care le avea domnul față de creditorii din Stambul, iar uneori în contul haraciului. S-a păstrat o listă din 1591 de cumpărături a vitelor din Moldova, făcute de gelepii și casapii turci. Fiecare gospodărie era obligată să vîndă la prețuri fixate cel puțin o oaie. Încă o turmă enormă de oi a fost luată în același an sub formă de desetină (goștină) de pe oi în contul achitării datoriilor domnului față de negustorii din Stambul.

De către partea turcească erau impuse nu numai anumite livrări, dar erau fixate și prețurile lor. La începutul dominației otomane, sultanul turc porunea prin firmane gelepilor din Moldova «să cumpere oi și vite mari cornute pe bani proprii... la un preț echitabil»⁴⁵. Cîrînd, însă, sînt introduse pentru vite și cereale prețuri fixate, cu mult inferioare celor de piață. În deceniul al șaptelea al secolului al XVI-lea autoritățile otomane stabilesc că prețul unei chile de orz cumpărat în Moldova să fie de 6 aspri, în timp ce la Stambul ea costa 11—12 aspri. Moldova trebuia să livreze 100 mii chile de cereale, pierzînd o jumătate de milion de aspri, circa 10 mii de taleri. Dimitrie Cantemir atestă, că gelepii «...turme întregi de dobitoace, mici și mari, pre care le cumpără în Moldova cu puțin preț, le duc spre Stambul și în alte cetăți și acolo le vînd cu preț îndoit sau întreit»⁴⁶. Prin urmare, de fapt, o parte de produse erau luate pe degeaba. Acest preț avea un caracter prădalnic și era un rezultat al stabilirii dominației otomane în Moldova.

O altă formă grea a dependenței Moldovei de Imperiul otoman au fost prestațiile în muncă, alocarea mijloacelor de transport, a materialelor de construcție pentru repararea cetăților și drumurilor turcești, transportarea încărcăturilor militare pentru armata și administrația otomană. Primele pretenții de acest fel Imperiul otoman le înaintează Moldovei încă la sfârșitul celui de al cincilea deceniu al secolului al XVI-lea. În special, el era cointerestat în munca forțată a salahorilor.

Prestațiile în muncă în favoarea Imperiului otoman luau amploare, mai ales, după războaiele de eliberare a poporului moldovenesc și ale cazacilor ucraineni împotriva stăpînirii otomane, în timpul cărora multe fortificații militare turcești erau dărîmate. În 1583 pentru repararea ce-

tății turcești Bender, Moldova a trebuit să prezinte lunar 500 de salahori. Uneori osmanii cereau și mai mult. În 1587, de exemplu, domnul Petru Șchiopul trebuia să trimită pentru restabilirea fortificațiilor de lângă Oceacov, distruse de cazaci, aproximativ 15 mii de salahori. Țara avea atunci în total 40 de mii de gospodării țărănești. În plus, domnul era dator să facă lucru acesta «pe cont propriu». Poarta tot mai rar plătea pentru astfel de lucrări, uneori le înscrisa în contul haraciului. Cu timpul în Moldova a fost introdusă pentru țărani «prestația de salahor»⁴⁷. În 1674 toate categoriile de țărani au fost impuse la prestația de a trage la edec: «oameni de tras la șăici». Vislașii și edecarii trebuiau să aducă pe calea râurilor produse alimentare și încărcături militare pentru garnizoanele turcești la Cameneț, iar apoi la Hotin⁴⁸.

Una dintre cele mai grele prestații în muncă a fost punerea la dispoziția armatei și administrației otomane a mijloacelor de transport. Astfel de pretenții Poarta înainta încă la hotarul deceniilor șase și șapte ale secolului al XVI-lea⁴⁹. Ulterior ele devin tot mai frecvente. În 1568 domnului i se poruncește să dea 800 de cai pentru transportarea încărcăturilor militare turcești. În următorul an s-a cerut și mai multe căruțe și cai pentru satisfacerea acelorasi nevoi. Printr-una din dispozițiile posterioare ale Porții, Moldova a fost obligată să prezinte 220 de care cu boi, însoțite de căruțași, pentru 48 de zile, ca să transporte artileria turcească din Reni la Hotin, toate cheltuielile fiind trecute în contul haraciului. Indicația, că costul transportului va intra în contul haraciului, era tot mai rară, deși necesitățile în transport creșteau continuu. În 1587 domnul Petru Șchiopul trebuia să prezinte «pe socoteala sa», în afară de salahori, încă 3000 de care pentru nevoile de transport la reparațiile fortificațiilor de la Oceacov. În secolul al XVII-lea și la începutul secolului al XVIII-lea pretențiile Porții au crescut, ce a făcut să apară în Moldova numeroase prestații noi de cărăușie în folosul statului: «care împărătești» pentru necesitățile de transport ale armatei turcești și ale administrației otomane; «care hotinești», «care de oaste» — prestație de cărăușie pentru aprovizionarea oștirii otomane din preajma Hotinului și altor cetăți; «boi împărătești» — prestații de animale pentru nevoile de transport ale otomanilor și ale grajdurilor sultanului⁵⁰. În secolul al XVI-lea — începutul secolului al XVIII-lea asupra țăranilor moldoveni apăsau mai mult de o sută de impozite, o mare parte dintre care erau luate direct pentru Imperiul otoman (vezi tabelul impozitelor de stat din Moldova medievală, reconstruit de noi și analiza lui)⁵¹.

Odată cu intensificarea dominației otomane creștea și gradul de dependență economică a Moldovei față de Imperiul otoman. Faptul acesta și-a găsit expresia în tendința Porții de a apropia statutul livrărilor forțate de produse alimentare, al prestațiilor în muncă și al mijloacelor de transport de sistemul «ahl-i-zimma». Acesta preconiza efectuarea prestațiilor și livrărilor cu prețuri reduse, la care era obligată populația nemusulmană de pe teritoriile încorporate direct în statul turcesc: siursat zahiresi, nuzul zahiresi, adet-i-agnam, iștira, mucaiese, bedel-i-mecchiari⁵².

Era o tendință ca și acea a interpretării tributului — haraciului ca gizie, de a apropia statutul obligațiilor economice ale Moldovei de situația teritoriilor încorporate direct în componența statului otoman. Prin valorile lor reale, însă, aceste obligații atît în Moldova, cît și în Țara Românească, erau mult mai mari datorită introducerii sistemului de peșcheșuri și de rușfeturi. Acestea din urmă, percepute și pe teritoriile smulse din Țara Moldovei și incluse direct în componența statului otoman aveau acolo, însă, valori mai mici (fapt recunoscut în ultimul timp tot mai mult și de istoricienii români, și de istoricienii sovie-

tici). În virtutea acestei situații pe fostele teritorii ale Țării Moldovei (adică principatului), încorporate imperiului — în sangeacurile Bender (Tighina), Accherman (Cetatea Albă), Chilia, Hotin impunerea fiscală a țăranilor era mai mică decât în restul Moldovei. Dar în sangeacuri celelalte forme de asuprire au fost mult mai grele, din cauza dominației nemijlocite a otomanilor.

Prin urmare, deși dominația turcească în Moldova a luat forme specifice, exploatarea economică era exercitată aici tot atât de crunt, uneori chiar și mai crunt decât pe multe teritorii încorporate. Situația aceasta a Moldovei a dus la sărăcirea ei treptată și, în ultimă instanță, la sfârșitul secolului al XVII-lea — începutul secolului al XVIII-lea, la un declin economic total.

În loc de încheiere. Declinul a continuat pînă în ultimul pătrar al secolului al XVIII-lea. Către această perioadă, după calculele noastre în Imperiul otoman se scurgea 52,7% din întregul plusprodus obținut în Principatul Moldovei (la curtea domnească și administrație — 24,2%; boierime — 27,9%, cler — 5,2%)⁵³. Iar dacă vom lua veniturile strînse în urma impunerii fiscale de stat (una din cele mai apăsătoare din Europa aceluia timp), atunci vom vedea, că în Imperiul otoman se duceau 62,4% din toate dările de stat strînse în Moldova⁵⁴. Date apropiate aduc și istoricii români, care au cercetat situația Moldovei și Țării Românești în secolul al XVIII-lea. Ei, de asemenea, recunosc reducerea greutății specifice a plăților, numai către începutul secolului al XIX-lea⁵⁵ atât în Moldova, cît și în Țara Românească.

Prin urmare, impunerea fiscală a maselor populare ale Moldovei, catastrofală prin consecințele sale, întrecînd dezvoltarea forțelor de producție, a dus la o gravă decădere economică, a reținut considerabil în toate privințele dezvoltarea țării.

Relatiile feudale s-au conservat, trecerea la altele noi, mai progresiste, adică burheze, se reținea în comparație cu majoritatea țărilor din Europa și a început destul de tîrziu — în ultimul pătrar al secolului al XVIII-lea — primele decenii ale secolului al XIX-lea. Se reținea și deșteptarea națională⁵⁶, specifică perioadei de tranziție de la feudalism la capitalism. Toate acestea au constituit acel preț scump, pe care l-a plătit poporul moldovenesc din cauza multisekularei dominații otomane.

Note

¹ Despre unele proiectări de acest fel în istoriografia românească din ultimele decenii (așa numita perioadă ceaușistă) vezi părerea cunoscutului istoric român Hurezeanu Damian exprimată în articolul „Ambiguități și servitutii ale istoriografiei în anii dictaturii”. *Alternative 90* (revistă independentă de gîndire socială și politică, nr. 2, 10 februarie 1990). — București, P. 6—7.

² Отечественная история в современной публицистике. Встреча за круглым столом. — История СССР, 1990. № 1. С. 187.

³ Aceasta trezește și mai mult interesul, deoarece în unele publicații, mai ales din ultimul timp, se subliniază că tributul era plătit în schimbul obligațiilor Imperiului de a apăra și păstra integritatea teritorială a Principatului Moldovei: cum a fost păstrată de către Imperiu această integritate, e bine știut.

⁴ Pentru prima dată a fost plătit de domnul Petru Aron la 1456.

⁵ Există opinii diferite. *Berza M.* în „Studii și materiale de istorie medie” Vol. II, Buc., 1957, P. 10—12; *Maxim M.* „Bulletin. Association Internationale d'Etudes du Sud-Est Européen”. Tome X, 1972, nr. 2. P. 233—261; *Revue des Etudes Sud-Est Européennes*, 9/32. 1979. P. 1731—1765; *Veliman V.* // „Anuarul Institutului de istorie și arheologie „A. D. Xenopol”, XIX, Iasi, 1982. P. 282—300; *Revista arhivelor*, 1984, nr. 2. P. 203—212 (fixează cuantumul de 30 000 încă la începutul celei de a doua domnii a lui Petru Rareș la 1541—1542).

⁶ Documente privind istoria României. A. Moldova. Veacul XVI. Vol. III. Buc., 1951. P. 430.

⁷ Despre „revoluția prețurilor” în Moldova vezi: *История народного хозяйства Мол-*

- давской ССР. С древнейших времен до 1812 г. Кишинев, 1976. С. 216—222, 234, 259—266.
- ⁸ История народного хозяйства Молдавской ССР. С древнейших времен до 1812 г. Кишинев, 1976. С. 264; *Советов П. В.* Развитие феодализма и крестьяне Молдавии. Кишинев, 1980. С. 203—204, 208.
- ⁹ *Грозданова Е.* Налог джизье с балканских земель. — Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Вып. III. М., 1974. С. 161, 165, 182—183, 195.
- ¹⁰ *Tahsin Gemil* în: Revista de istorie — Buc., 1977, nr. 8 P. 1433 etc.
- ¹¹ Cronici turcești privind țările române. Vol. I. Buc., 1966. P. 216, 221, 364, 375.
- ¹² История народного хозяйства Молдавской ССР. Кишинев, 1976. С. 135.
- ¹³ *Советов П. В.* Развитие феодализма и крестьяне Молдавии. С. 197, 207.
- ¹⁴ Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. III. М., 1974. С. 182—183.
- ¹⁵ Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. III. М., 1974. С. 182, 184.
- ¹⁶ *Кантемир Димитрие.* Дескриеря Молдовей. Кишинэу, 1988. П. 138; ediția 1975, П. 158; *Cantemir Dimitrie.* Descrierea Moldovei. — Buc., 1973, P. 273. Traducerile din limba latină diferă. Vezi și mai departe această situație.
- ¹⁷ Cronici turcești privind țările române. P. 332.
- ¹⁸ *Урке Григоре.* Летописецул Цэрий Молдовей. Кишинэу, 1971. П. 185.
- ¹⁹ *Hurmuzaki E.* Documente privitoare la istoria românilor. Vol. II. Partea I. Buc., 1891. P. 263.
- ²⁰ *Berza M.//.* „Studii și materiale de istorie medie”. Vol. II. Buc., 1957. P. 11.
- ²¹ Ibidem. P. 14.
- ²² Cronici turcești privind țările române. P. 337.
- ²³ Studii și materiale de istorie medie. Vol. II P. 23—24.
- ²⁴ *Codex Bandinus.* P. 138.
- ²⁵ Cronici turcești privind țările române. P. 361.
- ²⁶ Восточные источники. Т. III. С. 243; *Кантемир Димитрие.* Дескриеря Молдовей. Кишинэу, 1988 П. 84—89; ediția 1975. P. 102—107; ediția 1973. P. 179—183.
- ²⁷ *Кантемир Димитрие.* Дескриеря Молдовей. 1988. П. 88; ediția 1975. P. 107; ediția 1973, P. 183.
- ²⁸ Tot acolo. Ediția 1988. P. 86; ediția 1975. P. 105; ediția 1973. P. 181.
- ²⁹ *Димитрие Кантемир.* Дескриеря Молдовей. 1988. П. 139; ediția 1975. P. 158—159; ediția 1973. P. 275.
- ³⁰ Tot acolo. 1988. П. 140; ediția 1975. P. 160; ediția 1973 P. 275.
- ³¹ *Documenta Romaniae historica.* A. Moldova. Vol. XXI. — Buc., 1971. P. 187—188; *Советов П. В.* Развитие феодализма и крестьяне Молдавии. С. 204.
- ³² Cronici turcești... P. 336—337.
- ³³ Восточные источники. Т. III. С. 243; *Кантемир Димитрие.* Дескриеря Молдовей. 1988. П. 189; ediția 1973. P. 275; *Cronici turcești...* P. 336—337.
- ³⁴ *Кантемир Димитрие.* Дескриеря Молдовей. 1988. П. 91—97, 137—138, 140; ediția 1975. P. 109—116, 157—160; ediția 1973. P. 189—195, 197.
- ³⁵ *Cronici turcești...* P. 337. O situație similară era și în Muntenia. După părerea istoricilor români, lupta pentru obținerea și păstrarea tronului între Mihnea și Petru Cercel a costat Țara Românească în anii 1581—1590 cel puțin 3 500 000 de galbeni (*Istoria României.* Vol. II. Buc., 1962. P. 793). Aceasta corespunde costului pe piață în acei ani a 700 000—900 000 de boi.
- ³⁶ Reprezentanta diplomatică a Moldovei la Constantinopol. Rapoartele inedite ale agenților lui Mavrocordat C. Buc., 1985. P. 83, 133.
- ³⁷ Cronici... turcești... P. 365.
- ³⁸ Восточные источники... С. 247.
- ³⁹ Despre această circulație vezi: История народного хозяйства Молдавской ССР... С. 240—250.
- ⁴⁰ Восточные источники... Т. III. С. 265—267, 269, 275, 277.
- ⁴¹ Mărimea acestor livrări putea să ajungă la începutul ultimului deceniu al secolului al XVI-lea pînă la 150 000 de oi și chiar mai mult (*Studii și cercetări științifice.* Istorie. Iași, 1956, fasc. 2. P. 67—72, 74, 78—83, 85). În ultimele decenii ale secolului al XVIII-lea brusc au crescut și livrările de cereale (Vezi: История народного хозяйства Молдавской ССР. Кишинев, 1976. С. 390—391, tabelul n. 23 cu reproduceri din rapoartele consulare publicate în: „Documente privind istoria României. Colecția E. Hurmuzaki (seria nouă), vol. I. Buc., 1962).
- ⁴² *Кантемир Димитрие.* Дескриеря Молдовей. 1988. П. 43; ediția 1975. P. 58; ediția 1973. P. 115.
- ⁴³ O chilă de Stambul ≈ 23 kg.
- ⁴⁴ *Catalogul documentelor moldovenesti din Direcția arhivelor centrale.* Vol. IV. (1676—1700). Buc., 1970. P. 95, 207, 342, 351, 354, 395; vol. V. (1701—1720). Buc., 1975. P. 323, 380; *Kogălniceanu M.* Cronicile României sau letopisețele Moldovei și Valahiei Ed. II, Buc., 1872—1874. T. II. P. 38.
- ⁴⁵ Восточные источники... Т. III. С. 263—265, 269, 275, 279.
- ⁴⁶ *Кантемир Димитрие.* Дескриеря Молдовей. 1988. П. 151; ediția 1975. P. 169; ediția 1973. P. 297—299.

- ⁴⁷ Catalogul documentelor moldovenesti din Direcția arhivelor centrale. Vol. V (1701—1720). Buc., 1975. P. 323, 367, 380; Iorga N. Studii și documente cu privire la istoria românilor. Buc., 1904. Vol. VI P. 354.
- ⁴⁸ Ibidem. Vol. III (1653—1675). București, 1968. P. 495; vol. IV 1970. P. 24, 95, 207, 399; *Некудиче Ион*. О самѣ де кувинте. Летописецул Цѣрий Молдовей. Кишинэу, 1974. П. 293.
- ⁴⁹ Восточные источники... С. 251
- ⁵⁰ Catalogul documentelor moldovenesti. Vol. IV. P. 207, 298, 341, 351, 484; vol V. P. 367, 380; Iorga N. Studii și documente. Vol. VI. P. 421.
- ⁵¹ *Советов П. В.* Развитие феодализма и крестьяне Молдавии. С. 197—271.
- ⁵² Восточные источники... С. 182, 195—198.
- ⁵³ *Дмитриев П. Г., Советов П. В.* Роль централизованного пути присвоения прибавочного продукта с крестьян феодальной Молдавии XV—XVIII вв.— Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1963. г. Вильнюс, 1965. С. 280.
- ⁵⁴ Тот аколо.
- ⁵⁵ Istoria României. Vol. II. Buc., 1962. P. 788; Vol. III. București, 1964. P. 708; Studii și materiale de istorie medie. Vol. II. Buc., 1957. P. 50; Columbeanu S. Caracterul exploatării feudale a țărănimii în deceniile anterioare răscoalei lui Tudor Vladimirescu. — Studii. 1961. nr. 3. P. 585—586; Vezi de asemenea: *Советов П. В.* Общее и особенное в типологии феодализма на Руси и в Дунайских княжествах.— Известия АН МССР. 1986. № 2, № 3 (N 3. P. 40—41).— Referat prezentat și discutat la Sesiunea a XI a Comisiei sovieto—române a istoricilor din U.R.S.S și România (29 mai—1 iunie 1985, București); *Драгнев Д. М.* Сельское хозяйство феодальной Молдавии (конец XVII начало XIX вв.). Кишинев, 1975.
- ⁵⁶ Desigur, au apărut și alte obstacole pe acest drum măreț—imperiile vecine. Dar despre subiectul în cauză va fi vorba în articolul următor.

Резюме

Одним из проявлений вассально-сюзеренных отношений были (несмотря на сохранение своей собственной государственности) ограничение политического суверенитета Молдавского государства и различные экономические формы его зависимости от Османской империи. Со временем эта зависимость нарастала и привела к деформации вассальных отношений (в литературе слабо исследованной), процессу их превращения в разновидность иноземного господства. До сих пор в литературе считали, что одним из важнейших проявлений такого процесса был многократный и непрерывный рост дани — харача. На основе анализа разнородных источников автор показывает, что мнение это не соответствует действительности. Апогея своего роста харач достиг уже в 80-е гг. XVI в. Затем его размеры стали ощущимо падать и в XVII — середине XVIII в. определились примерно на одном и том же, относительно низком уровне: более чем в 4 раза меньше апогея, достигнутого во второй половине XVI в., приближаясь к исходным позициям периода установления вассальной зависимости. Удалось это выявить в результате применения новой методики изучения динамики харача в его реальном рыночном выражении с учетом «революции цен» и обеспечения монеты того времени (см. таблицу, в которой впервые в историографии дан перерасчет эволюции размеров харача в рыночную стоимость скота).

В результате проведения такого исследования оказалось, что эволюция дани перестала отражать в политико-экономическом плане тенденцию к деформации в XVII — середине XVIII в. вассальных отношений и усиления османского господства. Эта тенденция выражалась теперь в попытке османов интерпретировать в политико-юридическом плане «харач» как «джизию» — налог с немусульманского населения инкорпорированных стран, лишенных, в отличие от Молдовы, своей собственной государственности. Что касается политико-экономической стороны, то в этом процессе (деформации вассалитета и усиления османского владчества) на первый план выдвигается не эволюция харача, а развитие системы официальных и неофициальных платежей и даров: пешкешей и рушветов, которые, в отличие от дани, пополняли не столько османскую казну, сколько непосредственные доходы феодальной верхушки империи, отчего становились для нее все более выгодными. С конца XVI в. они уже многократно превосходили размеры дани — харача, непрерывно росли и превратились в один из самых тяжелых политико-экономических форм зависимости, наряду с принудительными поставками по весьма заниженным ценам сельскохозяйственной продукции, строительных материалов, транспорта, а порой бесплатной рабочей силы и постоя. Все это также отражало в ходе деформации вассальных отношений стремление Порты приблизить политико-экономические обязанности зависимых княжеств Молдовы и Валахии — Цара Румынскэ к системе «ахл-и-зимма», действующей в странах, потерявших собственную государственность и непосредственно инкорпорированных в состав турецкой государственности (в различных вариантах: потери или сохранения элементов местного самоуправления).

Вся система политико-экономических обязанностей приводит к тому, что к концу XVII—XVIII вв. Молдова, как и Валахия (Цара Румынскэ), отдают в пользу Осман-

ской империи более половины совокупного прибавочного продукта (почти две трети высоких государственных доходов, порожденных установлением в княжествах господства государственного феодализма) — факт беспрецедентный в европейской истории того времени (в Болгарии и Сербии, лишенных своей государственности, норма феодальной эксплуатации населения была меньше, чем в княжествах, где действовал двойной гнет местных и иноземных феодалов).

Вызванное османским владычеством, катастрофическое налогообложение в Молдове стало обгонять развитие производительных сил. Наступили тяжелый экономический упадок и консервация феодальных отношений. Это делало невозможным до последней четверти XVIII в. первоначальное накопление, переход от феодализма к капитализму, а значит и развитие характерного для этого периода национального пробуждения. Они развились позже многих других стран Европы, с выходом из экономического упадка, постепенным преодолением прежней глубокой деформации вассальных отношений, ослаблением в княжествах османского господства в последней четверти XVIII — первых десятилетиях XIX вв. Такова была тяжелая цена, уплаченная за многовековое османское владычество.

Н. Д. Руссев

ЭТНИЧЕСКИЙ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛГОРОДА (Четатя Албэ) ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДА

Марокканец Ибн Баттута, побывавший в 30-е гг. XIV в. в Золотой Орде, оставил примечательную характеристику ее столицы — г. Сарая: «Среди его обитателей имеются различные группы людей: они включают монголов, которые являются жителями этой страны и ее султанами, и некоторые из них мусульмане; затем асы, которые мусульмане; кипчаки, черкесы, русы и византийцы — они христиане»¹. Память человека, узнавшего за три десятка лет мытарств не меньше своего предшественника из Европы — Марко Поло, смогла запечатлеть важнейшие демографические особенности большинства золотоордынских городов. Изначальная их этническая и религиозная пестрота сохранялась вопреки естественным ассимиляционным процессам на протяжении всего исторического развития татаро-монгольской государственности. Это почти хрестоматийное положение может быть детализировано на примере каждого исследуемого городского центра.

Отдельные письменные свидетельства XIII—XV вв. содержат лаконичные, но достаточно определенные сообщения об этническом и религиозном составе обитателей Белгорода на Днестре эпохи золотоордынского господства. По происхождению источниковые данные образуют три группы: арабо-, латино- и славяноязычные, каждая из которых требует специального изучения.

Материалы о Белгороде, известном на Востоке под названием «Акджа-Керман», содержатся в работах трех арабских авторов — Абу-л-Фиды (1273—1331 гг.), ал-Омари (1301—1349) и ал-Калкашанди (1355—1418 гг.). Компильция «книжного географа» Абу-л-Фиды была завершена начерно в сентябре 1321 г., но дополнялась автором до самой смерти. Его география включала и рассказы очевидцев, которые Абу-л-Фида мог слышать, бывая на приемах во дворце султана ан-Насира. Египетский энциклопедист ал-Омари, работая над своим многотомным трудом, использовал не только рассказы путешественников, но и богатые архивные данные: «Его фамилия в течение почти столетия ведала государственной канцелярией Египта». Последняя энциклопедия мамлюкской эпохи написана между 1389 и 1412 гг. крупным египетским чиновником ал-Калкашанди, работавшим в канцелярии султана под руководством племянника ал-Омари. В части, касающейся Золотой Орды, это сочинение наименее оригинально и сильно зависит от двух названных трудов².

Арабские авторы знали Улус Джучи как «страну тюрок», «государство Берке» и «страну кипчаков». Сведения Абу-л-Фиды, вероятно,

можно отнести к первой половине правления хана Узбека (1313—1342 гг.), поскольку в тексте его «Географии» имеется такое замечание: «Современного правителя этого государства зовут Узбек, и его послы часто прибывают в Египет». Об Акджа-Кермане арабский ученый пишет, что это небольшой город, расположенный на берегу Черного моря неподалеку от места впадения в него р. Днестр. Находится данный пункт в стране «болгар и тюрок», а жители его — «мусульманы и неверные»³. Ал-Калкашанди, похоже, заимствовал информацию о Белгороде у Абу-л-Фиды, хотя в его характеристике имеются и новые моменты. Согласно его материалам, город «связывал Болгарию с основной „страной тюрок“, причем «Валахию или Болгарию со столицей Тырново» энциклопедист включает в одну из десяти административных областей или «иклимов» Золотой Орды⁴.

Более оригинален ал-Омари, ссылавшийся на рассказы купцов. Очевидно, для того, чтобы придать своим известиям больший авторитет, он даже называет их имена. Один рассказ он записал в начале 1338 г. из уст человека, только возвратившегося из Золотой Орды, «которую изъездил при своем путешествии и в которой он, захав далеко, добрался до Акджа-Кермана и страны Булгарской». Далее со ссылкой опять же на очевидцев ал-Омари перечисляет пограничные пункты Улус-а Джучи, в том числе и Белгород, однако пределы Орды на западе он распространяет до Дуная: «От реки Джейхун до реки Дуная — ширина этого государства»⁵. Сообщения ал-Омари о Белгороде хронологически следует связывать со второй половиной властвования Узбека.

Латиноязычные памятники, отразившие миссионерскую деятельность францисканских монахов и участие в международной торговле с Востоком Генуэзской республики, также проливают свет на поднятые проблемы. За 1286—1390 гг. историки располагают серией из четырех реестров населенных пунктов Золотой Орды, в которых существовали монастыри Ордена Св. Франциска. Среди почти двух десятков мест, упомянутых в 2-х из этих реестров (за 1320 и 1334 гг.), значится и Белгород — соответственно Mauro Castro и Maugum Castrum. Еще один из документов, сообщающий о католических проповедниках, погибших в «Тартарии», отмечает, что в Мауро Кастро болгары убили брата-минорита Анджело де Сполето. Разные списки памятника датируются 1314—1329 и 1339—1343 гг., хотя не исключено, что это происшествие имело место в 1307 г.⁶

В числе постановлений генуэзского ведомства Оффиции Газарии, занимавшегося проблемами черноморской торговли, обращает на себя внимание документ от 22 марта 1316 г. Он появился в итоге обострения отношений Генуи с Болгарией из-за столкновений итальянских торговцев и людей царя Федора Святослава (1300—1322 гг.) в г. Мавокастро (Mavocastro). Из постановления, недвусмысленно озаглавленного «Запрет на хождение в Загору» (*Deuētum de non eundo in Zagora*), видно, как Генуя довольно долго и безуспешно пыталась уладить возникший конфликт.

Однако требования республики о возмещении ущерба, причиненного в Мавокастро и других местах ее подданным, болгарская сторона не удовлетворила и не отвергла. Сначала представитель «императора Загоры» заявил, что он не обладает полномочиями, достаточными для разрешения спора, а спустя год посланник болгарского царя вообще не прибыл на переговоры. Ответной чрезвычайной мерой было постановление комиссии «восьми мудрых», запрещавшее посещение Болгарии генуэзцам и подданным республики под угрозой большого штрафа. Более того, документ санкционировал нападение и грабежи со стороны итальянцев с целью отмщения обидчикам. Поскольку вопрос об отношениях с Болгарией в связи с событиями в Мавокастро впервые

встал перед Оффиции Газарии 20 марта 1315 г., столкновение в городе произошло до того, может быть, даже в предыдущем году⁷.

Интересную информацию о населении Белгорода содержат акты генуэзского нотариуса из Килии Антонио ди Понцо. Из 222 сохранившихся документов, составленных им в 1360—1361 гг., шесть актов содержат интересующие нас сведения⁸. Два из них, датированные сентябрем 1360 г., засвидетельствовали продажу невольниц. В одном случае речь шла о продаже 28-летней гречанки Марии, прежняя хозяйка которой заявила, что рабыня была куплена ее мужем Бартоломео у сарацин Белгорода (*Et est illa sclava quam dictum Bartholomeus vir suus redemit a Sarracenis in loco Asperi Castri, in quo loco erat sclava*). Сделка состоялась в присутствии переводчика с греческого (*grege-scha*) на латынь. Показательно, что наряду с обычной для Антонио ди Понцо формой названия города — Маокастро, здесь единственный раз встречается греческий топоним — Асперо Кастро. Другой документ зафиксировал продажу сарацином из Белгорода (*Tandis de Maocastro sarracenus*) 18-летней татарки (*de proienia tartarorum*). В купле-продаже на этот раз участвовал переводчик с команского (*comanescho*) языка.

Акт, оформленный 28 февраля 1361 г., зарегистрировал продажу жителем Белгорода Иоаном (*Iuanus de Arzerono quondam Iohannis, habitator Maocastri*) килийцу Саркису партии меда. Доставкой зерна из Килии в Константинополь в начале апреля 1361 г. были озабочены совладельцы судна «Св. Николай». Это были итальянцы из Маокастро Михаэль де Рекко (*Michaelem de Recho condam Dimitri, burgensem Maocastri*) и пекарь Триандафоло Гото (*Triandaffolo Goto fornarius, habitator Maocastri*). Три акта от 2, 5, 7 апреля того же года называют имена четырех жителей из города на Днестре, выступавших в роли свидетелей при заключении сделок. Двое из них были прямо связаны с упомянутым судном: Леонардо де Порту был его патроном (*Leonardo de Portu, habitatore Maocastri, patrono eiusdem cigute*), а Доминико де Санкто Франциско — писарем (*Dominico de Sancto Francischo, habitatore Maocastri, scriba eiusdem cigute*). Еще двое обитателей Маокастро звались Теодор (*Theodori de Maocastro quondam Michali Osgoragi*) и Яне, или Янино (*Iane Trapessunde, habitatore Maocastri; Ianino de Trapessunda*).

Большое значение для разрабатываемой проблематики имеет и славяноязычное житие Иоанна Нового, описывающее трагическую гибель трапезундского купца в Белгороде. Данный памятник — единственный в Молдове — описывает, хотя и на основе устной традиции, события, происшедшие в Белгороде еще в XIV в. Наиболее ранние списки жития, сделанные в монастыре Нямц Гавриилом Уриком в 1438 и 1450 гг., по соображениям большинства исследователей, восходят к оригиналу начала XV в., авторство которого скорее всего принадлежит Григорию Цамблаку. При всем своеобразии агиографического жанра мало кто из историков высказывает сомнения относительно историчности сюжета и подлинности отраженных в произведении интриг.

История греческого торговца такова. Начальник судна, которым купец из Трапезунда прибыл в Белгород, приверженный «латинской ереси» итальянец — «фряг», оклеветал Иоанна в глазах «епарха города». Он заявил этому «персу», что трапезундец готов принять его языческую веру и публично проклясть христианство. На суде главы городских властей Иоанн не только отвергает низость вероотступничества, но смело вступает в религиозную полемику с епархом. Он выступает как горячий проповедник православия и призывает епарха отринути языческие заблуждения ради приобщения к истинной вере. Купец подвергается жестоким истязаниям и гибнет от рук иноверцев, поклонявшихся огню, солнцу и утренней звезде. По улицам Белгорода волокли тело мучени-

ка, привязанное к хвосту лошади, а затем местные иудеи надругались над останками Иоанна.

Православные обитатели города достойно погребли героя в своей церкви. Спустя «семьдесят и более лет», в правление молдавского господаря Александра Доброго (1400—1432 гг.) святые мощи с почестями были перенесены в столицу княжества — Сучаву⁹. Иоанн Новый был провозглашен хранителем Молдовы и господарского престола, а его останки стали государственной реликвией. Это предопределило судьбу житийного текста, многократно переписывавшегося и изданного в последующие столетия.

Современные представления ученых о времени переноса мощей Иоанна Нового в Сучаву, а следовательно, и о моменте гибели мученика дают возможность с достаточной точностью отнести данное событие к широкому хронологическому отрезку, ограниченному 30—60-ми гг. XIV в. Трудность использования житийных материалов в историческом исследовании обусловлена необходимостью провести «отчленение бытовавших в то время штампов от следов действительных событий»¹⁰. Собственно говоря, в нашем случае значимы не столько сами события, сколько те этноконфессиональные группы, которые участвовали в них. Достоверность их существования целиком подтверждают данные других источников, зафиксировавших ситуацию не семь десятилетий спустя, а когда она была еще реальностью и нередко даже *à limine*.

Поскольку отнесение приведенных сведений к Белгороду и его жителям не вызывает серьезных сомнений¹¹, попробуем их проанализировать. В этих материалах этнические и религиозные атрибуты, а зачастую и информация о политическом господстве взаимопереплетены. Это хорошо заметно в процитированном отрывке из путешествий Ибн Баттуты и характерно для многих средневековых текстов. Явление объективно восходит к системе ценностей, доминировавшей в общественном сознании эпохи феодализма. Тем не менее наблюдения, сделанные в процессе работы с избранной совокупностью данных, позволяют выяснить состав населения Белгорода первых шести десятилетий XIV в.

Золотоордынцы, о которых чаще всего упоминают источники, представляют государство, административно-политической властью подчинившее и Белгород, и все Северо-Западное Причерноморье. Ни в этническом, ни в религиозном отношении это не было однородное население, хотя в сделках, оформленных Антонио ди Понцо, отмечен общий для них команский язык (*lingua comanescă*). Вместе с тем килийский нотариус выделяет внутри этой языковой общности три группы людей: татар (*tartarus*), сарацин (*sarracenus*) и монголов (*mogolorum*)¹². Среди обитателей Белгорода достоверно представлены только первые две группы, о третьей можно судить лишь на основании косвенных данных.

Сарацины из Белгорода едва ли были арабами. Название, очевидно, указывает не на этническую, а на религиозную принадлежность этой части обитателей Маокастро. В самом деле, не один только язык, но и имя (Тандис) выдают в сарацине, продававшем в Килие невольницу, его тюркское происхождение. С настоящими сарацинами-арабами его могло роднить лишь мусульманство, получившее широкое распространение в Золотой Орде при Узбеке. Центрами ислама были города, в том числе и поднестровские (на городище Старый Орхей 40—60-х гг. XIV в. археологи открыли основание огромной каменной мечети¹³).

Впрочем, далеко не все ордынцы в XIV и даже XV в. были мусульманами. О проживании в Белгороде представителей языческого шаманизма свидетельствует житие Иоанна. Элементами верования являются прославление «светозарного солнца», поклонение Венере и приношение жертв небесным светилам, служение огню. На древность рели-

гии указывает то, что правитель города изображен как «горячий хранитель унаследованных от отцов заблуждений». Надо думать, подразумевается религия монголов, принесенная ими в Европу при завоевании половецких степей. Ведь в число ее приверженцев входил не только епарх, представлявший ордынскую аристократию, но и сам царь! Следует понимать, что это была главным образом социальная верхушка кочевников, которая более всего была заинтересована в сохранении традиций предков. Если это так, то населяли Белгород и монголы, хотя их было мало.

Преобладали же в Улусе Джучи рядовые кочевники, называемые в нотариальных актах из Килии просто татарами. Были они и среди горожан, но, как правило, в качестве рабов (чаще всего, это были девочки-подростки и молодые женщины в возрасте до 22 лет). Продажа детей, особенно дочерей, была для татар-номадов явлением обычным¹⁴. Одна такая невольница, вероятно, была привезена из Маокастро упомянутым Тандисом и продана в Килие генуэзцу Францино де Корсио.

Можно с уверенностью утверждать, что ордынцы, проживавшие в городе на Днестровском лимане, представляли не менее пестрый конгломерат, нежели все прочие его обитатели. Кроме социального статуса, их отличали религия и этнический состав. Часть из них уже стала магометанами, другая — по-прежнему оставалась верной язычеству. Не исключено, что некоторые из них вольно или невольно принимали и христианство того или иного толка. Общий деловой язык золотоордынцев, основанный на команско-тюркском диалекте, свидетельствует о быстрой ассимиляционных процессах. В то же время различные названия более или менее однородного в языковом отношении населения подтверждают сохранение элементов самосознания отдельных общностей, определенный изоляционизм которых следует связывать как с этнорелигиозными, так и сословными моментами.

Богата информация и об итальянцах, живших в Белгороде. Впервые о их сделках в городе упоминает нотариальный акт из Каффы, составленный в 1290 г., хотя и через четверть века проживание их здесь кажется маловероятным. Во всяком случае, этому полностью противоречит постановление Оффиции Газарии, исключающее возможность существования в Маокастро генуэзской колонии. Убийство Анджеоло де Сполето только упрочивает такое предположение. Действительно, впервые о католическом монастыре в городе сообщает документ 1320 г., а наиболее ранние и неопровержимые сведения о белгородских итальянцах относятся ко времени работы в Килие Антонио ди Понцо.

По всей видимости, четверо из восьми поименно названных в документах нотариа жителей Маокастро были итальянцами: Михаэль де Рекко, Триандаффоло Гото, Леонардо де Порту, Доминико де Санкто Франциско. Все они являлись деловыми партнерами в морской торговле и имели прямое отношение к судну «Св. Николай», которое весной 1361 г. грузилось в Килие зерном. Правда, роли компаньонов в зафиксированной сделке о поставке зерна в Константинополь были далеко не равнозначны. Михаэль и Триандаффоло были совладельцами судна (*participem, particeps*), причем последний был младшим партнером — его доля составляла лишь одну четвертую. Михаэль же в другом акте значится как *dominus et patronus*, что может означать хозяин, занимавшийся и судовождением. Не исключено, что собственно капитаном «Св. Николая» был Леонардо, поскольку он именуется просто *patrono* и принимает участие в сделке только как свидетель, наряду с секретарем судна Доминико. Может быть, в лице Михаэля де Рекко нужно видеть довольно крупного судовладельца, на одном из судов которого служил капитаном Леонардо де Порту.

Имена итальянцев из Белгорода ясно указывают на их происхождение. Похоже, они еще не были окончательно оторваны от родных мест. По крайней мере, очень возможно, что перед нами — обитатели Маокастро в первом поколении. Представление о процессе оседания в городах региона дают документы, упоминающие подвизавшегося в Килие «штатным» свидетелем при оформлении нотариальных актов Николо Кастаньи. В течение восьми месяцев Антонио ди Понцо называет его генуэзцем (*cive Iapue*) одиннадцать раз, а затем в акте от 2 мая 1361 г. появляется единственное новое определение «житель Килии» (*habitatore Chili*). Таким образом, с августа 1360 г. по май 1361 г. статус Николо претерпел некоторые качественные изменения, хотя и после этого он продолжает считаться генуэзцем¹⁵. Трудно сказать, пускали ли итальянцы в городах Северо-Западного Причерноморья глубокие корни. Исповедывание итальянцами католичества несомненно; на это, кроме иных свидетельств, указывает и формула, открывающая каждый нотариальный акт: «*In nomine Domini, amen*».

О болгарах в Белгороде памятники средневековой письменности свидетельствуют столь же часто, как и об итальянцах, хотя и гораздо менее конкретно. Роль этого этнополитического фактора в регионе оценивается исследователями по-разному, однако отвергать многочисленные, пусть и не всегда ясные, документы эпохи можно только с позиций гиперкритики¹⁶. Хронологически эти сообщения приходятся в основном на первую половину XIV в. Первоначально, во времена Федора Святослава, болгары господствовали в Белгороде политически, подчиняясь верховной власти Золотой Орды. Затем, начиная с третьего десятилетия XIV в., политическая ситуация сравнительно быстро изменилась. Но ослабление политической власти Болгарии в Днестровско-Дунайском регионе вряд ли означало полную утрату роли болгарского этнического компонента в крае.

Тесные связи Белгорода с Болгарией, прежде всего с Добруджей, сохранялись до 60-х гг. Так, в последний день зимы 1361 г. белгородец Иоан вместе с генуэзцем Якобо сбыв армянину из Килии, специализировавшемуся на вывозе из устьев Дуная меда и воска, 22,5 кантара (более 1 т) меда из Загоры (*melis de Zagora*). Иоанн из Маокастро, подобно другим поставщикам меда на килийский рынок, вероятно, скупал товар, объезжая болгарские селения. Только традиционными связями Поднестровья и Подунавья объясняется на первый взгляд парадоксальная деятельность жителя Белгорода, отправившегося в глубинные районы соседней страны для скупки мелких партий товара, который к тому же не вывозился за пределы региона, а сбывался в Килие. Если эти связи опирались на определенную экономическую и этническую общность, то и в 60-е гг. XIV в. Белгород мог в какой-то мере оставаться в стране «болгар и тюрок», а «мусульмане и неверные» все так же населяли его, как и во время Абу-л-Фиды. Это освобождает от противоречивой трактовки появление в низовьях Дуная владений татарского бека с непривычным христианским именем Димитрий и претензии на эти территории добруджанского деспота Добротицы, тем более что в литературе встречаются указания на тесную связь Молдовы конца XIV в. с населением Нижнего Подунавья¹⁷.

В данном контексте мы обращаем внимание еще на один историко-ведческий факт. Речь идет о болгарских и волошских поселениях, включенных в «Список русских городов, дальних и ближних»¹⁸. В тексте памятника каждая группа городов имеет отдельный заголовок, тогда как в одном случае рубрика сдвояна: «А се богатырские и волоскыи гради». Мы допускаем, что недифференцированность двух групп можно трактовать объективно развивавшейся реальностью, а не творчеством позднейших переписчиков. К концу XIV в., когда был составлен список, отдельные города, прежде считавшиеся болгарскими, —

Белгород и пункты на Нижнем Дунае — перешли к восточным романцам. Составители памятника, должно быть, нарочно не разделили их, ибо документ должен был способствовать консолидации православного мира, а не его разобщению. Другими словами, в отмеченном пассаже можно усматривать как отражение современной политической ситуации, так и реминисценцию минувшей действительности, когда Белгород и ряд городов Подунавья на самом деле были болгарскими.

Православное население Белгорода, очевидно, пережило здесь завоевателей, иначе народная память не сохранила бы к XV в. полулегендарную историю Иоанна из Трапезунда. Это могли быть не только болгары, но и греки, составлявшие еще одну группу белгородцев золотоордынской эпохи. «Житие» показывает, что православных христиан в городе было довольно много, и они имели свою церковь со священником. Отдельные слова житийного текста вроде «епарх», употребленные в нецерковном значении, наводят на мысль об изустном первоначальном звучании повести на греческом. Однако имеются и более определенные свидетельства проживания греков в Белгороде в XIV в.

Среди восьми жителей Маокастро, фигурирующих в нотариальных актах Килии, по меньшей мере двое — Теодор и Яне (Янино) — были греками. Первый происходил из фамилии Осгораги [ки?] (уже ее звучание подтверждает справедливость такого предположения). Кроме того, Теодор явился свидетелем в сделке, заключенной при помощи переводчика Савы из Каффы, который, надо думать, переводил на греческий (в Килие, как известно, переводили только с греческого и команского, о золотоордынцах в данной сделке нет упоминаний, следовательно, остаются одни греки). На греческое происхождение Яне указывают и его имя, и город Трапезунд, откуда он, по-видимому, прибыл в Белгород. Действительно, обладатели имени Яне в актах Антонио ди Понцо часто имеют явно греческие вторые имена — Франкополо, Василико и даже просто названы греками¹⁹.

Любопытно, что в одном из актов, фиксирующем продажу невольницы — гречанки, приобретенной прежде в Белгороде, употреблена греческая форма названия города — «Асперо Кастро». Можно с уверенностью утверждать: в золотоордынскую эпоху такое название было живым и бытовало в среде греков наряду с итальянским «Маокастро». В Аспракастроне первой половины XIV в. существовала православная епископия, подчиненная митрополиту Галича²⁰.

Житийный текст о мученичестве Иоанна называет еще одну этно-религиозную группу обитателей Белгорода — еврейскую. Она проживала в городе довольно компактно и, вероятно, представляла, как и во многих средневековых городах, сильно замкнутую социальную общность. Возможно, это было полусвободное торгово-ремесленное население. По крайней мере, из текста об Иоанне следует, что иудеи имели право ношения оружия, а Антонио ди Понцо называет одного еврея среди работаровцев Килии²¹.

Гораздо сложнее обстоит дело с атрибуцией народности белгородца Иоана из Арзероно. Его можно было бы считать греком, если бы не происходил из Эрзерума (территория исторической Армении). Этот житель Белгорода вполне мог быть и армянином, ведь об армянской колонии здесь в XV в. свидетельствуют как письменные памятники, так и сохранившаяся до сих пор церковь²². Косвенно подтверждает нашу версию и то, что Иоан де Арзероно являлся партнером армянина из Килии Саркиса (наблюдающееся по актам нотариального тяготение в делах коммерции людей одного этноконфессионального слоя друг к другу можно рассматривать как определенную закономерность).

Таким образом, в Белгороде проживали золотоордынцы, итальянцы, болгары, греки, евреи и, вероятно, армяне. В литературе время от вре-

мени появляются предположения о проживании в городе на Днестре в исследуемый период восточных романцев и восточных славян, однако утвердительно решить этот вопрос сложно без свидетельств эпохи, которые пока не обнаружены. Не дает серьезных оснований для таких суждений и материальная культура. Появление в Белгороде молдаван, по имеющимся данным, относится к концу XIV—началу XV в., когда Золотая Орда Поднестровьем уже не владела. Об обитании русского (или украинского) населения на берегах Днестровского лимана и в XV в. сведений нет.

Состав населения золотоордынского Белгорода целиком подтверждает истинность высказываний академика Н. И. Конрада: «Монгольская империя XIII—XV вв., протянувшаяся от берегов Тихого океана до западных границ Восточной Европы, — явление, принадлежащее и Востоку, и Западу»²³. Констатация одновременности пережитков патриархально-родовых отношений у ордынцев и пробивающегося из первоначального накопления итальянского капитала на днестровских берегах — явление, требующее глубокого изучения. Ясно одно: подобные процессы имели отнюдь не локальное значение и закономерно порождали чрезвычайно противоречивые взаимодействия обитателей городских центров, близких к Белгороду по структуре населения. Сложность контактов различных этноконфессиональных групп, столкновения разных социально-экономических уровней, конечно же, усугублялись условиями ордынского господства. Вместе с тем нельзя не видеть, что в таких порой драматических коллизиях рождался ценнейший опыт мирных отношений, который также предстоит исследовать в будущем.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Cibb H. A. R. The travels of the Ibn Battuta. A. D. 1325—1354. V. II. Cambridge, 1962. P. 516; Тизенгаузен В. Г. Об. матер., относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. Спб., 1884. С. 306.*
- ² *Крачковский И. Ю. Избр. соч. Т. IV. Арабская географическая литература. М.; Л., 1957. С. 386—392, 405—408, 411—415.*
- ³ *Geographie d'Aboulfêda. Trad. de l'arabe par M. Reinaud. T. II. P. 1. Paris, 1848. P. 40—41; 316—317.*
- ⁴ *Поляк А. Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе//Восточные источники по истории Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964. С. 34, 35, 51.*
- ⁵ *Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 235—237.*
- ⁶ *Colubovich P. G. Biblioteca Bio-Bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente Franciscano. T. II. Firenze, 1913. P. 72, 102, 266—268. Мнимая локализация убийства Анджело де Спалето убедительно объяснена Г. Брэтину (См. Brătianu G. Recherches sur Vicina et Cetatea Albă. Buc., 1935. P. 106).*
- ⁷ *Documente privind istoria României. Veacul XIII, XIV și XV//Țara Românească (1247—1500). Buc., 1953. Doc. 4.*
- ⁸ *Pistarino G. Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Chilia da Antonio di Ponzó (1360—1361). Bordighera, 1971; Doc. 16, 26, 32, 37; Balard M. Gênes et l'Oultramer. T. 2. Actes de Kilia du notaire Antonio di Ponzó. 1360. Paris, 1980. Doc. 41, 50; См.: Коновалова И. Г. Торговая фактория в Килии (по данным нотариальных актов 1360—1361 гг.)//Изв. АН МССР. Серия общ. наук. 1989. № 1. С. 14—21.*
- ⁹ *Яцимирский А. И. Из истории славянской проповеди в Молдавии. Спб., 1906. С. 3—11; Руссев П., Давидов А. Григорий Цамблак в Румынии и старата румынска литература. София, 1966. С. 90—109.*
- ¹⁰ *Зимин А. А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси//Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 439.*
- ¹¹ *Brătianu G. Op. cit. P. 106; Полевой Л. Л. Очерки исторической географии Молдавии XIII—XV вв. Кишинев, 1979. С. 67—69; Параска П. Ф. Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. Кишинев, 1981. С. 72—73.*
- ¹² *Pistarino G. Op. cit. Doc. 9, 15, 61, 97; Balard M. Op. cit. Doc. 50, 56.*
- ¹³ *Быря П. П. Каменное сооружение I в Старом Орхее//Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев, 1985. С. 24—35.*
- ¹⁴ *Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 241.*
- ¹⁵ *Pistarino G. Op. cit. Doc. 44, 48, 56, 64, 66—68; Balard M. Op. cit. Doc. 13, 73, 104, 120.*

- ¹⁶ Spinei V. Moldova în secolele XI—XIV. Buc., 1982. P. 172—176; О взглядах В. Спинаея см.: Коновалова И. Г., Руссов Н. Д. О политическом положении региона Днестровско-Дунайских степей в первой трети XIV в. // Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма. Кишинев 1988. С. 34, 38, 40, 41.
- ¹⁷ Documente privitoare la istoria Românilor. Vol. 1. P. 2 Buc., 1890. Doc. CVII; Balard M. Op. cit. Doc. 100; Baldi G., Raiteri S. Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Caffa e a Licostomo (sec. XIV). Genova, 1973. Doc. 6, 8, 9. См.: Грогул В. Я., Губоглу М. Н. К истории молдавско-славянских связей // Советское славяноведение. 1980. № 5. С. 120.
- ¹⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 475; См.: Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 83—137; Наумов Е. П. К истории летописного „Списка русских городов дальних и ближних“ // Летописи и хроники. 1973. М., 1974. С. 150—163.
- ¹⁹ Pistarino G. Op. cit. Doc. 47, 58, 59 etc.
- ²⁰ Giurescu C. C. Tîrguri sau orașe și cetăți moldovenești din secolul al X-lea pînă la mijlocul secolului al XVI-lea. Buc., 1967. P. 201—202.
- ²¹ Ibidem. Doc. 85.
- ²² Путешествия и посольства господина Гилльберта де Ланнуа // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 3. 1853 С. 438; Археология Украинской ССР. Т. 3. Киев, 1986. С. 518.
- ²³ Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1972. С. 96.

Rezumat

În articolul de față se face o încercare de a generaliza informația din izvoarele scrise (pe care o deținem în prezent) asupra populației orașului Cetatea Albă din timpul stăpînirii Hoardei de Aur. Autorul susține, că în secolele XIII—XIV în orașul de pe malul Nistrului trăia o populație mixtă din punct de vedere etno-confesional. Aici locuiau tătari, italieni, greci, bulgari, evrei, armeni, care împărtășeau diferite credințe religioase. Raporturile dintre ei erau diverse și destul de complicate. Tabloul descris e caracteristic pentru întreaga perioadă a stăpînirii Hoardei de Aur care s-a încheiat către anii 70 ai sec. al XIV-lea. Dar și cîteva decenii mai tîrziu structura populației din orașul Cetatea Albă era destul de pestriță.

DISCUȚII ДИСКУССИИ

В. В. Виноградов, Н. Н. Довженко, Н. В. Фейт

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В РУМЫНИИ НАКАНУНЕ ДЕКАБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1989 г.

Напряженная социально-политическая ситуация, сложившаяся в Румынии к концу 80-х гг., явилась следствием глубокого кризиса экономических и политических структур государственно-бюрократической системы, одиозный характер которой стал особенно очевиден на фоне динамичных демократических перемен в странах Восточной Европы. Не только для народа, не желающего более мириться с состоянием нищеты и бесправия, но и для некоторых представителей партийно-государственного аппарата, осознавших, что созданный в стране тоталитаризм неминуемо приведет к катастрофе, ликвидация режима Чаушеску стала объективно неизбежной.

В отличие от других восточноевропейских государств, кризис командно-административной системы в Румынии имел особенно острый характер. Полная узурпация политической и экономической власти в руках диктатора Чаушеску, волюнтаризм решений в условиях слабой компетентности неизбежно вели к нарушению законов общественного, в том числе экономического развития, к образованию и углублению диспропорций, к просчетам, последствия которых тяжким бременем ложились на плечи трудящихся.

Нарастание кризисных процессов в Румынии проявилось уже в конце 70-х гг. Политика форсированной индустриализации и безудержной диверсификации, которую Чаушеску проводил с момента прихода к власти (так называемая «вторая индустриализация»), вела к концентрации ресурсов на развитие производства ради производства в ущерб условиям жизни народа. Сверхвысокая норма накопления (до трети потребляемого национального дохода) направлялась на развитие широкого круга отраслей, в том числе материалоемких и энергоемких, что не способствовало обеспечению эффективности затрат. Более того, политика «второй индустриализации» вела к безудержному вовлечению в оборот ископаемых ресурсов, а в итоге — к их быстрому истощению. Только за 1966—1989 гг. потребление нефти и природного газа возросло вдвое, каменного угля — в 2,5, железной руды — в 3,4 раза.

К началу истекшего десятилетия стало очевидным истощение возможностей экстенсивного наращивания производства, что поставило Румынию перед необходимостью перехода на путь его интенсификации. Но именно этого перехода командно-административная система обеспечить не могла в силу отсутствия в ее арсенале рычагов стимулирования инициативы и прогресса. Вопреки всем командам и призывам сверху сохранялось нерациональное использование первичных ресурсов, недостаток которых все более покрывался импортом. В 1989 г., например, за счет ввоза было покрыто 60% потребности в нефти, около 90% — в железной руде¹. Импортом обеспечивалась и значительная доля расширения производственных фондов. К началу 80-х гг. на него приходилось более 20% потребностей в машинах и оборудовании, им покрывалось 42% затрат на новое строительство². Бесперебойный при-

ток все новых и новых ресурсов становился неременным компонентом воспроизводственного процесса.

Проводимая режимом Чаушеску экономическая политика в начале 60-х гг. привела к тому, что с изменением внешнеэкономических условий пропорции развития процесса производства в стране оказались нарушенными. Румыния не избежала негативного влияния мирового топливно-энергетического и общего экономического кризиса, последствиями которого для нее стало резкое ухудшение платежного баланса. В начале десятилетия обязательства по внешним платежам в шесть раз превышали уровень положительного сальдо торговли на свободно конвертируемую валюту. Это было первое очевидное проявление кризисного состояния, выход из которого румынское руководство осуществило чисто административными методами, став на путь абсолютного сокращения импорта и поставив тем самым в исключительно сложное положение не подготовленное к этому производство. Предложенный Румынии Международным валютным фондом другой путь выхода из сложной экономической ситуации, предусмотренный программой по совершенствованию экономической и внешнеторговой деятельности (изменение политики управления спросом, повышение его адаптации к внешним условиям, обеспечение гибкости ценового механизма, меры финансово-экономического воздействия на производство, в том числе сокращение субсидирования из бюджета, повышение роли кредитной системы, введение налога на капитал), не соответствовал местной административно-командной системе хозяйствования. Паллиативное применение рекомендаций не могло радикально изменить ситуацию в экономике, функционирующей по законам централизованного планирования.

Поворот в начале предшествовавшего десятилетия к ресурсному и фондовому самообеспечению не только обнажил диспропорции в структуре производства и потребления (что получило вынужденное признание на Национальной конференции РКП 1982 г.), но и способствовал дальнейшей деградации экономических структур. На экономику были возложены невыполнимые задачи по созданию антиимпортных производств. На протяжении 80-х гг. природные ресурсы Румынии использовались на пределе, что привело к их значительному истощению. Например, отечественная добыча жизненно важных для народного хозяйства страны нефти, природного газа, каменного и бурного угля начала сокращаться: производство нефти упало с 11,5 до 9,1 тыс. т, газа — с 28,1 до 24 млн куб. м.

Несмотря на это, руководство страны продолжало упорно создавать гигантские мощности нефтепереработки, рассчитанные в основном на производство продукции на экспорт. Их объем был доведен до 34 млн т. До абсурдной величины (20% против 8% мирового уровня) была доведена степень химизации в использовании нефти. Это вело к снижению качества нефтепродуктов и падению внешнеторговых цен на них. Положение усугублялось ростом себестоимости производства, так как отрасль все более переходила на глубокую добычу. Загрузка нефтеперерабатывающих мощностей осуществлялась преимущественно за счет импортируемого сырья, стоимостной объем которого нередко перекрывал экспорт нефтепродуктов. Стоимость тонны импортируемой нефти во второй половине 80-х гг. превышала стоимость тонны экспортируемых нефтепродуктов на 3—5 долларов³. В итоге не только рос дефицит в балансе обеспечения внутреннего рынка энергопродукцией, но и образовался устойчивый канал утечки национального дохода страны.

Одновременно резко ухудшилось состояние румынского энергетического баланса, традиционно основанного на использовании жидкого топлива. До недавнего времени отечественная нефтедобывающая промышленность лишь на 30% удовлетворяла потребности страны. Средства, предназначенные на перевод энергетики на твердое топливо, бы-

ли израсходованы на расширение угледобычи. В то же время отставало техническое переоснащение карьеров и росла недоукомплектованность теплоэлектростанций, что вело к недопоставке им почти трети необходимого топлива⁴ и недоиспользованию их мощностей. В результате энергетическая проблема стала одной из наиболее острых в стране.

Не менее катастрофически складывалась ситуация в перерабатывающих отраслях. Нехватка сырья, энергии и комплектующих деталей служила основной причиной недогрузки производственных мощностей, составлявшей 20—30%, что вело к потере до 30% продукции.

Лишенная возможности развиваться на основе тесных связей с внешним рынком (импорт машин был сокращен на 13,5%, лицензий — запрещен), румынская промышленность была обречена на вынужденное расширение производственной номенклатуры, чреватое техническим отставанием и углублением диспропорций.

Пожалуй, наибольший ущерб экономике нанесла приверженность Н. Чаушеску гигантомании. Предприятия, созданные без должного учета спроса внутреннего и внешнего рынка, как, например, комбинат тяжелого оборудования в Яссах или химический комбинат в Джурджу, нанесли экономике большие потери. Они не имеют никакого шанса интегрироваться в оздоровленную экономику и являются тяжелым балластом для народного хозяйства. И только необходимость поддержания занятости рабочих заставляет пока сохранять их⁵.

Положение усугублялось просчетами инвестиционной политики, не обеспечившей решение задачи технического совершенствования производства. Развернутые в 80-е гг. гигантские стройки (завершение строительства канала Дунай — Черное море, начало строительства каналов Дунай — Бухарест, Дунай — Жиу — Арджешь, свободной зоны Констанца, ТЭЦ Анина, Административного центра в Бухаресте, для которых предназначалось около 80 млрд. лей) отвлекали большую часть капиталовложений, подрывая основы намеченной программы переоснащения производства. В результате стремительно устаревали производственные мощности. В промышленности страны, даже по явно приукрашенной официальной оценке, в 1985 г. возрастная структура основных фондов выглядела неудовлетворительно: из всего объема лишь 6—7% мощностей составляли концептуально новые или полностью новые в рамках возраста 1—5 лет, 38—40% — до 10 лет, 30—35% — 11—15 лет. Поэтому неудивительно, что эффективность производства непрерывно падала.

В рассматриваемый период деградировала и другая важнейшая отрасль экономики — сельское хозяйство. Серьезный ущерб ему нанесли административные меры в духе продразверстки. По госпоставкам и контрактации у крестьянства изымалась и немалая часть необходимого продукта, не говоря уже о прибавочном. Подобная политика повлекла за собой заметное падение эффективности сельского хозяйства: производство зерна в 1989 г. составило 16,9 млн т по сравнению с 20—22 млн т в 1981—1985 гг.⁶.

Ухудшение положения во всех отраслях экономики не замедлило сказаться на динамике сводных показателей ее развития. В 80-е гг. рост совокупного общественного продукта (3,8%) и национального дохода (4,0%) даже по официальным данным недостаточно достоверным и не учитывающим инфляцию, был вдвое ниже показателей предшествующего десятилетия. Особенно резкое снижение было характерно для начала 80-х гг. В последующий период падение темпов прекратилось, а в ряде отраслей имело место даже некоторое оживление. Согласно данным официальной статистики, ко второй половине 80-х гг. Румынии удалось несколько динамизировать экономику: среднегодовые темпы роста национального дохода в 1984—1986 гг. повысились до 7%, после чего вновь произошел спад. В 1987—1988 гг. отмечалось двукратное

сокращение динамики роста национального дохода. Но и этот слабый прирост был обеспечен за счет инфляции (3—5% в год)⁷, которая скрывала реально существующий застой в производстве. Следствием этой недальновидной политики стал всеобъемлющий дефицит изделий производственного назначения и потребительского спроса.

Официальные стоимостные показатели развития экономики в эти годы достаточно явственно контрастируют с колебаниями производства в натуральном выражении. На протяжении десятилетия практически все отрасли народного хозяйства продолжало лихорадить. В различные годы происходило сокращение от 2—4 до 30—40% производства важнейших видов машиностроительной продукции (бытовая электроника, трактора и сельскохозяйственные машины, экскаваторы, железнодорожный подвижной состав, автомобили, промышленное оборудование), некоторых видов химических изделий (главным образом красители, а также синтетический каучук, в меньшей мере химические волокна, смолы и пластмассы), строительных материалов и — что очень существенно — продовольственных товаров⁸. Наиболее серьезный спад имел место в 1981—1983 гг., когда резко и неожиданно ухудшилась общая экономическая обстановка в стране. Второй ощутимый срыв произошел в 1987—1988 гг. в связи с политикой румынского руководства, направленной на ликвидацию внешней задолженности «любой ценой».

В 1982 г. на Национальной конференции РКП было принято решение о ликвидации внешнего долга к 1990 г. С первых лет основным фактором достижения этой цели стало сокращение импорта. К 1988 г. объем ввоза товаров в страну был на 28,4% ниже уровня 1980 г. Это болезненно отразилось на развитии национальной экономики, которая не выдержала резкого перехода от практически неограниченного использования внешних источников развития к жесткому ограничительному режиму импорта.

На отечественное машиностроение были возложены задачи «удовлетворить потребности народного хозяйства во всем необходимом», однако использование оборудования, узлов, деталей румынского производства, уступающих по техническим показателям импортным, сопровождалось снижением качественного уровня собственной производственной базы и продукции, замедлением выполнения важнейших программ развития. Усиление автаркизма в политике импорта вело не только к ограничению возможностей развития страны, но и к подрыву основ участия Румынии в международном разделении труда.

Именно в этих неблагоприятных для производства условиях перед экономикой страны были поставлены задачи форсированного расширения экспорта, который должен был стать основным источником увеличения положительного внешнеторгового сальдо. Экспортное направление производства было объявлено приоритетным. Были выдвинуты «сверхзадания» по его расширению (вдвое в 1981—1985 гг. и на 75% — в 1988—1990 гг.).

Однако, не располагая адекватной производственной базой для выполнения полученных заданий, румынские производители нередко осуществляли вывоз крайне необходимых самой стране продуктов. Так, в последние годы наблюдалось увеличение экспорта сырья, что шло вразрез с интересами государства. Увеличивался экспорт даже дефицитного в стране продовольствия (в том числе в Советский Союз в обмен на нефть).

Негативные процессы в формировании структуры экспорта сопровождались снижением уровня его эффективности, понижением эквивалентности обмена румынской продукции на мировом рынке. Так, только в 1981—1985 гг. во внешней торговле Румыния потеряла около 5—6 млрд долларов, и эта проблема не была решена и в последующий период. Темпы развития экспорта неуклонно снижались (до 3,4% в

среднем ежегодно в 1981—1985 гг. против 16,5% в 70-е гг.). Расчет на экспорт как основное средство решения проблемы ликвидации внешнего долга не оправдался. Фактически необходимые фонды были получены в основном за счет сокращения импорта, а ускоренная выплата долга сопровождалась лишением производителя прав на использование заработанной валюты.

В апреле 1989 г. Чаушеску объявил о полном погашении Румынией внешней задолженности. Отмечалось, что с 1975 по 1989 гг. страна выплатила около 21 млрд долларов, в том числе по процентам — 7 млрд. Однако ущерб для страны нельзя охарактеризовать только объемом выплаченных сумм. Основные потери Румыния несла за счет отвлечения все более значительных средств на развитие. И если годовая сумма сокращения долга в течение всего периода не превысила 0,6—0,7 млрд долларов (исключение составили только 1983 и 1989 гг., когда она составила 1,7 и 1,8 млрд долл.), то снижение чистого материального дохода страны в результате формирования положительного сальдо торговли нарастало из года в год (с 4,3% в 1982 г. до 16,7% в 1987 г. и 19,5% в 1988 г.). В результате чистый материальный продукт, или национальный доход, созданный в материальной сфере и использованный в стране, увеличивался в среднем ежегодно в течение всего периода лишь на 0,9%, что вело к постоянному сокращению ассигнований на развитие.

Таким образом, став на путь форсированной ликвидации внешнего долга, румынское руководство обрекло страну на отставание в развитии производственной базы и лишило ее материальных предпосылок для решения проблем восстановления пропорционального соотношения в развитии отраслей и создания основ прогресса в экономике.

Длительный приоритет экспорта и снижение объема импорта во внешней торговле привели к разрушению базы ее развития и деформации участия страны в мировом экономическом обмене. Преломляясь через специфику отношений с отдельными группами стран, внешнеэкономические связи несли в себе общие черты ошибочной концепции осуществления экспортной экспансии, не подкрепленной ни экономически, ни организационно.

На протяжении всего рассматриваемого периода Н. Чаушеску пытался вывести страну из состояния кризиса путем разработки множества программ, принятия решений и организации контроля за их выполнением. Практика продемонстрировала, что, концентрируя усилия на решении конкретной задачи, административное управление оказалось неспособным решать проблему в целом и постепенно столкнулось с фактом полной неуправляемости экономики. Свидетельство тому — крах многочисленных «мобилизующих» программ, в том числе в топливно-энергетическом и агропромышленном комплексе.

К концу 80-х гг. фактически произошел распад системы централизованного среднесрочного и долгосрочного планирования. План окончательно утратил значение экономического инструмента и был практически вытеснен жестко установленными заданиями по кварталам, месяцам, декадам. Практическим воплощением новых тенденций стало повышение в 1986 г. роли Госплана, который утверждал разработанные Высшим Советом социально-экономического развития (с 1987 г.) плановые задания для промышленных объединений, минуя отраслевые министерства. Народнохозяйственный план расширился за счет включения разделов, касающихся кооперативного сектора, а также личных подсобных хозяйств (с 1984 г.). На Госплан была возложена и обязанность контроля за их выполнением.

В обстановке непрекращающихся дефицитов произошла «натурализация» планирования. Однако, вопреки этой ориентации и несмотря на жесткий контроль, многие предприятия (с целью увеличения

прибылей) стремились к наращиванию «вала» по стоимостным показателям, в том числе путем нарушения предписанной номенклатуры производства.

Тотальный контроль и централизованное регулирование всех сторон хозяйственной жизни оказались не в состоянии предотвратить значительные потери в экономике. Около 20% государственных и кооперативных предприятий в промышленности и сельском хозяйстве в 1989 г. были убыточными, несмотря на двукратную (в 1982 и в 1988 гг.) реформу ценообразования, а потери от их деятельности достигли 50 млрд лей. В 1989 г. государство вынуждено было аннулировать задолженность сельскохозяйственных предприятий на сумму 113 млрд лей, сопоставимую с годовым объемом сельскохозяйственного производства.

Весьма характерно, что партийно-государственное руководство стремилось решить проблему рентабельности в основном путем указаний покончить с убыточностью в течение одного—двух месяцев. Предполагалось, что этому должно было способствовать сокращение запасов на производстве. Так, в 1986 г. был принят декрет, направленный на сокращение сверхнормативных запасов и предусматривающий ограничение сроков кредитования под сырье и готовую продукцию. Полностью оторванный от технологических требований производства и финансовых возможностей предприятий, декрет вызвал «блокирование» системы расчетов, привел к снижению уровня оборотных средств, к созданию только в промышленности неоплаченных нормативных запасов на сумму 50 млрд лей, что искусственно усиливало проблему «сверхнорматива»⁹.

Во второй половине 80-х гг. стало совершенно очевидно, что сложившееся в экономике страны кризисное положение могло поправить только коренное изменение системы хозяйствования. Однако клан Чаушеску полностью отверг идею ее возможной перестройки. Отказ от реформ лишь усугублял кризис, приведший в конечном итоге к революционному взрыву.

В 80-е гг. социальная сфера оказалась в наибольшей степени подверженной воздействию кризисных явлений в экономике. В соответствии с логикой командно-административной системы решение острых экономических противоречий происходило главным образом за счет снижения и без того сравнительно невысокого жизненного уровня населения. И выплата внешнего долга, и последствия усилившегося отставания топливно-сырьевой базы от перерабатывающих отраслей, и фактический застой, и сокращение объема сельскохозяйственной продукции — все это легло на плечи рядовых граждан. Примечательно, что даже из официальных партийно-государственных документов исчезло упоминание о повышении благосостояния народа как о цели социальной политики государства. С 1982 г. был выдвинут другой тезис, а именно «сохранение достигнутого ранее жизненного уровня»¹⁰.

Перераспределение значительной части национального дохода на погашение внешнего долга, проводимый румынским руководством курс жесткой экономии неизбежно вели к стагнации внутреннего потребления и падению уровня благосостояния народа. По оценкам «План Экон», величина потребляемого национального дохода Румынии выросла в 1981—1988 гг. всего на 6% — динамика, равносильная стагнации, так как в год прирост составляет лишь 0,7%. В отдельные годы (1981—1982, 1988) происходило абсолютное снижение личного потребления. Прирост индивидуального среднедушевого потребления за весь рассматриваемый период в стоимостном выражении составил всего 2,5% в год — величина едва ли ощутимая в условиях обнищания внутреннего рынка¹¹.

В 1981—1984 гг. на 23,7% были повышены розничные цены, что беспрецедентно для послевоенного периода в истории страны. Впослед-

ствии румынское руководство отказалось от политики повышения цен, не сумев, однако, обеспечить сдерживания инфляционных процессов. Рост индекса розничных цен за 1984—1989 гг. на 0,9% сопровождался «вымыванием» дешевого ассортимента и неуклонным ухудшением качества товаров. Особенно быстро оскудевал рынок продуктов питания. Его обнищанию румынское руководство противопоставило политику «территориального самообеспечения», основанную на принципах остаточного снабжения регионов после выполнения обязательных поставок в госфонд. Завышенный уровень отчислений в условиях фальсификации данных о производстве продовольствия привел к полному опустошению внутреннего продовольственного рынка. Потребовалось ввести карточную систему распределения основных продуктов питания, что неизбежно привело к расцвету «теневого» рынка.

В 1981—1985 гг. реальная заработная плата рабочих и служащих согласно экспертным оценкам снизилась на 0,2%, тогда как официально было объявлено о ее приросте на 8%. В этой связи повышение реальной заработной платы на 4% в 1986—1988 гг. вовсе не означало, что она достигла докризисного уровня конца 70-х гг.¹² К тому же в условиях всеобъемлющей регламентации рынка официально объявленный рост реальных доходов и заработной платы не имел существенного влияния на динамику жизненного уровня, да и по объему (1,2% в среднем за год в 1981—1989 гг.) находился ниже порога ощутимости.

При официально провозглашенном курсе на сокращение дифференциации доходов населения (с 5,5:1 в 1980 г. до 4,7:1 в 1989 г.) росла реальная дифференциация, определяемая доступом к дефицитным товарам и услугам, в первую очередь через спецраспределители. Роскошные условия жизни высшего партийно-государственного руководства все сильнее контрастировали с доходами подавляющего большинства населения. 60% рабочих и служащих получали заработную плату ниже средней по стране в целом. В доходах крестьянства росло значение натуроплаты. Денежные выплаты отошли на задний план, особенно в условиях резкого сокращения завоза продуктов питания в сельские магазины и ограничения продажи крестьянам хлеба. Постановления Политисполкома ЦК РКП от 8 февраля и 14 июля 1989 г. предусматривали увеличение доли урожая пшеницы, идущей на оплату труда крестьян, с 10—12 до 11—16%, овощей — с 20 до 30%.

Процесс обнищания внутреннего рынка затронул и сферу промышленных товаров, особенно обеспечение изделиями длительного пользования. Тяжелым бременем легли на плечи трудящихся также «провалы» в топливно-энергетическом хозяйстве страны. В административном порядке были снижены лимиты на использование в быту электрической и тепловой энергии и газа при увеличении платы за них. В зимний период температура в домах падала до критически низкого уровня, не всегда подавался газ. В этих условиях гибли старики и новорожденные дети. С 1985 г. регистрация последних проводилась лишь спустя 6 недель после рождения. Почти не освещались улицы, учреждения, работавшие к тому же по режиму «светового дня».

Особая ситуация сложилась в области жилищного хозяйства страны. При относительно благоприятном обеспечении жильем городского населения нарастали трудности для тех, кто проживал в пригородах (треть всех рабочих и служащих) и не имел возможности при существовавшей системе прописки переселиться в город. Недовольство сельских жителей возросло с принятием программы «систематизации сельских населенных пунктов» (1988 г.), предусматривавшей ликвидацию половины всех сел и переселение их жителей в агропромышленные города, что нарушало весь уклад и традиции сельской жизни¹³. В последние годы на фоне стагнации экономического развития возникла и стала обостряться проблема трудоустройства, в первую очередь среди

молодежи. По некоторым данным, до 30% выпускников учебных заведений различного уровня не могли найти работу. Шел скрытый рост частичной занятости, нашедший отражение в простоях производства и неполной оплате труда.

Все эти проблемы усиливали социальную напряженность, которая долгое время не принимала в стране открытого характера в силу обусловленной авторитарным режимом пассивности населения и жесткого подавления недовольства и инакомыслия, а назревавший протест находил другие формы.

Одним из наиболее наглядных проявлений кризиса в социально-политической сфере являлась эмиграция (преимущественно легальный выезд румынских граждан немецкой национальности в ФРГ и нелегальный — в Венгрию), размах которой достигал десятков тысяч человек в год и сдерживался лишь административными мерами официальных властей. Помимо «голосования ногами», страну покидали и этнические румыны.

Социальная напряженность все более приобретала характер политического противостояния властям. В конце 80-х гг. учащаются политические выступления рабочих, наиболее крупным из которых стала акция протеста в Брашове в 1987 г. В создавшихся условиях Чаушеску был вынужден идти по пути маневрирования, раздавая обещания исправить ситуацию и смягчить жесткие меры в области социальной политики. Однако все это практически не находило отклика у населения и зачастую воспринималось с откровенным раздражением.

На протяжении последнего десятилетия все очевиднее и явственнее становилось приближение заката «золотой эпохи» в истории послевоенной Румынии. Одним из его проявлений явилось также идейно-политическое банкротство режима «эпохи Чаушеску». В годы диктатуры «самого любимого из сынов Родины» окончательно сложилась система политического, экономического и социального правления, основанная на полном отрыве центров исполнительной власти от воли трудящихся. Она обеспечивала максимальную концентрацию власти в руках очень узкого круга высшего политического руководства. Партийно-государственный аппарат, подчиненный последнему и выступавший в роли орудия проведения его политики, и в центре, и на местах подменил и подмял всякое народное представительство, сделав его просто прикрытием собственного господства. Формально демократические институты были превращены в своего рода органы одобрения и поддержки политики клана Чаушеску. В политической системе весьма зримы стали кланово-династические тенденции, развитие которых сопровождалось искусственным нагнетанием культа личности Н. Чаушеску.

При отсутствии в стране подлинной политической культуры вместо реальной демократии повсеместно практиковалась имитация ее, сущность подменялась видимостью. Путем интеграции Румынской коммунистической партии во все государственные структуры общества произошло превращение ее в центральное звено административно-командной бюрократической системы, опору личной диктатуры Н. Чаушеску. Монопольно правящая РКП, действуя в духе принципов бюрократического централизма под единоличным контролем Н. Чаушеску, обеспечивала властвующей клике ключевые позиции, окончательно лишившись роли политической организации.

Всякой самостоятельности были лишены и все без исключения общественные и массовые организации, объединенные в так называемый Фронт демократии и социалистического единства, который также находился под контролем Н. Чаушеску. Противостояние созданной системы любому возможному возникновению каких бы то ни было очагов оппозиции режиму уже само по себе свидетельствовало о его нестабильности и кризисном положении. Отсутствие открытой оппозиции в

стране было обусловлено и использованием правящей верхушкой репрессивного аппарата для нагнетания страха, беспощадного подавления социального недовольства, равно как и для преследований за инакомыслие, независимость суждений, что квалифицировалось как преступные деяния. На предупреждение самоорганизации трудящихся была направлена и массированная идеологическая индоктринизация, в основу которой уже давно легли интенсивное мифотворчество (особенно в области истории страны) и откровенная демагогия, объективно деформировавшие общественное сознание и имевшие целью сохранить «сумеречное» состояние румынского общества.

Для того, чтобы поддерживать партгосаппарат в рабочем состоянии, Чаушеску приходилось систематически обращаться к идеологическому нажиму, дисциплинарным мерам и прямым репрессиям в отношении тех или иных его звеньев, что не могло не вызывать недовольства даже в этой лояльной среде. Косвенно об этом свидетельствует введенная еще в 70-е гг. и широко практиковавшаяся впоследствии ротация партийно-государственного аппарата, ставшая средством избавления от неугодных Чаушеску лиц, в преданности которых он сомневался.

При всей закрытости в недавнем прошлом румынского общества в конце 80-х гг. процесс размежевания с кликой Чаушеску становился все более очевидным. В частности, его проявлением стало беспрецедентное в условиях Румынии выступление ветерана партии К. Пырвулеску на XII съезде РКП (ноябрь 1979 г.), которое прозвучало как обличение кланового правления в стране, пренебрегающего нуждами румынского народа. Об этом процессе свидетельствует и так называемое «письмо шести», которое в марте 1989 г. открыто направили Н. Чаушеску шестеро ветеранов румынской компартии, занимавших в разные годы ключевые посты в партии и государстве. В письме содержался протест против тоталитаризма и нарушений прав человека в Румынии. О росте оппозиционных настроений в обществе и в самих структурах власти свидетельствовали участвовавшие и становившиеся все более резкими критические замечания Н. Чаушеску в адрес соседних стран, вступивших на путь демократического обновления. Все эти замечания воспринимались и как предостережение сторонникам концепции «рыночного социализма» в Румынии.

Важной особенностью внутривластной ситуации в конце 80-х гг. стала расширяющаяся деятельность общественных сил, подрывавших политическую стабильность режима: развивалась деятельность правозащитников, преимущественно в кругах интеллигенции. В сущности правозащитное движение отражало широко распространенные в обществе настроения и тенденции и, главное, вселяло веру в возможность изменений к лучшему, освобождало от апатии и скептицизма молодое и среднее поколение румын. Примечательно, что, подвергая правозащитные группы репрессиям, режим, сам того не желая, способствовал распространению их взглядов среди румынской общественности и одновременно подрывал собственную репутацию за границей, что вело к его изоляции на международной арене.

Характерно, что деятельность правозащитных кругов в Румынии конца 80-х гг. тесно переплеталась с оппозиционными в отношении режима настроениями национальных меньшинств, особенно венгров. Это единение оказалось возможным в связи с тем, что в условиях тяжелого экономического положения и усугубляющегося разрыва между властвующей кликой и народными массами попытки разжечь румынский национализм, направить его против национальных меньшинств, хотя и предпринимались, но успеха в сущности не имели. В последние годы национальные меньшинства, особенно венгры, испытывали не только тяготы нестерпимого экономического положения, но

и последствия политики румынизации, составной частью которой стала так называемая «систематизация» сельских населенных пунктов с целью разрушения традиционной культуры и всего жизненного уклада трансильванских венгров.

Попытка Бухареста форсировать ассимиляцию венгров и других национальных меньшинств привела к тому, что они стали одним из важных источников оппозиции режиму. И далеко не случаен тот факт, что декабрьские революционные события начались в Тимишоаре.

Таким образом, падение антинародной диктатуры в Румынии явилось закономерным следствием отчуждения народных масс от собственности и управления обществом. Поскольку их интересы не воспринимались и отвергались официальными политическими структурами, они нашли иные, неинституциональные пути и средства для своего проявления, выразившиеся в революционном взрыве всей системы власти. Важно отметить, что румынская революция произошла в благоприятных международных условиях. Советская перестройка открыла путь таким преобразованиям в странах Восточной Европы, которые в считанные месяцы привели к демонтажу авторитарных систем. Эти события в свою очередь привели к ускоренному созреванию в Румынии революционности народных масс.

Отсутствие в Румынии демократических традиций и структур, тотальный контроль властей во всех сферах общественной жизни привели к тому, что революционное обновление в стране приобрело характер стихийного народного восстания. В ходе декабрьских событий проявилась массовая ненависть румынского народа к диктатуре, опиравшейся на репрессивные органы и партийно-государственный аппарат.

Победа революции 22 декабря 1989 г. открыла перед Румынией возможность преодоления кризиса, в который вверг ее деспотический режим, положила начало коренному обновлению румынского общества. Страна вступила на путь политического, экономического и идеологического плюрализма, перехода к рыночной социально-ориентированной экономике. Вместе с тем совершенно очевидно, что преодоление катастрофических последствий диктатуры будет довольно длительным и нелегким процессом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Anuarul statistic al RSR. 1976. P. 112—113, 396—397; 1985. P. 92, 297.

² Саморукова А. Промышленность Социалистической Республики Румынии. М., 1986. С. 56.

³ Adevărul. 1990. 18, 23 ianuarie.

⁴ Ibidem. 23, 27 ianuarie.

⁵ Lumea azi. 1990. Nr. 1. P. 12.

⁶ Tribuna economică. 1990. Nr. 2. P. 10, 18.

⁷ Plan Econ Report. 1989. May 19. Nr. 19—20.

⁸ Anuarul statistic al RSR. 1988.

⁹ Tribuna economică. 1990. Nr. 3. P. 13.

¹⁰ Scînteia. 1982. 17 decembrie.

¹¹ Plan Econ Report. 1989. May 19. Nr. 19—20.

¹² Ibidem.

¹³ Scînteia. 1988. 4 martie.

Rezumat

În articol sînt analizate principalele cauze, care au condiționat căderea dictaturii ceaușiste în România în decembrie 1989. Pe baza unui bogat material factologic se demonstrează, că prăbușirea regimului ceaușist a fost un rezultat firesc al crizei social-economice și politice la care el însuși a adus țara, al protestului poporului român împotriva existenței unui totalitarism economic și politic în timp ce Europa de Răsărit a pornit pe calea celor mai profunde transformări.

COMUNICĂRI СООБЩЕНИЯ

Valeria I. Cozma

TREPTÉ ALE ÎNVĂȚĂMÎNTULUI DE ARTE DIN MOLDOVA

În sistemul învățămîntului de arte un rol important le revine școlilor de 7 ani și medii de muzică și de arte plastice. La mijlocul anilor '80 în republică funcționau peste o sută de asemenea școli, care erau frecventate de circa 20 mii de elevi.¹ Ele contribuie la dezvoltarea culturii artistice, la ridicarea nivelului de cunoștințe al membrilor colectivelor artistice de amatori. Școlile de muzică și de arte plastice au de asemenea și misiunea de a evidenția copiii talentați și de a-i pregăti pentru a-și continua studiile în școlile medii speciale.

După eliberarea Moldovei de sub ocupația fascistă guvernul și populația republicii au depus eforturi colosale în vederea restabilirii și dezvoltării sistemului învățămîntului de cultură generală, mediu de specialitate și superior. Printre primele instituții, care și-au reluat activitatea, au fost conservatorul de stat și cele două școli medii speciale de arte. Abiturienții acestor instituții de învățămînt aveau nevoie de o pregătire specială.

La propunerea secțiilor orașenești și raionale de învățămînt public, comitetelor executive ale Sovietelor locale de deputați ai norodului, Guvernul republicii deschide un șir de școli de 7 ani de muzică iar mai târziu și de arte plastice, care erau menite să contribuie la dezvoltarea orizontului muzical și estetic al tinerei generații, să pregătească viitori muzicanți, pictori, arhitecți. Timp de două decenii în republică a fost pusă baza învățămîntului primar muzical și de arte plastice. Succese anumite s-au obținut în domeniul învățămîntului mediu muzical. Pe baza școlii medii de muzică din Chișinău s-a creat școala medie specială internat de muzică «E. Coca».

Prima școală de muzică pentru copii a fost organizată în anul 1944 în orașul Soroca. Peste doi ani în republică activau deja 4 școli de muzică, în care-și făceau studiile 222 de copii². Pînă în a doua jumătate a anilor '50 școli de muzică se deschideau numai în orașe și centre raionale. Prin aceasta și se explică faptul că numărul copiilor de la sate ce învățau în acel timp în școlile medii speciale de muzică era relativ mic. În scopul răspîndirii culturii muzicale profesionale în rîndurile populației de la sate, a pregătirii abiturienților pentru școlile medii speciale, s-a pus problema de a se crea școli de muzică și în localitățile satești. Prima școală de acest tip a fost deschisă în anul 1957 în satul Chiperceni, raionul Orhei³.

La sfîrșitul anilor '50 — începutul anilor '60 rețeaua de școli de muzică se mărea continuu. În anul 1959 au fost deschise 2 școli, în 1963 — 2, 1964 — 3, 1965 — 4⁴. În anul 1965 în republică activau 26 școli de muzică, în care-și făceau studiile 4 847 elevi. Timp de douăzeci de ani numărul școlilor de muzică a crescut de 6,5 ori iar al elevilor — de 21,8 ori⁵.

Spre finele anilor '50 încep să fie create și școli de muzică pentru adulți. Astfel de școli au fost deschise la început în orașele Chișinău și Bălți⁶. În școlile de muzică serale tineretul muncitor avea posibilitate să primească studii muzicale generale fără întrerupere de la producție, iar cei mai talentați din ei — să se pregătească pentru examenele de admitere în școlile medii speciale de muzică și în instituțiile de învățămînt superior.

Timp de mai mulți ani selectarea abiturienților pentru școala republicană-pedagogică de arte plastice «I. E. Repin» s-a făcut din rîndurile absolvenților școlilor de cultură generală. La sfîrșitul anilor '50 a fost rezolvată pozitiv problema creării școlilor de arte plastice pentru copii. Prima școală s-a deschis în anul 1958 în orașul Bălți. În anul următor au fost înființate încă două — școala de arte plastice «A. Șciusev» din Chișinău și școala de arte «A. Foinițchi» din Tiraspol⁸. În anul de studii 1965/66 în Moldova activau 12 școli orașenești și raionale de arte plastice în care învățau 932 de elevi⁹.

Datorită creșterii rețelei de școli de muzică și de arte plastice mii de copii au căpătat deprinderi muzicale, s-au familiarizat cu arta și-au dezvoltat capacitățile de creație. În anul de studii 1964/65 în astfel de școli învățau circa 5,6 mii de elevi.

În sistemul învățămîntului primar de arte exista problema componenței naționale și sociale a elevilor care trebuia rezolvată. Dat fiind faptul că în localitățile satești

aceste școli aproape că lipseau, greutatea specifică a copiilor de naționalitate băștinășă și a colhoznicilor era neînsemnată. De exemplu, în anul de studii 1958/59 în școala de muzică din Cahul din 110 elevi numai 5 erau copii de colhoznici și 7 de muncitori, ceilalți erau copii de funcționari. Copiii moldoveni alcătuiau numai 21,8%¹⁰. Și mai puțini reprezentanți ai populației băștinășe își făceau studiile în școala de muzică din orașul Sorocea — 19,3%¹¹.

În anii următori în legătură cu dezvoltarea industriei, creșterea greutății specifice a populației băștinășe în orașele republicii, deschiderea școlilor de muzică și a filialelor în localitățile sătești treptat se schimba componența națională și socială a elevilor. Din anul 1959 până în anul 1964 efectivul copiilor moldoveni a crescut cu 4,5%, ucrainenii — cu 5,2%, găgăuzii — cu 1,14%, bulgarii — cu 0,7%. Cu toate acestea, în anul de studii 1963/64 greutatea specifică a copiilor moldoveni în școlile de muzică (24,1%) și a copiilor găgăuzi (1,7%) era cu mult mai joasă decât greutatea specifică a moldovenilor și găgăuzilor în populația republicii¹².

Împ de 5 ani schimbări corespunzătoare au avut loc și în componența socială a elevilor. Intrucâtva a crescut numărul copiilor de colhoznici în școlile de muzică. Și, totuși, majoritatea elevilor o alcătuiau copiii funcționarilor. În anul 1963 mai mult de jumătate din elevii școlilor de muzică o constituiau copiii funcționarilor, 28,1% — copiii muncitorilor și numai 10,1% — copiii colhoznicilor¹³. Ceva mai înaltă era greutatea specifică a copiilor muncitorilor și colhoznicilor în școlile de arte plastice. În anul de studii 1963/64 ei alcătuiau 51% din elevii acestor școli¹⁴.

Creșterea neînsemnată a numărului copiilor colhoznicilor și muncitorilor în școli se lămurește prin lipsa acestora și a filialelor lor în localitățile sătești, condițiile materiale mai prielnice ale funcționarilor, existența tradițiilor familiale în cercurile intelectualității. Spre deosebire de alte profesii, pregătirea viitorului muzicant, pictor se începe în fragedă copilărie și tradițiile familiale aici joacă un rol foarte important.

Unul din factorii destul de însemnați, ce împedica copiilor colhoznicilor să se ocupe în școlile de muzică și de arte plastice, era taxa pentru învățatură. Un exemplu elocvent, care ne confirmă acest lucru, poate servi istoria primei școli de muzică sătești din s. Chiperceni, raionul Orhei. Doi ani cârmuirea colhozului local a plătit din fondul gospodăriei pentru învățatura copiilor. După ce ea a încetat să mai facă acest lucru, mulți copii au abandonat școala și exista primejdia de a fi închisă. Despre faptul dat relata ministrul culturii în adresarea sa către Consiliul de Miniștri al R.S.S.M din 20 decembrie 1960 și insista ca școala de muzică de 7 ani din Chiperceni, ca excepție, să fie finanțată în întregime pe contul bugetului local¹⁵. Asemenea informații erau primite și din alte școli. În darea de seamă a școlii de muzică din Dubăsari pe anul de studii 1965/66 se menționa, că mulți copii ai colhoznicilor plecau din școală din cauza situației materiale precare a părinților. În legătură cu aceasta direcția școlii ruga Ministerul culturii să contribuie la organizarea pe lângă școală a unui internat pentru 20 de copii și crearea pentru ei a condițiilor privilegiate în privința taxei pentru învățatură¹⁶. Altă dificultate consta în lipsa transportului. Din această cauză mulți copii talentați de la sate n-aveau posibilitate să-și facă studiile în școlile de muzică și de arte plastice din orașele și centrele raionale apropiate.

Școlile de muzică și de arte pentru copii jucau un rol important în viața spirituală a republicii. În același timp, baza lor materială și asigurarea cu cadre pedagogice calificate se găseau la un nivel foarte jos. Școlile de muzică arendau încăperi în casele de cultură, în școlile de cultură generală, în alte instituții. De regulă ele erau mici și prost amenajate. Școala de muzică din Ciadîr-Lunga se găsea în anul 1964 într-o clădire pe jumătate năruită, în care se aflau, de asemenea, secția de cultură și tipografia. Comitetul executiv al Sovietului raional de deputați ai oamenilor muncii nu aloca mijloace pentru reparația capitală a școlii¹⁷.

În condiții și mai grele se găseau școlile de arte plastice pentru copii. Majoritatea lor se aflau în încăperi mici și învechite, ce nu corespundeau normelor sanitare. Din lipsă de clase în multe din ele lecțiile se predau în două schimburi. Organele corespunzătoare se grăbeau să raporteze despre deschiderea acestor școli și foarte puțin se interesau de condițiile, în care ele activau. Conducătorii Sovietelor raionale și orașenești de deputați ai oamenilor muncii, ai comitetelor locale de partid considerau problemele învățămîntului de arte și de educație estetică a tinerei generații drept probleme secundare și nu le acordau atenția cuvenită.

Creșterea rețelei de școli de muzică și de arte plastice a contribuit la formarea unui detașament profesional de lectori. Dacă în primii ani de activitate a școlilor de arte în ele lucrau cîteva zeci de specialiști, apoi cu timpul numărul lor s-a mărit considerabil. În anul de studii 1964/65 în școlile de muzică și de arte plastice cu instruirea și educația elevilor erau ocupați peste 400 de pedagogi¹⁸.

De regulă, învățătorii acestor școli aveau studii superioare sau medii speciale. Ce e drept, în primele două decenii postbelice greutatea specifică a lectorilor cu studii superioare era destul de joasă. În anul de studii 1963/64 din toți lectorii școlilor de arte plastice studii superioare aveau 11,1%. Și mai mic era procentul de învățători cu studii superioare speciale în colectivele pedagogice ale școlilor de muzică — 7,6%¹⁹. Printre pedagogii cu studii medii speciale erau și absolvenții ai școlilor pedagogice și de luminare culturală.

Deosebit de mari greutăți în privința asigurării școlilor de muzică cu specialiști existau în anii '50, cînd în republică specialiști cu studii medii speciale muzicale pre-

gătea numai o singură instituție de învățământ. În anul 1957 într-una din cele mai vechi școli de muzică — cea din orașul Soroca, conform statelor trebuia să lucreze zece învățători, dar erau numai șapte, trei persoane aveau doar studii medii incomplete²⁰. În același an din cei 29 de învățători ai școlii de muzică din orașul Bălți nouă aveau studii medii incomplete, iar trei — studii elementare²¹. În anii '60 nivelul de calificare a învățătorilor din școlile orașenești s-a îmbunătățit simțitor. Dar problema asigurării școlilor din centrele raionale, mai ales cele de la sud, cu specialiști rămânea nerezolvată.

O problemă foarte importantă era și asigurarea școlilor de muzică și de arte plastice cu cadre naționale. Din cauza pierderilor suferite în timpul războiului, plecării în anul 1944 a unei părți a intelectualității din raioanele de pe malul drept al Nistrului peste graniță, manifestării de neîncredere și chiar a atitudinii ostile din partea unor conducători față de vechile cadre basarabene, numărul specialiștilor din rândurile populației băștinașe în republică era mic. În anul 1946 în colectivele pedagogice ale școlilor de muzică învățătorii moldoveni constituiau a cincia parte²².

Guvernul republicii hotărâște să rezolve problema cadrelor prin invitarea specialiștilor din Federația Rusă și Ucraina. În primii ani de după război mii de oameni sosseau în Moldova pentru a lucra în organele de partid și sovietice, în domeniul economiei și culturii. Mulți dintre ei s-au încadrat în sistemul învățământului public. De exemplu, în februarie 1949 în Moldova au sosit circa 3 000 de învățători²³.

Paralel cu angajarea cadrelor din afara republicii se desfășura pregătirea specialiștilor în instituțiile de învățământ locale. Dar și în aceste instituții la început moldovenii constituiau o parte infimă. Astfel, timp de 20 de ani componența națională a corpului didactic al școlilor de arte aproape că nu s-a schimbat. În anul de studii 1964/65 reprezentanții populației băștinașe alcătuiau numai 22% din învățătorii școlilor de muzică²⁴. Mai ales, puțini pedagogi de naționalitate băștinașă lucrau în școlile de muzică orașenești. Din această cauză multe discipline în clasele moldovenești se citeau în limba rusă.

Un loc impoant în sistemul învățământului muzical din republică îi revine școlii medii de muzică din Chișinău. Școala a fost creată în anul 1940 pe lângă Conservatorul de stat și și-a reluat activitatea în anul 1944. Ea avea menirea să pregătească cadre pentru conservator, în primul rând, din mijlocul populației băștinașe.

Din an în an contingentul de elevi creștea, însă mult timp numărul copiilor moldoveni era neînsemnat. Așa, de exemplu, spre sfârșitul anului de studii 1952/53 din cei 215 elevi ai școlii numai 77 erau moldoveni²⁵. Școala n-avea cămin și copiii din satele republicii erau lipsiți de posibilitatea de a-și face aici studiile.

În anul 1953 Ministerul culturii al R.S.S.M. s-a adresat Consiliului de Miniștri al republicii cu rugămintea de a primi o hotărâre pentru a transmite casa de copii nr. 1 din Chișinău Ministerului culturii ca să organizeze în ea un internat pentru copii cu talent muzical, aleși din raioanele și satele Moldovei²⁶. În curând, casa de copii nr. 1 din capitală a fost completată cu elevi din orfelinatele republicii²⁷. Afară de aceasta, în anul de studii 1954/55 pe lângă școala de muzică s-a deschis un cămin pentru 60 de persoane²⁸.

În legătură cu deschiderea grupelor moldovenești și organizarea instruirii în ele în limba maternă au fost create clase paralele cu instruirea în limbile moldovenească și rusă. Până în anul de studii 1954/55 în școala de muzică cadrele naționale se pregăteau numai în limba rusă.

Organizarea pe lângă școală a internatului a contribuit într-o oarecare măsură la creșterea numărului de copii moldoveni. Dar aici nu s-au creat condiții normale de trai și instruire pentru elevi. Astfel de condiții nu existau nici în casa de copii. Printre educatori nu era nici un specialist în domeniul muzicii. Copiilor nu li se acorda ajutorul necesar, de aceea mulți elevi nu reușeau la învățătură.

În anul 1959 în scopul îmbunătățirii pregătirii cadrelor calificate de muzicanți din rândurile populației băștinașe și a atragerii la învățătură a copiilor talentați din satele și raioanele republicii, Ministerul culturii i-a propus Consiliului de Miniștri al republicii un proiect de reorganizare a școlii medii de muzică din Chișinău în școală medie specială internat de muzică²⁹. Acest proiect a fost aprobat de guvern peste șapte ani (4 iunie 1966). La 1 februarie anul 1967 în conformitate cu hotărârea Consiliului de Miniștri al R.S.S.M. din 4 iunie anul 1966 a fost emis un ordin al Ministerului culturii al republicii de a organiza de la 1 septembrie, pe baza școlii medii speciale «E. Coca»³⁰, internatului de pe lângă școală și casei de copii, școala medie specială internat de muzică «E. Coca»³¹.

În primii ani de după război școala de muzică activa în condiții foarte grele. Fondul de clase fiind foarte mic, lecțiile se petreceau în trei schimburi. Lipsa o sală specială de concerte, multe instrumente muzicale nu puteau fi folosite în procesul de studii. Condițiile de muncă în școală s-au schimbat simțitor în anul 1963, odată cu trecerea școlii într-o clădire nouă, construită după un proiect-tip pentru școlile de învățământ general³².

În școală s-a constituit un colectiv solid de lectori. În anul de studii 1963/64 colectivul pedagogic al școlii s-a mărit aproape de patru ori în comparație cu primul an de după război³³. A crescut simțitor nivelul profesional și instructiv al lectorilor. În anul 1964 77,8% din ei aveau studii superioare³⁴. Cu toate acestea, e necesar, to-

tuși, de remarcat, că greutatea specifică a lectorilor disciplinelor speciale, care n-aveau studii superioare speciale, continua să fie înaltă.

Deși școala era destinată pentru a pregăti cadre naționale, pe tot parcursul istoriei ei în colectivul de lectori au muncit foarte puțini specialiști moldoveni. Timp de douăzeci de ani, din 1945 pînă în 1964, numărul lectorilor moldoveni s-a mărit cu 10% și, astfel, în anul de studii 1963/64 din cei 90 de lectori numai 10 erau moldoveni³⁵.

Baza materială slabă, lipsa îndelungată a căminului, asigurarea insuficientă cu cadre naționale constituiau o mare piedică în calea realizării sarcinii principale: pregătirea cadrelor naționale. În această direcție școala de muzică a obținut succese destul de modeste. În anul de studii 1950/51 copiii de moldoveni alcătuiau numai 1/3 din elevii școlii³⁶. Către începutul anilor '60 numărul lor puțin s-a mărit și în anul de studii 1964/65 copiii moldoveni constituiau 51,4% din elevii școlii³⁷.

Majoritatea elevilor de naționalitate băștinașă veneau în capitală din localitățile satești și trăiau în cămin. Aici lipseau condițiile necesare pentru munca independentă și nu se efectua un control convenit asupra pregătirii lor către lecții deoarece nu ajungeau educatori pregătiți special. Mai mult decît atît, elevii erau deseori nevoiți să se folosească de instrumente muzicale neacordate și defectate.

În anul 1964 în școala de muzică a fost efectuat un control, drept rezultat al căruia s-a constatat, că elevii din internat, de regulă, erau repartizați la lectorii de o calificare mai joasă și care nu le atribuiau atenția cuvenită³⁸. Din cauza organizării slabe a examenelor de admitere în școală și a lipsei de atenție față de elevii din cămin, deseori copiii de naționalitate moldovenească, primiți la început în clasele de pian, vioară, erau pe parcursul studiilor transferați la alte specialități. Mulți copii după cîțiva ani de studii erau considerați profesional incapabili de a continua învățătura, fiind eliminați din școală.

Greutățile enumerate mai sus influențau serios și asupra componenței sociale a elevilor. Majoritatea lor o constituiau copiii funcționarilor. Ce e drept, cu timpul greutatea specifică a acestei categorii de copii s-a micșorat într-o oarecare măsură — din 1952 pînă în 1972 — cu 13,6%³⁹. Astfel în anul de studii 1972/73 copiii muncitorilor și ai colhoznicilor alcătuiau 44,9% din elevii școlii medii de muzică⁴⁰.

În anul de studii 1947/48 a avut loc prima promoție a școlii — 4 absolvenți, în anul următor școala au terminat-o 14 persoane⁴¹. Timp de douăzeci de ani de după război au absolvit școala 228 de elevi. Majoritatea lor au devenit studenți ai Conservatorului de stat din Chișinău și ai instituțiilor superioare de învățămînt muzicale din alte republici⁴². Absolvenții moldoveni alcătuiau 39,9%, cea mai mare parte dintre ei au absolvit clasele de instrumente de suflat și norodnice și foarte puțini specialitățile de pian și vioară⁴³. În anul 1956 din cei zece absolvenți ai școlii, care au devenit studenți ai Conservatorului, numai doi erau de naționalitate moldoveni, în anul următor — de asemenea numai doi⁴⁴.

În perioada studiată numărul relativ mic al școlilor de muzică și de arte plastice, concentrarea lor în orașe și centre raionale nu permitea de a descoperi mulți copii talentați din satele republicii. Unii copii n-aveau posibilitate să învețe în aceste școli din cauza situației materiale grele a părinților. Foarte săracă era și baza tehnică și materială a școlilor, elevii nu erau asigurați la nivel cu instrumente muzicale moderne și cu alte materiale necesare.

Școlile de muzică și de arte dădeau lipsă de specialiști de înaltă calificare, mai ales, de specialiști pentru predarea disciplinelor în limba moldovenească. Aceste greutăți nu permiteau să se creeze o rețea ramificată de școli de arte cu filiale în cele mai îndepărtate colțuri ale republicii. Lipsea, de asemenea, o școală republicană-internat de arte plastice, unde, paralel cu obiectele de cultură generală, s-ar fi studiat bazele artelor plastice. Această situație se răsfrîngea negativ și asupra activității instituțiilor de învățămînt mediu special și superior de cultură și arte. Ele nu erau asigurate suficient cu abiturienți bine pregătiți, mai cu seamă din localitățile satești și de naționalitate moldovenească.

Cu toate acestea, anii 1945—1965 constituie o etapă foarte însemnată în constituirea și dezvoltarea școlilor de muzică și de arte plastice. Colectivele de pedagogi ale acestor școli înfăptuiau o mare muncă în vederea organizării procesului instructiv, se străduiau să le dea copiilor cunoștințe generale muzicale și artistice, să-i familiarizeze cu arta, să le educe gustul estetic. Mulți absolvenți au devenit propagandiști activi ai artelor muzicale și plastice în școlile de cultură generală, conducători și membri ai colectivelor artistice de amatori.

Școlile de muzică și de arte plastice au jucat un rol important în pregătirea viitorilor specialiști în cultură și artă, în educația estetică a tinerei generații, de care depinde în ultimă instanță progresul muzicii, artei.

NOTE

¹ Народное образование, наука и культура в Молдавской ССР. — Кишинев, 1986. С. 44.

² A.C.S. a R.S.S.M., f. 2848, inv. 2, un. de p. 10, f. 44.

³ A.C.S. a R.S.S.M. f. 3011, inv. 3, un. de p. 101, f. 12.

⁴ Tot acolo, un. de p. 210, f. 45.

- ⁵ Tot acolo, f. 51.
- ⁶ Tot acolo, f. 2848, inv. 2, un. de p. 10, f. 44; f. 3011, inv. 3, un. de p. 210, f. 51.
- ⁷ Tot acolo, f. 3011, inv. 7, un. de p. 134, f. 31, 76, inv. 7, un. de p. 80, f. 153.
- ⁸ Arhiva curentă a Ministerului culturii al R.S.S.M., inv. 11, un. de p. 611, f. 15.
- ⁹ A.C.S. a R.S.S.M. f. 3011, inv. 3, un. de p. 210, f. 52.
- ¹⁰ Tot acolo, un. de p. 80, f. 183.
- ¹¹ Tot acolo.
- ¹² A.C.S. a R.S.S.M., f. 3011, inv. 3, un. de p. 80, f. 26; un. de p. 180, f. 2.
- ¹³ Tot acolo, inv. 3, un. de p. 179, f. 137.
- ¹⁴ Tot acolo, f. 138.
- ¹⁵ A.C.S. a R.S.S.M., f. 3011, inv. 3, un. de p. 101, f. 12.
- ¹⁶ Tot acolo, un. de p. 233, f. 24.
- ¹⁷ A.C.S. a R.S.S.M. f. 3011, inv. 3, un. de p. 181, f. 194.
- ¹⁸ Tot acolo, un. de p. 166, f. 3; un. de p. 186, f. 3.
- ¹⁹ A.C.S. a R.S.S.M., f. 3011, inv. 3, un. de p. 166, f. 3; un. de p. 186, f. 3.
- ²⁰ Tot acolo, un. de p. 64, f. 170.
- ²¹ Tot acolo, f. 178.
- ²² A.C.S. a R.S.S.M., f. 2848, inv. 2, un. de p. 10, f. 45.
- ²³ Федько З. А., Петровская Н. Б. Интеллигенция Молдавской ССР (1940—1975). — Кишинев: Штиинца, 1979. С. 16.
- ²⁴ A.C.S. a R.S.S.M. f. 3011, inv. 3, un. de p. 186, f. 3.
- ²⁵ A.S.S. a R.S.S.M. f. 3011, inv. 7, un. de p. 15, f. 95.
- ²⁶ Tot acolo, un. de p. 15, f. 95.
- ²⁷ Tot acolo, inv. 3, un. de p. 17, f. 109.
- ²⁸ A.C.S. a R.S.S.M., f. 3011, inv. 3, un. de p. 17, f. 109.
- ²⁹ Tot acolo, un. de p. 86, f. 82—83.
- ³⁰ Titlul „E. Coca” școlii i s-a conferit în anul 1966 în legătură cu jubileul de 25 de ani de la înființarea ei. (Tot acolo, un. de p. 234, f. 14.)
- ³¹ A.C.S. a R.S.S.M., f. 3011, inv. 7, un. de p. 452, f. 68.
- ³² Tot acolo, inv. 10, un. de p. 685, f. 15.
- ³³ Tot acolo, f. 3050, inv. 1a, un. de p. 1, f. 4—5; f. 3011, inv. 3 un. de p. 174, f. 55.
- ³⁴ Tot acolo, f. 3011, inv. 3, un. de p. 174; f. 55.
- ³⁵ Tot acolo, f. 2848, inv. 2, un. de p. 10, f. 45; f. 3011, inv. 3, un. de p. 174, f. 55.
- ³⁶ A.C.S. a R.S.S.M., f. 3139, inv. 1, un. de p. 26, f. 18.
- ³⁷ Tot acolo, un. de p. 168, f. 24.
- ³⁸ Tot acolo, f. 3011, inv. 3, un. de p. 181, f. 15.
- ³⁹ A.C.S. a R.S.S.M., f. 3139, inv. 1, un. de p. 23, f. 1; f. 3011, inv. 10, un. de p. 685, f. 14.
- ⁴⁰ Tot acolo, inv. 10, un. de p. 685, f. 14.
- ⁴¹ Tot acolo, f. 3011, inv. 3, un. de p. 235, f. 60.
- ⁴² Tot acolo, f. 3139, inv. 1, un. de p. 168, f. 23.
- ⁴³ Tot acolo.
- ⁴⁴ Tot acolo, f. 3050, inv. 1, un. de p. 324, f. 6; un. de p. 331, f. 387.

PLAI NATAL КРАЕВЕДЕНИЕ

Ion Gr. Chirtoagă

DIN ISTORIA UNUI SAT DIN SUDUL MOLDOVEI

În perioada actuală de trezire a conștiinței naționale interesul față de trecutul îndepărtat al plaiului e imens. Nimeni nu e indiferent față de istoria neamului său, de faptele de eroism ale strămoșilor, care i-au acoperit de glorie, de evenimentele pline de dramatism, ce au avut loc în localitățile unde trăiesc.

Harta Moldovei în prezent e împânzită de o mulțime de sate a căror apariție e legată de anumite împrejurări, evenimente. Își au istoria lor și satele de pe cursul inferior al Nistrului, multe dintre care au fost întemeiate în vremurile de restriște, când această parte a Țării Moldovei era supusă invaziilor turco-tătare.

În cele ce urmează ne vom referi la unele momente din istoria satului Slobozia din actualul raion Ștefan Vodă, apariția căruia se pierde în negura timpurilor.

Către mijlocul secolului al XVI-lea un șir de sate ale Moldovei de pe cursul inferior al Nistrului au căzut sub dominația osmană. Administrației turcești instaurate în Acherman pe la anul 1484, i se supuneau unele localități moldovenesti de pe malul fluviului care se întindeau pînă la localitatea Purcari, iar celei din Tighina, rebotezată în 1538 de către osmani în Bender, — pămînturile dintre cursurile inferioare ale Bîcului și Botnei și un sat de pe malul drept al Botnei — Chițcani.¹

Între cele două circumscripții administrativ-teritoriale osmane, menționate mai sus, se găseau cîteva sate moldovenesti, ce se aflau sub stăpînirea domnitorului Țării Moldovei și erau conduse de reprezentantul său pe teren — pîrcălabul din Cioburciu. Așezarea reușită a acestor sate în imediata apropiere a trecătoarelor peste Nistru de la Palanca și Bender permitea să fie curmate tentativele popoarelor nomade tiurcice de dincolo de Nistru de a se strecura în stepa puțin locuită a Bugeacului. Fără rezultat s-au terminat, bunăoară, încercările nohaiilor de a pătrunde pe teritoriul Moldovei în anii 1560 și 1568².

Totuși, invaziile nohaiilor n-au putut fi oprite. În anul 1595, după cum scrie Miron Costin, localitățile moldovenesti au fost acaparate de către hanul din Crimeia și astfel țara a pierdut controlul asupra intrării în Bugeac din partea lui de răsărit³. Mai tîrziu în stepa Bugeacului treptat s-au stabilit cu traiul cîteva mii de familii de nohai, care au ocupat terenuri imense de pămînt pentru a-și crește turmele numeroase de vite.

La începutul secolului al XVIII-lea nohail sub influența populației moldovenesti încep să treacă la viața sedentară, să deprindă unele metode de prelucrare a pămîntului⁴. Acum ei nu mai aveau nevoie de așa de mult pămînt și pe terenurile eliberate, rămase a nimănui, se așteau familii de moldoveni, venite din Moldova și din raiale vecine turcești. Cei veniți, de obicei, erau eliberați timp de cîteva ani de impozite. Satele înființate uneori căpătau numirea corespunzătoare de «slobozii», adică localități scutite temporar de impozite. De aici provine și denumirea Slobozia Hanului, fapt confirmat de un șir de documente.

Prima mențiune documentară despre acest sat datează din anul 1738. Pe o hartă rusă, care se păstrează în Arhiva centrală istorico-militară de Stat din Moscova, printre denumirile de localități «Leonti», «Olănești», «Palanca», «Parcara» găsim și «Slobozia»⁵.

Date despre această localitate întîlnim și în documentele din timpul războaielor ruso-turce din a doua jumătate a sec. XVIII și începutul sec. XIX. Într-un raport adresat comandantului rus I. A. Corret de către un subaltern de al său la 21 octombrie 1770 împreună cu alte localități din ținut este menționat și satul Slobozia⁶. O informație mai bogată referitor la localitatea în cauză atestăm în raportul adresat aceluiași ofițer rus la 20 aprilie 1774⁷. Din el aflăm, că la acea dată Slobozia, comparativ cu satele vechi din lunca Nistrului: Cioburciu, Copanca și, mai ales, Talmaz, care se socoteau destul de dezvoltate, în unele privințe rămînea în urma acestora.

În documentele ajunse pînă la noi găsim date și referitor la componența locuitorilor satului, ocupațiile lor. Aici la 1774 trăiau 15 «volohi», adică moldoveni, și doi țigani care aveau vîrsta de la 15 pînă la 50 ani și puteau fi antrenați la diferite munci în armata rusă, de asemenea și 14 moldoveni în vîrstă pînă la 15 și peste 50 ani — copii și bătrîni inapți pentru muncile de corvoadă. De menționat, că situația popula-

ției masculine nu se schimbaseră cu nimic, ea, ca și în perioada dominației turco-tătare, trebuia în mod obligator să îndeplinească un anumit volum de muncă la stat.

Primejdia permanentă care îi păstrea pe băștinași din partea nohailor a determinat și modul lor de trai. Cele șaisprezece familii din cătun locuiau în două case și 14 bordeie. Aceasta ne vorbește nu numai despre un nivel scăzut de viață, dar și de instabilitatea politică de atunci. Locuințele sărăcăcioase erau mai rar atacate de către nohai. În sat erau 14 cai (câte unul la o familie de moldoveni), folosiți la unele lucrări de câmp, la păscutul ovinelor și pentru a scăpa de turci și nohai în caz de atac neașteptat din partea lor.

După numărul redus de animale de tracțiune putem să constatăm că suprafețele însămânțate ale localnicilor erau puține. Pe timpul celui în Moldova la aratul pământului se folosea plugul, la care se înjugau câteva perechi de boi⁸. Prin urmare ocupația de bază a populației era creșterea oilor.

După terminarea războiului ruso-turc din 1768—1774 pământurile pe care le stăpînea hanul Crimeii în Bugeac au trecut în proprietatea Imperiului Osman. O mare parte din tătarii și nohaili, care fugiseră de aici în timpul războiului, s-a întors înapoi, însă, agresivitatea lor față de moldoveni nu mai era așa de mare, probabil, din cauza că nu mai simțeau spriginul hanului Crimeii. Populația așezărilor moldovenești creștea atît pe cale naturală, cît și pe contul celor, ce veneau din alte părți ale Moldovei. Către anul 1807 în «Slobozia-Hanesi», cum figurează el în documentele turcești, locuiau 30 de familii,⁹ iar peste 5 ani—deja 49 familii¹⁰, fiind socotit pe timpul acela un sat de mărime medie.

Printre ocupațiile localnicilor, legate de gospodărie, vităritul continua să ocupe un loc de frunte. La păscutul vitelor, mai ales, a oilor, tot mai des erau năimiți oameni care se așezau cu traiul aici. Bunăoară, în 1807 au fost năimiți la acest lucru: Dementii Cioban, Ilie Cioban ș. a.¹¹ Dar creștea și interesul față de alte ocupații, în special, față de lucrările agricole. În anul 1807 sătenii aveau de acum «12 livezi» (autorii documentelor ruse din timpul celui năumeau livezi și viile, puțin cunoscute la ei în patrie). Pe moșia satului se mai aflau și două iazuri cu pește.

În sat mai era și un rotar, ce se ocupa cu confecționarea roților, căruțelor, trăiau și cîteva familii de țigani, care se îndeletniceau cu prelucrarea fierului. Ei în mare parte asigurau locuitorii satului cu unelte agricole și alte obiecte necesare pentru gospodărie.

Sătenii îndeplineau diferite prestații feudale. Din produsele agricole și piscicole ei plăteau zeciuiala, deseori fiind achitată și în bani. Spre exemplu, pentru cele «12 livezi» trebuiau să plătească 300 lei. Tot această sumă o plăteau sătenii și pentru că se foloseau de cele două iazuri. Un impozit aparte îl constituia haraciul, la care erau impuși capii de familie, împărțiți în trei categorii. Din prima categorie făceau parte contribuabili bogați, mai ales, negustorii, care, de obicei, trăiau în orașe. La 1812 în Slobozia se numărau 15 contribuabili de categorie a doua și 30—de categoria a treia. Plus la aceasta, în sat mai erau 4 familii de fețe bisericești, ce plăteau impozite pe linia duhovnicească și nu intrau în numărul contribuabililor mireni.

Astfel pe parcursul unui secol cătunul numit în popor Slobozia Hanului, în pofida vicisitudinilor timpului, s-a constituit ca o localitate de mărime medie, locuitorii căreia aveau ocupații rurale diverse.

NOTE

- ¹ Киртоагэ И. Г. Административно-территориальное деление юга Днестровско-Прутского междуречья под турецким владычеством в XVI-первой половине XVII в.— Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма.— Кишинев, 1988. С. 75, 77.
- ² Catalogul documentelor turcești. Vol. II. Buc., 1935. P. 27; Călători străini despre țările române. Vol. II. Buc., 1970. P. 392.
- ³ Костин М. Летописецул Цэрий Молдовей де ла Аарон-водэ ыькоаче.— Кишинэу, 1972. П. 75.
- ⁴ История народного хозяйства Молдавской ССР с древнейших времен до 1812 г.— Кишинев, 1976. С. 410.
- ⁵ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 1612.
- ⁶ ЦГАДА. Ф. 293. Оп. 1. Д. 371. Л. 325.
- ⁷ ЦГАДА. Ф. 293. Оп. 1. Д. 418. Л. 238.
- ⁸ Драгнев Д. М. Сельское хозяйство феодальной Молдавии (конец XVII—начало XIX в.).— Кишинев, 1975. С. 99.
- ⁹ Din registrul generalului Hitrovo trimis de către maiorul Sinencov generalului Prozorevski la 20 mai 1807 (ЦГВИА. Ф. 14209. Оп. 5/165. Д. 6. Л. 18).
- ¹⁰ Din registrul Divanului Țării Moldovei (ACS a R.S.S. Moldova. F. 1. R. 1. D. 3498; F. 20).
- ¹¹ Din registrul generalului Hitrovo (ЦГВИА. Ф. 14209. Оп. 5/165. Д. 6. Л. 16 об.).

С. К. Брысякин

КИШИНЕВСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ В 1918—1940 гг.

Минуло 100 лет со дня создания старейшего культурно-просветительного учреждения республики — Кишиневского краеведческого музея.

Основанный в 1889 г. по инициативе председателя Бессарабской губернской земской управы магистра зоологии А. Ф. Стурта и на его средства, усилиями главного хранителя музея Ф. Ф. Остермана¹ и его соратников, музей вскоре снискал себе широкую известность в России и за рубежом. В 1918 г. он был переименован в «Кишиневский национальный музей», в 1933 г. — передан в состав агрономического факультета Ясского университета, в 1937 г. — преобразован в областной музей естественной истории Бессарабии. Изменение статуса отрицательно сказалось на его деятельности. Но главная причина прогрессирующего ухудшения его положения заключалась в небрежении к нему властей, сокращении ими бюджета, закрытии его подразделений, приведших к свертыванию научной и просветительской деятельности этого важнейшего культурного очага края.

Так, агрогеологическая лаборатория, проводившая успешные исследования в дореволюционное время и возобновившая их в 1920 г. под руководством профессора Н. Фролова (уроженца Бессарабии, видного ученика Докучаева), в 1924 г. решением областной финансовой организации была закрыта². В этом же году были прекращены археологические исследования ввиду отказа правительства субсидировать их³. Неоднократные ходатайства об увеличении «очень небольшого бюджета» министерство неизменно отклоняло⁴. Из-за отсутствия средств на топливо здание музея не отапливалось зимой, в результате чего в 1921—1923 гг. замерзло более 600 банок с разными препаратами в формалине. Не было здесь и электричества, и поэтому музей мог принимать посетителей лишь до 18 часов⁵. Тем не менее до 1931 г., пока директором (с 1922 г.) был Н. Фролов, несмотря на трудности, небольшой коллектив музея, благодаря своему самоотверженному труду и стоицизму, вел значительную поисковую, исследовательскую и просветительскую деятельность. Недаром журнал «Вяца Басарабией» назвал этот период «наилучшим для музея»⁶.

Подлинной душой коллектива музея оставалась Альбина Иосифовна Остерман, занявшая после смерти мужа должность главного хранителя и прослужившая на этом посту до своей кончины в 1936 г.⁷ Ее заслуги были отмечены в 1920 г. медалью «За доблестный труд I класса», в 1932 г. — почетным знаком «За многолетний труд». Вместе с ней на благородном поприще трудились такие энтузиасты своего дела, как энтомолог В. Безвали (работавшая в музее с 1890 г.), химик Н. Зубковский (с 1898 г.), зоолог и палеонтолог М. Покора, агроинженер Г. Врание и др.

А. И. Остерман, будучи уже в преклонном возрасте, не получая пенсии (как уроженке Чехословакии, сохранившей ее подданство, ей даже после 40 лет непрерывной работы в музее власти отказали в пенсии), продолжала поиски неповторимых молдавских ковров, сотканных народными умельцами и орнаментированных натуральными растительными красками. Она собрала драгоценную их коллекцию, ставшую гордостью музея, создала уникальный альбом их образцов, успешно вела этнографические исследования. Ею была организована мастерская по изготовлению учебных наглядных пособий (муляжей, гербариев, диаграмм, препаратов), которые она бесплатно передавала гимназиям и лицам Кишинева, агрономическому факультету Ясского университета⁸.

Небольшая группа сотрудников во главе с профессором Н. Фроловым изучала почвы и подземные воды края, вела картографические и ботанические исследования. Некоторые их результаты передавались «Сельскохозяйственной палате» и другим учреждениям⁹. В 1926—1929 гг. регулярно выходил «Buletinul agricol din Basarabia», в котором публиковались труды сотрудников музея по природоведению края (затем он издавался лишь sporadически). В 1929 г. Н. Фролов опубликовал монографию «Подземные воды Бессарабии», а спустя год в Германии вышел на немецком языке его труд «Третичные отложения Бессарабии». Под его руководством была создана большая коллекция монолитов почв, составлена почвенная карта края.

Энтомологи В. Безвали и И. Пагосский составили в 1930 г. «Каталог бессарабских бабочек» с алфавитным указателем всех видов и родов. Труды сотрудников музея пользовались популярностью за рубежом. В 1932 г. Британский исторический и Венский музеи запросили полный комплект бюллетеня Кишиневского национального музея¹⁰. Сотрудники последнего вели значительную популяризаторско-просветительскую работу среди посетителей: читали лекции по биологии, энтомологии, ботанике, агрономии, метеорологии и др.¹¹

Кишиневский национальный музей получал посильную поддержку от бессарабской общественности. Так, известная общественная деятельница Юлия Александровна Квятковская, дружившая с А. И. Остерман, завещала музею 10 тыс. лей. Но после 1931 г. и без того нелегкое положение этого старейшего культурного заведения стало быстро ухудшаться. Бюджетные ассигнования постоянно сокращались. Администрация часто не имела средств, чтобы внести плату за воду, свет, топливо, своевременно выдавать жалованье сотрудникам. Многочисленные обращения директора И. Ленши (он занял этот пост в 1932 г.) в различные инстанции об оказании музею материальной помощи были безрезультатными. Так, 30 сентября 1935 г. в письме префекту Кишиневского уезда он писал, что музей является «одним из самых нужных культурных учреждений..., но, к несчастью, его материальное положение (из-за неоднократных сокращений бюджета) очень трудное. Просим оказать музею материальную поддержку, хотя бы самую малую»¹².

В октябре того же года И. Ленши обращается к министру внутренних дел по поводу нехватки фондов для оплаты труда специалистов и рабочих; «даже садовник исключен из штата, хотя без него невозможно поддерживать в нормальном состоянии единственный в своем роде в Бессарабии ботанический сад музея». Но в просьбе вновь было отказано¹³. В ноябре того же года директор дважды обращался по этому поводу к королю. В одном из обращений он писал: «Неужели опять последует отказ и лишь потому, что руководитель музея не делает партийную политику и не хочет быть подхалимом»¹⁴.

Научная библиотека музея, насчитывавшая 3230 томов и коллекцию из 217 комплектов периодических изданий, получила в 1935—1936 гг. на содержание фонда и приобретение новой литературы всего 4,5 тыс. лей¹⁵. К тому же кишиневская почта не выдавала присланную в адрес музея из Киева научную литературу. Обращение по этому поводу к министру внутренних дел оказалось безрезультатным¹⁶. В 1937 г. дирекция четырежды обращалась в министерство по поводу срочного ремонта здания, которое находилось «в катастрофическом состоянии» (появились трещины, протекали потолки и т. п.), — результаты те же¹⁷.

Инициативы коллектива музея либо не поддерживались, либо игнорировались. Так, созданная под председательством директора музея Комиссия по охране природы Бессарабии обратилась к министру сельского хозяйства с предложением о создании парка при музее и выделении средств для проведения исследований, охраны лесных богатств края и памятников природы, однако помощи оказано не было¹⁸. Дирек-

тор ходатайствовал об организации при музее питомника, столь необходимого для улучшения виноградарства и садоводства в крае, но и на этот раз средства не были предоставлены¹⁹.

Журнал «Вяца Басарабией» был совершенно прав, когда пришел к горькому заключению: «Ниоткуда никакой поддержки от властей не получал... Научный персонал музея с 1933 г. не получает никакой материальной помощи для поисковых работ и научных исследований в крае и даже не способен приобрести хотя бы одну книгу по специальности и даже самую простую и дешевую аппаратуру»²⁰.

И все же, несмотря на столь тяжелое положение этого старейшего культурно-просветительного учреждения Бессарабии, мы с полным основанием и с уважением можем говорить о полезной его деятельности в 20—30 гг. Это было единственное в крае учреждение, которое в столь нелегкое для него время продолжало изучать природу, археологию и этнографию Бессарабии. Поскольку здесь не было научно-исследовательских учреждений, научную деятельность музея трудно переоценить. Его коллектив вел благородную просветительскую работу, популяризируя и распространяя знания по природоведению и истории края.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В связи с кончиной Ф. Ф. Остермана в 1905 г. А. Р. Стюарт говорил о нем: „Он был не только опытным сотрудником, но и идеальным природоведом... его талант и трудоспособность были поразительны“ (Viața Basarabiei. 1936. N 11—12. P. 82).

² ЦГА МССР. Ф. 20111. Оп. 1. Д. 8. Л. 193—195.

³ Там же. Д. 12. Л. 347.

⁴ Там же. Л. 532.

⁵ Там же. Д. 5. Л. 24; Д. 12. Л. 60.

⁶ Viața Basarabiei. 1939. N 9—10. P. 91.

⁷ В статье „Несколько героических страниц из прошлого Кишиневского национального музея“, посвященной ее памяти, Г. Врабие с большой теплотой писал: „Альбина Иосифовна и ее муж все свои силы и знания отдали музею, он по праву их детище...“ (Viața Basarabiei. 1936. № 11—12. P. 90).

⁸ Viața Basarabiei. 1936. № 11—12. P. 85, 86; ЦГА МССР. Ф. 20111. Оп. 1. Д. 5. Л. 17, 45.

⁹ ЦГА МССР. Д. 12. Л. 121; Д. 21. Л. 79, 89, 90.

¹⁰ Там же. Ф. 20111. Оп. 1. Д. 21. 93, 125.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Д. 30. Л. 90.

¹³ Там же. Л. 80, 84.

¹⁴ Там же. Л. 128—130; Штатная единица садовника была, по-видимому, позже возвращена, так как в 1939 г. в штате музея числился садовник (Viața Basarabiei. 1939. № 9—10. P. 92).

¹⁵ ЦГА МССР. Ф. 20111. Оп. 1. Д. 36. Л. 173.

¹⁶ Там же. Д. 30. Л. 103, 104.

¹⁷ Там же. Д. 36. Л. 264, 270—272, 430, 341.

¹⁸ Там же. Д. 13. Л. 59, 81.

¹⁹ Там же. Л. 83.

²⁰ Viața Basarabiei. 1939. № 9—10. P. 91—92.

VIAȚA ȘTIINȚIFICĂ

Г. В. Гонца, Н. Д. Руссев

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И ИНОЗЕМНОЕ ГОСПОДСТВО.

„Круглый стол“ ставит проблему

Научный совет по проблеме «Закономерности исторического развития и смены общественно-экономических формаций в Молдове (досоветский период)» провел 12 июня 1990 г. на базе Института истории АН ССР Молдова встречу за круглым столом, в которой приняли участие многие медиевисты республики. На этот раз в центре внимания была тема «Сравнительно-исторические параллели в изучении влияния иноземного господства на социально-экономическую и политическую жизнь обществ (на материалах Молдовы и России периода турецкого и татарского владычества)». С сообщениями выступили научные сотрудники Г. В. Гонца и Н. Д. Руссев.

Для дискуссии были представлены материалы, отражающие разнохарактерные источники по проблеме и широкий спектр взглядов, сложившихся к настоящему времени в отечественной и зарубежной исторической науке. В ходе оживленного обмена мнениями (Н. Д. Руссев, А. И. Ешану, В. И. Ткач, П. С. Кокырлэ, Г. Е. Бобынэ, П. В. Советов, И. Г. Киртоагэ, Д. М. Драгнев, Г. В. Гонца и др.) были выявлены интересные позиции. Некоторые из них сходны относительно воздействия иноземного господства на процессы общественного развития в Молдове и России, другие — резко отличаются. По третьим, как стало ясно теперь, необходимы специальные исследования, поскольку уровень современных знаний не позволяет однозначно толковать отдельные явления и процессы. Некоторые обсуждавшиеся вопросы представляют большой научный интерес, поэтому попытаемся коротко изложить их.

В историографии существуют разнообразные, порой полярные, точки зрения на роль татаро-монгольского и османского господства в Восточной и Юго-Восточной Европе. Результаты исследований историков разных стран дают основание ставить вопрос об общих и особенных моментах в воздействии иноземного господства на экономическую и политическую жизнь завоеванных стран. При сопоставлении владычества Орды и Порты это тем более оправдано, что оба государства могут быть характеризованы как «военно-феодальные» и поэтому объединяются общим явлением, известным в науке как «восточный деспотизм». Очевидным является и общность исторической судьбы Молдовы и Руси, подвергшихся в течение столетий двойной системе государственной эксплуатации: своего государства, Османской империи и Орды.

Современные исследователи не сомневаются в том, что властвование Орды и Порты изменялось и по форме, и по содержанию в системе координат «пространство—время». Вместе с тем необходимость дифференцированного подхода в конкретно-исторических разработках сильно сдерживается отсутствием четкой научной терминологии. Традиционные термины малоприемлемы, поскольку либо несут образно-эмоциональную окраску («иго», «гнет»), либо не отличаются определенностью («господство», «владычество»). Кроме того, их длительное использование породило определенные перекосы, когда факты подбираются под уже известные понятия. Выход из создавшегося положения видится в постепенной (по мере отработки отдельных частных аспектов и всей системы отношений зависимости) кристаллизации нового терминологического фонда проблемы и замены им старого.

При анализе материалов исторических источников дискутирующие подчеркивали многообразие данных, позволяющих сближать османское господство в Молдове с ордынским — на Руси. И в том, и в другом случае подчиненные страны несли множество аналогичных повинностей в пользу завоевателей. Среди таковых — большое число официальных и неофициальных платежей (торговая, гостевая и другие пошлины; сборы прибывшему послу для подкупов чиновников; плата при восшествии на престол и пр.), участие в военных экспедициях. Но и в перечисленных повинностях имеются отличия. К примеру, за ярлык князь должен был платить хану из собственных средств.

Некоторые ученые отмечают, что дань, выплачивавшаяся и султану, и хану, была относительно небольшой, однако нельзя не учесть, что бесчисленные преподношения всевозможным чиновникам часто суммарно превышали объем дани и других официальных платежей. Это была еще одна полуофициальная система поборов, которая тяжким бременем легла на плечи подневольного простолудья. Регулярная выплата едва ли не узаконенных подарков-взятки стала характерной способом государственной эксплуатации в период зависимости Молдовы и Руси от Османской империи

и Золотой Орды. Недаром русская летопись отмечает, что «доискиваться ярлыка — потратить только деньги»¹.

Проблема возможного юридического оформления отношений зависимости Молдовы от Османской империи — одна из наиболее дискуссионных. В ходе работы «круглого стола» подчеркивалось, что до сих пор убедительных документальных свидетельств, доказывающих существование так называемых «капитуляций» в виде юридических договоров, не найдено. Вместе с тем механизм для регулирования отношений, по-видимому, существовал и, как отмечено в историографии в последнее время, он основывался на древнем молдавско-османском соглашении, выданном в одностороннем порядке, в виде милости молдавскому господарю султаном². Надо полагать, что вначале это было ахдname (ahd-name) — акты, выпускаемые тогда турецкой канцелярией.

Султанские фирманы в дальнейшем достаточно подробно фиксировали права и обязанности вступавшего на трон господаря, юридически закрепляя тем самым его status quo. При этом заинтересованной в фиксации своего положения больше всего могла быть слабая сторона, стремившаяся хоть как-то ограничить произвол османов. Следует учесть, что и Порты была заинтересована сохранить из политических и экономических соображений государственную автономию Молдовы. Поскольку большинство молдавских господарей и бояр добивались сохранения неоднократно урезаемой автономии, Порты постоянно взамен предоставляемых гарантий повышала размеры податей.

Предметом спора участников «круглого стола» стал характер зависимости Молдавского княжества от Османской империи. В некоторых исследованиях последних лет все чаще пишут о Молдове как государстве, вассальном султану. В ходе дискуссии многие из присутствующих пришли к выводу, что Молдову и после 1538 г. действительно связывала с Турцией вассальная зависимость. При этом особняком стоит фанариотский период, когда вассалитет страны, будучи деформированным, стал иллюзорным. С доводами о вассальной зависимости княжества от турок перекликается поставленный медиевистами вопрос об особой природе отношений русских княжеств с Ордой.

Историки констатировали и немало различий, определяемых фазами общественного развития, достигнутыми Молдовой и Русью накануне иноземного завоевания. Молдова была единым организмом, продолжавшим существовать под владычеством Порты, несмотря на серьезные деформации, вплоть до нового времени. Что касается русских княжеств, то татаро-монголы завоевали их в период феодальной раздробленности, после чего возникло совершенно новое государство «колыбелью Московии было кровавое болото монгольского рабства»³.

Между тем военно-политическое давление, обеспечивавшее в обоих случаях эффективную эксплуатацию сходными средствами — от угроз и подогревания внутренних противоречий до прямых вторжений, — опять обнаружило схожесть. Вроде того, как в Днестровско-Дунайских землях турки создавали райи, инкорпорировав стратегически наиболее выгодные районы, на Руси золотоордынцы осваивали отдельные районы, превращая их в опоры для жестокого контроля над зависимыми территориями⁴. В этом, как и во многом другом, проявляется единородство «восточного деспотизма» османского и ордынского замеса, оставившего пожизненные меты в истории народов Молдовы и России.

Дискуссия в некоторой степени пролила свет на методологические посылки исследования проблемы. Участники встречи высказались в пользу объективного освещения вопроса и целесообразности преодоления сугубо оценочных суждений, особенно крайних. Формирование действительно научной концепции должно опираться на понимание иноземного завоевания и последовавшего господства как процесса, развитие которого привело к ликвидации старых связей и отношений со всеми их позитивными и негативными тенденциями и возникновению новых, обладавших потенциалом разнонаправленных зарядов. Какие из этих возможностей развития возобладали в реальной исторической обстановке и почему их следует решать уже при непосредственном исследовании?

При обсуждении обращалось внимание на то, что становление феодального княжества Молдова, равно как и Русского централизованного государства, находилось в тесной взаимосвязи с деятельностью Золотой Орды. Указывалось на превращение многих районов Европы в условиях татаро-монгольского и османского господства в своеобразные мосты между Западом и Востоком. Такое положение, характерное для Молдовы и значительной части русских княжеств, не замедлило сказаться на местных социально-экономических и идейно-политических структурах. Они несут отпечатки влияния и борьбы двух миров. Эти разноплановые, порой острые контакты и даже столкновения, думается, неизбежно вызывали сильнейшие потрясения общества, всегда болезненно реагировавшего на попытку переориентации его развития извне. В итоге экономическое, социальное и политическое движения любого общества, а Молдовы и России в частности, в прежнем направлении задерживались. Впрочем, в этом кроется и обратная сторона, проявляющая себя и свою противоположность в законе: «Кризис есть нарушение равновесия и в то же время процесс перехода к некоторому новому равновесию»⁵.

Участники «круглого стола» были единодушны в том, что сегодня перед историками России и Молдовы возникают вопросы, казавшиеся прежде решенными или несущественными, а ныне ставшие ключевыми для медиевистики. Речь идет об осо-

бой природе отношений русских княжеств с Ордой и Молдовы с Османской империей, роли отдельных институтов, в частности церкви, в формировании антиордынской и антиосманской коалиции, времени создания и функционирования книжной исторической формулы татарского и османского ига, об особенностях освободительной борьбы в русских княжествах и Молдове и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Соловьев С. М. Соч. Кн. II. М., 1988. С. 256.
- ² Maxim M. Din nou pe urmele vechilor tratate ale Moldovei și Țării Românești cu Poarta Otomană//Revistă de istorie. T. 40, N 2. 1987. P. 157—172.
- ³ Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века//Вопросы истории. 1989. № 4. С. 5.
- ⁴ Лимонов Ю. А. Работы А. А. Зимина о Северо-Восточной Руси XIII—XIV вв. и изучение проблемы//Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII веков. Вып. 1. М., 1990. С. 157—158.
- ⁵ Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. Кн. 2. М., 1989. С. 218.

MEMORIAL МЕМОРИАЛ

Н. В. Бабилунга

ПРИГОВОРЕННЫЙ К ЗАБВЕНИЮ

Горе постучалось в дверь их дома кованым сапогом энкавэдиста 22 октября 1937 г. Только жена Раиса Павловна была свидетелем последних мгновений его свободы — обе дочери отсутствовали: Лилия отдыхала у родственников в Крыму, а маленькая Элина лежала в тираспольской больнице. Отца своего они больше не видели. Ровно через шесть месяцев и одну неделю, 29 апреля 1938 г., доцент кафедры ботаники Молдавского сельскохозяйственного института, кандидат сельскохозяйственных наук Григорий Иванович Пысларь был расстрелян в Тирасполе как «румынский шпион».

Спустя двадцать лет Р. П. Пысларь получила из военного трибунала Одесского военного округа справку о том, что «постановление от 29 апреля 1938 г. в отношении Пысларь Григория Ивановича отменено и дело о нем производством прекращено за отсутствием состава преступления». И все. Можно было бы считать, что справедливость восторжествовала, если бы была возможность на одну чашу весов положить эту справку с печатью о реабилитации, а на другую — безвинно отнятую жизнь, несуществующие планы, надежды, мечты. Не говоря уж о море слез, пролитых женой репрессированного, о маленьких сиротах, обреченных вступать в жизнь с клеймом детей «врага народа», о сломанных судьбах.

Пусть на чашу весов Справедливости будут положены и эти записки как слабая попытка рассказать о замечательном человеке, чьей-то безжалостной рукой вычеркнутом из жизни, имя которого до самого последнего времени было известно лишь считанным людям — его родственникам, ученикам, односельчанам¹. И если приговор тройки к расстрелу был отменен через двадцать лет после его исполнения, то приговор сталинщины к вечному забвению мы отменяем только сейчас, спустя более полувека после его вынесения.

Григорий Иванович Пысларь родился 9 января 1887 г. в с. Гура-Быкулуй Бендерского уезда Бессарабской губернии. Его отец, Пысларь Иван Флорович, переехал сюда вместе с матерью, двумя сестрами и двумя братьями из с. Голерканы Тираспольского уезда Херсонской губернии. В Голерканах было очень трудно с землей, а боярин Яновский, владелец Гура-Быкулуй, решил породниться с матерью Ивана Флоровича. Она стала его крестной сестрой и семья получила от боярина 10 га пахотной земли.

Иван Флорович взял в жены крестьянскую девушку Марию из с. Шарпены, которая вместе с мужем и всеми детьми — а их в семье было семеро — работала от зари до зари в поле. Марии было суждено пережить своего сына Григория. Она скончалась в возрасте 90 лет в 1944 г.

Семья Пысларь была дружной, по-крестьянски трудолюбивой. Эта черта, а также уважение к земле, радость работы на ней были присущи Григорию Ивановичу с рождения и до последнего дня. Но наличествовали и другие черты, которые выделяли его среди других крестьянских ребятшек, — любознательность, пытливість, общительность.

Об этом смышленном и очень отзывчивом парнишке, которому надо бы помочь, узнал от Яновского боярин по фамилии Немей из с. Бульбоки. И вот 12-летний Григорий поступает в Бульбокскую второклассную учительскую школу, курс которой заканчивает через четыре года и получает соответствующее свидетельство. Этот документ сохранился. В нем значится, что поселянин с. Гура-Быкулуй Григорий Иоанов Пысларь показал при отличном поведении следующие успехи: по закону Божию — очень хорошо, по церковной истории общей и русской — хорошо, по церковному пению — очень хорошо, русскому языку — очень хорошо, церковнославянскому языку — очень хорошо, отечественной истории — хорошо, географии в связи со сведениями о явлениях природы — очень хорошо, арифметике — очень хорошо, геометрическому черчению и рисованию — очень хорошо, дидактике — отлично, начальным практическим сведениям по гигиене — очень хорошо, чистописанию — очень хорошо.

Не без помощи того же боярина Немей Григорий продолжает учение в Бендерском реальном училище. Много и усердно занимается самостоятельно, приобретает книги. Четыре тома энциклопедии на русском языке, купленные Г. И. Пысларем, долгие годы хранились в доме его родителей и пропали в годы войны. Окончив училище,

он едет работать учителем в с. Гура-Галбенеи (ныне Чимишлийского района). Щедро помогает семье материально, чтобы братья Ефим и Михаил могли учиться. Здесь Г. И. Пысларь живет и работает до 1920 г., когда в его жизни происходит крутой поворот. Трудно сейчас установить, что оказало влияние на решение румынских властей, вероятно, авторитет и помощь влиятельного помещика, покровительствовавшего способному сельскому учителю. Так или иначе Григорий Иванович получает разрешение на выезд в Советскую Россию для продолжения учебы.

Пройдя рабфак в Симферополе, Г. И. Пысларь заканчивает сельхозинститут и работает агрономом в с. Горожанка Воронежского уезда. Здесь, в русском селе, он встретил свою любовь, женился, а затем выехал вместе с женой на новое место работы. В Чаирской сельскохозяйственной школе южных культур, что в Крымской области, Г. И. Пысларь преподавал с октября 1924 по август 1927 г.

Осенью 1927 г. вместе с семьей Григорий Иванович едет в Молдову. Молодая автономная республика остро нуждалась в квалифицированных высокообразованных специалистах. В вузы и на рабфаки страны из МАССР направлялись десятки, сотни учащихся и студентов, но это не решало основной проблемы — необходимость подготовки национальной интеллигенции в самой Молдове была очевидной. А молдаване с высшим образованием в те времена были, что называется, на вес золота. И Г. И. Пысларь немедленно откликнулся на приглашение приехать в Тирасполь для работы по подготовке специалистов сельского хозяйства, в которых ощущалась особая нужда. С учетом потребностей колхозов, общей направленности развития народного хозяйства в МАССР в конце 20 — начале 30-х гг. создается ряд крупных учебно-производственных центров подготовки квалифицированных кадров сельского хозяйства: Молдавская мелиоративная опытная станция, Жеребковская сельскохозяйственная опытная станция, Тираспольский сельскохозяйственный техникум, Гликистальский зооветеринарный техникум, Ананьевский полеводческий техникум, Молдавский институт плодоводства и овощеводства им. Г. И. Котовского.

Пока точно не установлено, в каких из этих центров работал Г. И. Пысларь. Известно, что учащиеся Тираспольской садово-виноградной профшколы (преобразованной в 1930 г. в техникум) выезжали на практику в Крымскую область в объединение «Крым-этифак»; не исключено, что организатором практики был именно Пысларь, тесно связанный с крымскими специалистами сельского хозяйства. По воспоминаниям близко знавших его людей известно также, что Григорий Иванович стал одним из инициаторов создания в 1928—1930 гг. оросительной системы в с. Карагаш, ставшей первой в МАССР ирригационной системой. В свободные часы Г. И. Пысларь много внимания уделял переводам специальной литературы с английского языка на русский, что при тогдашнем недостатке учебников и научной литературы не могло не иметь крайне важного значения для подготовки высококвалифицированных кадров.

В 1932 г. создается Тираспольский сельскохозяйственный институт (ТСХИ) им. И. П. Павлова, готовивший специалистов высшей квалификации для сельского хозяйства автономной республики. Г. И. Пысларь стал преподавателем ботаники этого вуза. Он был также организатором и заведующим учебным хозяйством (учхозом) при ТСХИ. Профессора и доценты сельскохозяйственного института вели глубокую научно-исследовательскую работу, сочетая ее с практическим обучением студентов передовым методам современной сельскохозяйственной науки. В январе 1936 г. за успехи, достигнутые в организации учебно-воспитательного процесса и подготовке высококвалифицированных специалистов для сельского хозяйства, а также по результатам научно-исследовательских работ, институт получил первую премию на конкурсе высших учебных заведений Украины. В письме директора института В. И. Хрипливого по этому поводу, опубликованном в журнале «Красная Бессарабия», в числе профессорско-преподавательского состава премированного института был назван и кандидат сельскохозяйственных наук, доцент Г. И. Пысларь.

Кандидатскую диссертацию Г. И. Пысларь защитил заочно в 1935 г. в Ленинградском Всесоюзном институте растениеводства (ЛВИР). Здесь, в Ленинграде, в анатомической лаборатории ВИРА проводил он исследования с августа 1934 по сентябрь 1935 г. На основании подробного изучения анатомического строения корня подвоев Г. И. Пысларь искал (сравнительным методом) отличительные особенности корня каждого вида, что позволило бы установить генетическую связь между культурными теодовыми формами и дикими родоначальными формами плодовых деревьев. Это имело огромную значимость как для теории, так и для практики растениеводства, в частности плодоводства. В своем заключении на диссертацию, данном в квалификационную комиссию ВИРА, академик В. Пашкевич указал «на важность и основательность произведенных тов. Пысларем исследований и на необходимость напечатания его работы как руководящей и побудительной для дальнейших исследований в этой почти не тронутой никем области, имеющей большое значение в практическом плодоводстве».

Научное исследование Г. И. Пысларя «Анатомическое строение корня главнейших подвоев плодовых деревьев» было издано в 1936 г. в г. Полтаве. В предисловии к монографии автор писал: «Изучение анатомического строения корня главнейших подвоев плодовых деревьев представляет лишь начало очень сложной и трудной проблемы, стоящей на очереди дня, — проблемы познания сорта плодового дерева», Г. И. Пысларь был убежден, что его работа наряду с другими методами изучения данного явления послужит составлению длинного, но генетически связанного ряда,

который разъяснит постепенное развитие плодовых форм и даст возможность установить генетическую связь между культурными и дикими плодовыми формами.

Сорокавосемилетний молдавский ученый был в самом расцвете своих творческих сил. Кандидат сельскохозяйственных наук, доцент ботаники Г. И. Пысларь подводил черту напряженной работе предыдущих лет, открывая для себя новые головокружительные перспективы научного познания мира, ища выход на фундаментальные исследования по генетике растений.

Генетика! Отдавал он себе отчет, на какой путь ступает? Видимо, да. Григорий Иванович был не новичок в науке и находился в том зрелом возрасте, когда опыт и знания помогают взвесить свои силы и, учитывая все обстоятельства, принять обдуманное и ответственное решение, выбрать трудный, но верный и смелый путь. Еще не состоялась печально известная сессия ВАСХНИЛ, еще Лысенко не разгромил Всесоюзный институт растениеводства, еще не началась «охота на ведьм» под видом борьбы с «менделизмом-вейсманизмом-морганизмом», еще не сгноили в тюрьме В. И. Вавилова, не замучили пытками и каторгой его многих учеников и соратников в крошечном аду сталинского ГУЛАГа, не объявили генетику «продажной девкой империализма». Все это еще впереди.

Но в том, что это будет впереди, сомневаться не приходилось. Уже заявил официальный философ сталинского режима М. Б. Митин на дискуссии по вопросам генетики в 1936 г.: «Здесь мы видели передовое течение в науке, мы видели передовых людей науки и видели людей отсталых, видели многих чиновников, жрецов от науки, видели людей, которые самодовольно замкнулись в скорлупу монополистов от науки...» К ретроградам и жрецам были причислены специалисты школы Вавилова, профессионалы, исследователи, а к «передовым людям науки», естественно, Лысенко, Президент и прочие неучи и погромщики. Уже Митин бросил Н. И. Вавилову: «Вам надо решительно и серьезно переоборудоваться». И Г. И. Пысларь, твердо выбрав свой путь в науке, конечно же, не мог не учитывать всего этого.

Но удар был нанесен неожиданно и резко совершенно с другой стороны. Шел к исходу 1937 г. Всеобщий психоз борьбы за повышение бдительности и разоблачения скрытых врагов народа, получивший новый импульс на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б), никак не ослабевал, набирая все новые обороты и увлекая в кровавую мясорубку сотни тысяч, миллионы честных, ни в чем не повинных людей. Среди них — и Г. И. Пысларь.

Ученому не суждено было воплотить в жизнь свои планы, осуществить намеченные исследования по генетике. Судьбе было угодно, чтобы слепые силы карательных органов репрессировали Григория Ивановича не за его труды, не за развитие генетической науки, т. е. не за действительные преступления (кто знает, не будь Пысларь расстрелян как румынский шпион, пережил бы он гонения на генетиков?), а за мнимые, являвшиеся плодом болезненной шпиономании, подозрительности и страха. Может быть, поэтому особая жестокость судьбы по отношению к ученому состоит не только в том, что ему не удалось продвинуть науку вперед настолько, насколько он мог и собирался это сделать, но и в том, что из науки было начисто вычеркнуто его имя, запрещен, предан забвению тот вклад, который он успел внести. А вклад этот немал, ибо, по оценке современных специалистов в области ботаники, монография Г. И. Пысларя, изданная в 1936 г. и запрещенная через год, не потеряла своей ценности и актуальности для соответствующей науки и по сей день².

Однако зададимся вопросом, были ли у Григория Ивановича хоть малейшие шансы пережить «годы Большого террора». Пожалуй, никаких. Человек, перешедший через Днестр, да еще чуть ли не с высочайшего повеления самого короля Фердинанда, вряд ли мог рассчитывать на индифферентное к себе отношение советских спецслужб. Тем более во времена, когда они не только «гребли» беспартийных служителей храма науки, озабоченных лишь отысканием объективной истины и распутыванием сложных загадок природы, но хватили и расстреливали даже коммунистов-подпольщиков, борцов за освобождение Бессарабии, с риском для жизни переходивших Днестр, скрываясь от преследований сигуранцы.

Шансов действительно не было никаких, к тому же вел он себя как-то странно по тем временам. Человек трудолюбивый, открытый, честный, добрый, он не тайлся, не пытался раствориться в серой массе в надежде, что не заметят, не выдернут из толпы, не посадят. Не старался он и крикнуть громче всех, во что бы то ни стало выделиться, доказать властям свою преданность, заслужить похвалу тех, кто творил тогда свое кромешное дело. Любимый студентами и коллегами, он жил по своим законам нравственности и порядочности, по высшему счету природной интеллигентности и духовности. И его не надо было учить любви к Родине, к родной природе, культуре, языку молдавского народа, о лучшей доле для которого он постоянно мечтал, будучи его частичей.

В эпоху всеобщей подозрительности его поведение в самом деле было необычным. Григорий Иванович в 30-х гг. часто приезжал в с. Бычок, что расположено на левом берегу Днестра, напротив Гура-Быкулуй, его родины. Через реку он кричал, чтобы передала его матери, всем братьям и сестрам, что он здоров, работает, хорошо живет, женат, растит двух дочерей. Однажды, рассмотрев в бинокль, что крыша его дома совсем прохудилась, Григорий Иванович решил послать матери откуда-то добытые им доллары. Но так как несколько десятков метров ширины Днестра являлись пропастью

непреодолимой, оказалось, что этим долларам легче было совершить кругосветное путешествие — они пришли к матери через США. И это в те времена, когда не только связываться, но и просто иметь родственников за границей было смертельно опасно!

Мог ли человек столь независимого характера и самостоятельного мышления не ожидать ареста со дня на день, из ночи в ночь? Что думал он о происходившем вокруг? Где брал силы, чтобы оставаться таким, каким его запомнили все — жизнерадостным, добродушным, спокойным? Как мог в этой обстановке обреченности и бравадных маршей обдумывать новые направления своих исследований, да еще связанных с генетикой? Никто не сможет ответить на эти вопросы.

Жену Григория Ивановича, преданно, до самозабвения любившую его, ни разу не допустили на свидание с ним. Единственное, что сообщили выплакавшей все глаза женщине: «Десять лет без права переписки». Теперь мы знаем, что означали эти страшные слова! А тогда Раиса Павловна еще надеялась. Она не отреклась от мужа, не вышла вторично замуж, даже будучи уволенной из тираспольской средней школы № 10, где преподавала детям химию и биологию. С огромным напряжением сил, на пределе человеческих возможностей, в нужде и бедности она растила и воспитывала двух дочерей, прививая им трудолюбие, честность и богатую духовность их отца. Только одного она пожелала для себя — быть похороненной на родине своего мужа. Раиса Павловна Пысларь покоится на сельском кладбище в с. Гура-Быкулуй, где родился и откуда вышел в большую жизнь Григорий Иванович.

Непросто складывалась жизнь у их дочерей. Лилия жила в буквальном смысле впроголодь, обучаясь в Одесском пединституте на факультете математики. А по окончании вуза дочь «врага народа» не смогла устроиться по специальности. С большим трудом ее взяли на работу учительницей математики, впоследствии — даже инспектором Цебриковского РОНО. А сколько неприятностей пришлось пережить, сколько несправедливостей, сколько горьких слез пролить дочери репрессированного.

Клеймо дочери «врага народа» несла на себе и Элина. После войны училась в Кишиневском училище виноградарства и виноделия, закончила сельскохозяйственный институт, стала агрономом. Но печать несправедливого суда незримо довлела над нею. Работая бригадиром в совхозе им. Микояна Каменского района, она добилась в 1950 г. высокого урожая винограда и стала участницей ВДНХ СССР, была награждена премией и представлена к высокой награде — ордену Ленина. Объявившаяся неведомо откуда неприметная, но многозначительная фигура сотрудника МГБ стала интересоваться ее отцом, и в инстанциях немедленно отменили награждение.

Но разве в том обида? Или в том, что в несколько строчек справка о посмертной реабилитации Г. И. Пысларя не содержала не только извинения, но даже малейшего оттенка сожаления о произошедшей трагедии?! Или в том, что никто не понес хотя бы морального наказания за это и аналогичные преступления?! Суть в другом. Приговорен к смертной казни человек. Замучен, расстрелян. Обречены на горе и страдания его родные и близкие, понесла потери наука, культура, наше общество в целом, в конечном счете — нанесен урон и самому государству. И вот, через пятьдесят с лишним лет после расстрела и тридцать с лишним лет со дня реабилитации приговор к забвению остается в силе. Государство, общество наше практически ничего не сделали для возвращения из небытия того, кто стоял у истоков становления молдавской сельскохозяйственной науки, того, кто был оклеветан и безжалостно уничтожен преступной системой сталинского тоталитаризма.

Как же много нам всем, нынешнему поколению, предстоит усилий, сколько приложить духовных, физических и нравственных сил, чтобы отменить этот страшный приговор сталинщины еще одной его жертве. Еще, еще, еще... Возвратить из небытия каждое имя из тысяч, миллионов уничтоженных и приговоренных к забвению наших сограждан, наших отцов, дедов, братьев, сестер. Вот в чем наша задача.

Примечания

¹ Автор выражает глубокую благодарность за предоставленную информацию заведующей отделом Государственного исторического музея Л. А. Репринцевой, дочерям Г. И. Пысларя — Л. Г. Кабанченко и Э. Г. Пастернак, жене его брата В. Н. Пысларь, 82-летию жителю с. Гура-Быкулуй Новоаненского района Г. Н. Антох и особенно учителю Ж. М. Хальперну, участнику Великой Отечественной войны, неутраченному, бескорыстному краеведу.

² Комиссия при президиуме АН ССРМ по установлению судеб и творческого наследия ученых и деятелей культуры, невинно пострадавших в период репрессий, предполагает переиздать книгу Г. И. Пысларя „Анатомическое строение корня главных подвоев плодовых деревьев“.

ISTORIA IN VIZIUNEA POETULUI ИСТОРИЯ ГЛАЗАМИ ПОЭТА

Наум Коржавин

СТИХОТВОРЕНИЯ

Взгляд поэта на историю... Место ли ему на страницах научного журнала? А почему бы и нет! Пора нам, историкам, блюдя — и повышая — профессиональные стандарты, отрешаться от цехового высокомерия. Физики, намного опередившие нас в смысле научной строгости, дают пример и широты взгляда. Так, например, Маркс Борн пишет, что в молодости «мне казалось, что научный метод предпочтительнее других, более субъективных способов формирования картины мира — философии, поэзии, религии... Теперь я смотрю на свою прежнюю веру в превосходство науки перед другими формами человеческого мышления и действия как на самообман...»

Однако насколько уместно появление этих стихотворений на страницах молдавского журнала? Ведь речь здесь (кроме Ленина, который — наша общая история) о собирателе русских земель, о воссоединении Украины с Россией, об исторических судьбах Латвии... Что ж, если в истории Молдовы (и шире — в истории румын) не было «подлых сердец» деятелей, чей жизненный путь под пером историков и писателей «оказался исторически прогрессивным»; если нет в нашей истории событий, которые современниками воспринимались в лучшем случае как меньшее из зол, а под теми же перьями превратились в почти абсолютное благо; если нет, наконец, у нас кладбищ, где рядом покоятся «представители разных станов» — тогда, пожалуй, что и неуместно.

А если все это было?

Публикуя — впервые в СССР — эти стихотворения Коржавина, обращаемся к поэтам Молдовы с просьбой: присылайте нам стихи на темы из национальной истории. Те, что в прошлом из-за цензуры, внешней или внутренней, не нашли пути к читателю, хранятся в столе или — в сердце.

Ждем!

Наум М. Коржавин (Мандель) — русский поэт. Родился в 1925 г. В 1945 г. поступил в Литинститут, в 1947 — арестован и осужден на три года ссылки за стихотворение о Сталине. В 1954 г. возвратился в Москву, в 1959 — окончил Литинститут. Участник известного альманаха «Тарусские страницы». В 1963 г. вышел его сборник стихотворений «Годы», в 1970 г. Московским театром драмы поставлена пьеса «Переделка» («Где-то в XX-ом»). Однако большая часть написанного продолжала оставаться неизданной. В 1973 г. вынужден эмигрировать. Живет в США. За рубежом изданы сборники стихотворений «Времена» (1977), «Сплетения» (1981). В 1989 и 1990 гг. приезжал в СССР. В издательстве «Художественная литература» готовится к печати сборник его произведений. В 60-е гг. неоднократно бывал в Кишиневе, читал собственные стихи, переводил Ливиу Дамиана.

ИВАН КАЛИТА

(Пародия на авторов некоторых исторических трудов)

Мы сегодня поем тебе славу.
И, наверно, поем неспроста,—
Зачинатель мощной державы
Князь Московский — Иван Калита.

Был ты видом — довольно противен.
Сердцем — подл...

Но не в этом суть;
Исторически прогрессивен
Оказался твой жизненный путь.

Ты в Орде по-пластунски лазил.
И лизал — из последних сил.
Покорял ты Тверского князя,
Чтобы Хан тебя отличил.

Подавлял повсюду восстанья...
Но ты глубже был патриот.

Пусть много смог ты,
много превозмог,
И даже мудрецом меж нами признан.
Но жизнь есть жизнь. Для жизни ты —
не бог.

ХОД.

по силам.

как было.

снєг.

черту.

В ЭТОМ СНЕГЕ.

ЧТО МОГ.

Устой жизни яростно взрывая...
И все же не подводится итог, —
Его, наверно, в жизни не бывает.

1956

БРАТСКОЕ КЛАДБИЩЕ В РИГЕ

Кто на кладбище ходит, как ходят в музеи,
А меня любопытство не гложет — успею.
Что ж я нынче брожу, как по каменной книге,
Между плитами Братского кладбища в Риге?

Белых стен и цементных могил панорама.
Матерь-Латвия встала, одетая в мрамор.
Перед нею рядами могильные плиты,
А под этими плитами — те, кто убиты. —
Под знаменами ранеными, в разные годы,
Но всегда — за нее, и всегда — за свободу.

И лежит под плитой русской службы полковник,
Что в шестнадцатом пал без терзаний духовных,
Здесь, под Ригой, где пляжи, где крыши косые,
До сих пор он уверен, что это — Россия.

А вокруг все другое — покой и Европа,
Принимает парад генерал лимитрофа.
А пред ним на безмолвном и вечном параде
Спят солдаты, отчизны погибшие ради.
Независимость — вот основная забота.
День свободы — свободы от нашего взлета,
От сиротского лиха, от горькой стихии,
От латышских стрелков, чьи могилы в России,
Что погибли вот так же, за ту же свободу,
От различных врагов и в различные годы.
Ах, глубинные токи, линейные меры,
Невозвратные сроки и жесткие веры!

Здесь лежат, представляя различные станы,
Рядом — павший за немцев и два партизана.
Чтим вторых. Кто-то первого чтит, как героя.
Чтит за то, что он встал на защиту покоя.
Чтит за то, что он мстил, — слепо мстил и сурово
В сорок первом за акции сорокового.
Все он спутал. Но время все спутало тоже.
Были разные правды, как плиты, похожи.
Не такие, как он, не смогли разобраться.
Он погиб. Он уместен на кладбище братском.

Тут не смерть. Только жизнь, хоть и кладбище это...
Сколько лет длится спор и конца ему нету,
Возражают отчаянно павшие павшим
По вопросам, давно остроу потерявшим.
К возраженьям добавить спешат возраженья.
Не умеют, как мы, обойтись без решения.

Тишина. Спят в рядах разных армий солдаты,
Спорят плиты — где выбиты званья и даты.
Спорит мнение с мнением в каменной книге.
Сгусток времени — Братское кладбище в Риге.

Век двадцатый. Всех правд острия ножевые.
Точки зренья, как точки в бою огневые.

1962

IN AJUTORUL PROFESORILOR DE ISTORIE В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ ИСТОРИИ

DIN „ISTORIA R.S.S. MOLDOVA“ (III)*

DEZVOLTAREA ARTEI MEDIEVALE MOLDOVENEȘTI

1. Arhitectura și arta plastică în sec. XV—XVII (Autor — Emil Dragnev)

Artă medievală moldovenească s-a format în condițiile, când în țările megieșe se constituise de acum anumite curente și stiluri artistice. Acest factor a accelerat dezvoltarea artei în Moldova. Are loc o contopire organică a tradițiilor autohtone cu elemente de diferită origine într-un aliaj omogen, calitativ nou.

Rădăcinile tradițiilor locale își au începutul în cultura est-romanică și în contactele directe cu Bizanțul. Mai târziu o influență binefăcătoare exercită asupra artei moldovenești cultura slavilor de Sud și cea a slavilor de Răsărit (Galiția). Pe parcursul statornicirii sale arta moldovenească a asimilat o mulțime de elemente din arta Poloniei, Transilvaniei și Munteniei. Astfel s-a format arta originală a Moldovei medievale cu valoroase realizări ce au devenit o parte integrantă a tezaurului culturii mondiale.

Arhitectura moldovenească medievală, ca și cea din țările vecine, s-a constituit sub două forme: laică și bisericească. De prima în monumentele de destinație civilă și militară. Monumentele arhitecturii laice construite din lemn (cel mai accesibil material) au fost supuse într-un grad mai mare distrugerii și, de aceea, aproape că n-au ajuns pînă la noi. Despre unele dintre ele ne vorbesc doar izvoarele scrise vechi și denumirile topice.

Primele construcții civile au fost curțile domnești și boierești formate dintr-un complex de clădiri fortificate. În a doua jumătate a sec. XV în perioada consolidării puterii domnești rolul curților boierești decade, în secolele următoare fiind transformate în curți nefortificate.

Izvoarele scrise ne oferă informații și despre curțile domnești ridicate în fostele orașe de scaun — Baia, Siret, Suceava precum și în orașele Hirău, Vaslui, Piatra Neamț și în altele. Nici una din ele nu s-a păstrat pînă-n zilele noastre.

În timpul săpăturilor arheologice efectuate pe locul curții domnești din Suceava au fost descoperite vestigii arhitectonice caracteristice stilului gotic (nervuri, teracotă cu heraldică, ancadrame de ferestre, resturi de portaluri în arc frînt, muluri, console ș. a.). Vestigiile descoperite în vremea săpăturilor pe teritoriul unde se aflase palatul domnesc din Vaslui mărturisesc despre existența unor construcții fortificate în formă de ziduri înalte cu turnuri. Aceste ziduri dădeau curților domnești aspectul unui castel feudal bine întărit. Același aspect îl avea și curtea domnească, ridicată mai târziu la Iași, despre care fapt notifică călătorii ruși Trifon Corobeinicov (anii '80 ai sec. XVI) și Vasiliu Gagara (anii '30 ai sec. XVII). Pe o stampă de la sfîrșitul sec. XVII curtea domnească este reprezentată în formă de pentagon, de asemenea fortificată prin turnuri și bastioane de formă dreptunghiulară.

Dintre casele domnești din sec. XVI, situate pe teritoriul mănăstirilor, cea mai cunoscută este casa lui Alexandru Lăpușneanu de la mănăstirea Slatina. În decorul arhitectural al acestei construcții se îmbină elemente ale stilului gotic cu cele ale Renașterii.

Intersectarea și sinteza continuă a acestor elemente de stil sînt caracteristice construcțiilor de la mănăstirea Moldovița, ce datează de la începutul sec. XVII. Pe parcursul acestui secol la mănăstirile Dragomirna, Trei Ierarhi și Cetățuia s-au zidit case domnești ce dispuneau de încăperi numite mai târziu „săli gotice“ (în realitate erau pseudo-gotice). Aspectul „gotic“ al interiorului se crea cu ajutorul nervurilor bolții care aveau un caracter numai decorativ.

Cele mai vechi construcții cu caracter pur militar în principatul Moldovei constau din fortificații de lemn și pămînt (Baia, Bîrlad, Orheiul Vechi). Construcția cetăților de piatră în țară e legată de domnia lui Petru Mușat (1374—1396). Planul primelor cetăți de piatră (Șcheia—romboidal, Suceava și Neamț—dreptunghiular) nu corespundea reliefului deluros al locului unde au fost ridicate și acest fapt mărturisește despre influența arhitecturii de șes de origine polono-lituaniană. Cetatea Albă, înălțată în locul cetății genoveze Moncastro la sfîrșitul sec. XIV — începutul sec. XV, inițial reprezenta o cetate dreptunghiulară cu turnuri cilindrice, asemănătoare modelelor balcano-bizantine. Pe parcursul sec. XV au fost ridicate noi ziduri și turnuri, ce i-au dat cetății o configurație complicată.

În a doua jumătate a sec. XV, în legătură cu lupta împotriva otomanilor, în principat se reconstruiesc cetățile vechi (la Suceava și Neamț s-au durat noi fortificații cu bastioane cilindrice din piatră) și se construiesc altele noi la Roman (1466), Orheiul

© Dragnev E., 1990

* Continuare. Incep. vezi: Revistă de istorie a Moldovei, 1990, N 2, 3.

Vechi (1484), Chilia (1479). În perioada anilor 1543—1546 a fost zidită din piatră cetatea Soroca (în locul celei din lemn și pământ), care s-a păstrat foarte bine până astăzi. Compoziția sa arhitecturală e de proveniență nord-italiană — configurația circulară cu patru turnuri cilindrice și unul dreptunghiular proporțional amplasate — operă a zidarilor bistrițeni (Transilvania), chemați de domnul Moldovei Petru Rareș. Alte elemente ce țin de stilul gotic tardiv mărturisesc despre participarea meșterilor autohtoni la construcția cetății. Pe la mijlocul sec. XVI se reconstruiește și cetatea Hotin, zidirea căreia a fost, probabil, începută pe timpul domniei lui Alexandru cel Bun pe locul unei cetăți de proporții mult mai reduse, ce fusese înălțată în a doua jumătate a sec. XIII. După reconstrucție cetatea capătă aspectul contemporan. Același tip de turnuri și incinte ca și la cetatea Soroca ne mărturisesc că meșterii bistrițeni au lucrat și aici.

După stabilirea dominației otomane construcția cetăților moldovenești încetează. Arhitectura militară își continuă dezvoltarea doar în construcțiile mănăstirești, care sînt împrejmuite de ziduri dreptunghiulare cu turnuri la colțuri și la intrare (Probota, Moldovața, Slatina, Sucevița, Dragomirna, Putna, Cetățuia ș. a.).

Cel mai important grup de monumente ale arhitecturii moldovenești medievale, păstrate pînă în zilele noastre îl constituie edificiile de cult. Inițial majoritatea absolută a bisericilor se construiau din lemn. S-a păstrat numai un singur monument al arhitecturii de lemn de pe acele timpuri — biserica din Volovăț (mutată în secolul XV pe teritoriul mănăstirii Putna): dreptunghiulară în plan, cu absida și contrabsida poligonale, împărțită în interior după ritul ortodox în trei compartimente — pridvorul, naosul și altarul.

Influența arhitecturii în lemn asupra celei în piatră se observă doar în formarea unor anumite proporții spațiale și în acoperișul cu patru pante, abrupt, cu colțurile rotunjite.

Specificul genezei arhitecturii de cult moldovenești constă în faptul că la baza ei, tipică pentru arhitectura bizantino-slavă (concepția spațială centrică, distribuția interioară transversală, decorul interior și exterior caracteristic ș. a.), au stat și elemente importante de origine gotică pătrunse din Polonia și Transilvania. O astfel de sinteză inițială se observă în arhitectura bisericii din Rădăuți și a bisericii Sfintei Treimi din Siret, zidite în sec. XIV.

În primele decenii ale sec. XV arhitectura de zid cunoaște o dezvoltare furtunoasă, dar monumentele din această perioadă nu s-au păstrat. Săpăturile arheologice au stabilit că vechile biserici mănăstirești de la Bistrița (pînă în 1407), Moldovața (pînă în 1410), Humor (pînă în 1415) ș. a. aveau planul triconic. În timpul răzmerișelor feudale de la mijlocul sec. XV construcția bisericilor practic încetează. Este cunoscută numai biserica, zidită în anii 1452—1453 de către boierul Vitold la Lujeni (Regiunea Cernăuți).

O dezvoltare considerabilă a arhitecturii de cult e semnalată în a doua jumătate a sec. XV, cînd se încheie cristalizarea așa numitului stil arhitectural moldovenesc pentru care sînt caracteristice planul triconic (în majoritatea cazurilor) cu turla deasupra naosului, acoperișul în pantă rapidă, decorul exterior format din arcaturi oarbe, firide, ocnițe, discuri și cărămidă smălțuită policrom, ancadramente de ferestre, portaluri, socluri și contraforți de factură gotică. Aparte e de menționat cunoscuta **bolta moldovenească**, în care cu ajutorul arcurilor piezișe spațiul superior se reducea simțitor, ceea ce permitea de a ridica o turlă înaltă și zveltă. Primele monumente ce aparțin stilului arhitectural moldovenesc sînt bisericile din Pătrăuți și Milișăuți (1487). Ultima a fost distrusă de un proiectil austriac în anii primului război mondial, însă s-au păstrat cîteva descrieri, desene și planuri. În afară de bisericile construite în plan triconic — Voroneț (1488), Hîrlău (1492), Dorohoi (1495), Botoșani (1496) ș. a., se ridicau și biserici de plan dreptunghiular (Borzești, Războieni) și mixt (Piatra Neamț, Arbore ș. a.).

Un loc deosebit în procesul de evoluție a stilului arhitectural moldovenesc îl ocupă așa-numita grupă „arhaizantă” de biserici, construite după modelul bisericii din Rădăuți. Cea mai valoroasă e biserica din Bălinești, care are o boltă gotică cu nervuri — unică în arhitectura moldovenească. Apogeul stilului arhitectonic moldovenesc e întruchipat în minunata biserică a Înălțării de la mănăstirea Neamț. În primele decenii ale sec. XVI, în condițiile unei instabilități interne, sînt zidite mai puține biserici. Cea mai valoroasă dintre ele e biserica Sf. Gheorghe din Suceava (1514—1522), replică demnă a bisericii mănăstirii Neamț (diferă numai prin naosul supradimensionat în lungime). În această perioadă nișa-clopotniță construită la Arbore și Reușeni încă la începutul secolului (prin alungirea zidurilor de nord și de sud spre vest și încoronarea lor cu o arcadă monumentală) evoluează la Văleni (1519) și Părhăuți (1522) într-un pridvor deschis la parter și în clopotniță la etaj.

În timpul domniei lui Petru Rareș (1527—1538), (1541—1546) arhitectura ecleziastică cunoaște un nou avînt de dezvoltare. Principalele modificări au loc în evoluția pridvorului și a decorului exterior al bisericii. În general însă, arhitecții din această perioadă rămîn fideli modelelor din epoca lui Ștefan cel Mare. La biserica mănăstirii Probota (1530 — necropola lui Petru Rareș) apar elemente renascentiste (cornișa cu profil regulat deasupra baghetelor încrustate în stil gotic de la intrarea din gropniță în naos). Pridvorul bisericii din Humor (1530) devine mai complicat decît cel al bisericii de la Părhăuți, fiind susținut de patru arcade pe trei pilaștri și de ziduri, iar la biserica mănăstirii Moldovața (1532) numărul arcaadelor pe fațada vestică ajunge pînă la trei, pilaștrii devenind mai subțiri. La biserica Sf. Dumitru din Suceava (1534—1535) arcade-

le pridvorului se transformă în ferestre alungite cu un efect vertical bine pronunțat. Inovația principală constă în decorarea cu picturi a zidurilor exterioare. La caracteristica acestor picturi ne vom opri mai jos, aici menționăm numai că ele, accentuând elementele arhitecturale, le-au dat bisericilor moldovenești un aspect foarte pitoresc.

Tradițiile arhitecturii moldovenești au fost preluate și în a doua jumătate a sec. XVI. Principalele realizări arhitecturale din acest răstimp sînt ctitoriile lui Alexandru Lăpușneanu — bisericile mănăstirilor Bistrița și Slatina. Prima, replică a Probotei, are un efect vertical pronunțat. Mănăstirea Slatina e un valoros ansamblu arhitectural, influențat de stilul renascentist. Aici toate edificiile de cult și laice sînt unite într-un motiv urbanistic de o mică „piazzetă” cu scări și peroane, la extremitatea estică a căreia se află o fîntînă construită din plăci de marmură de asemenea în stilul Renașterii. La biserică acestei mănăstiri, prin eliberarea fațadelor de decorul abundent, s-a ajuns la o senzație de măreție și calmitate caracteristică Renașterii.

Cu zidirea în anii 1582—1586 a bisericii mănăstirii Sucevița, numită pe drept de savantul francez P. Henry „testament al artei vechi moldovenești”, se încheie perioada „clasică” de dezvoltare a stilului arhitectural moldovenesc. Ca elemente noi, la Sucevița apar pe fațadele sudică și nordică pridvorașe mici, grațioase și pline de aer.

Odată cu decăderea picturilor murale exterioare, începe căutarea unor noi modalități decorative. Are loc trecerea de la viziunea cromatică la viziunea plastică în relief. În ultimul pătrar al sec. XVI căutările artistice în acest domeniu se îndreaptă spre arhitectura din Muntenia, care n-a cunoscut picturile murale exterioare și s-a dezvoltat, în plan decorativ, pe făgașul explorărilor în cadrul fațadei tipic bizantine.

Inițial, după modelele muntenești s-au efectuat schimbări în arhitectura bisericii mănăstirii Galați (1579—1584): apare a doua turlă (pe pronaos), decorul exterior din două registre de firide, despărțite de un brîu median și de zidul separativ dintre naos și gropniță, înlocuit prin colonadă încoronată de arcatură. Rezultat al influenței muntenești este și pridvorul deschis pe coloane și turla flancată de douăsprezece colonete angajate la biserica Aroneanu (1594). Asemenea transformări apar și la bisericile mănăstirilor Hîncea (1587) și Secu (1602).

Despre o nouă direcție în dezvoltarea arhitecturii moldovenești din sec. XVII ne vorbesc formele plastice ale bisericii mănăstirii Dragomirna (1609), ce impresionează prin dimensiunile și suplețea lor cu un decor sintetic compus din îmbinarea unor elemente de proveniență orientală (brîul — torsadă, rozete florale), occidentală (scuțuri heraldice) și gotice locale. Sub influența bisericii de la Dragomirna au fost ridicate bisericile mănăstirilor Solca (1612—1620) și Birnova (1629). Ultima poate fi inclusă în grupul bisericilor fortificate (turnul-clopotniță înălțat deasupra pridvorului și înzestrat cu metereze). Cel mai reușit monument de acest tip este biserica „Precista” din Galați (1645). Încadrarea clopotniței în compoziția arhitecturală a bisericii e un fapt caracteristic pentru sec. XVII: lăcașele de cult Sf. Dumitru din Orhei — 1632, Ioan Botezătorul din Suceava — 1643 ș. a. Unicul monument din acest secol ce are trăsături turcice evidente este biserica mănăstirii sf. Sava din Iași (1625).

Cea mai remarcabilă operă arhitecturală din sec. XVII este biserica Trei Ierarhi din Iași (1639—1641), unde pe baza formelor plastice ale Galatei s-a suprapus un decor sintetic unicul cu motive orientale, renascentiste și locale. La mijlocul sec. XVII apar lăcașe de cult, construirea cărora a fost influențată de barocul polono-ucrainean: Golia (1650—1653), Cașin (1655). Cu excepția bisericii mănăstirii Cetățuia (1672), care a împrumutat formele principale de la mănăstirea Trei Ierarhi, arhitectura de cult din a doua jumătate a sec. XVII se orientează spre modele din secolele trecute, folosind și elemente noi din sec. XVII (decor baroc, brîul median în formă de torsadă): biserica mănăstirii Putna (reconstruită în 1662), biserica Sf. Onufrie din Siret (1673) ș. a.

Declinul economic ce a început în ultimul pătrar al sec. XVII a lăsat o amprentă negativă asupra dezvoltării arhitecturii, stagnînd pentru un timp îndelungat evoluția ei.

Concomitent cu arhitectura o certă perfecțiune atinge pictura monumentală. Apariția ei, evident, e legată de sec. XIV, fapt confirmat de primele mărturii documentare de la începutul sec. XV. E vorba de hrisoavele domnului Alexandru cel Bun din anii 1415—1416 și 1425, unde sînt menționați zugravii Nichita, Dobre și Ștefan, precum și de fragmentele de tencuială cu resturi de pictură, găsite în ruinele vechii biserici ale mănăstirii Moldovița și în cetatea Sucevei. Cel mai timpuriu monument de pictură murală din Moldova (păstrat parțial) sînt frescele bisericii din Lujeni (mijlocul sec. XV). Picturile de aici sînt foarte fin executate, fiind de o calitate frapantă. Siluetele volative ale figurilor, chipurile sfîinților ce vădesc o mare forță spirituală reflectă impulsul constantinopolitan, pe care l-a primit pictura murală din Moldova în faza sa de constituire.

Către sfîrșitul sec. XV, datorită contactelor largi cu pictura postbizantină din Balcani (Serbia, Grecia) se crează un program iconografic ce urmează principiile fundamentale de decorare a bisericilor bizantine. Însă, se ținea seama de specificul arhitecturii moldovenești. Temele pentru zugrăvirea pereților și distribuirea lor diferă întrucîtva de modelele bizantine (pictura murală interioară din Pătrăuți, Milișăuți, Hîrlău, Botoșani, ș. a.). O anumită influență asupra selecției tematicii au exercitat și factorii social-politici. Scena „Cavalcada sfîinților militari”, destul de rar întîlnită în iconografia bizantină, pictată în biserica din Pătrăuți exprima ideea unirii forțelor creștine ale Europei în frunte cu Ștefan cel Mare în lupta împotriva expansiunii otomane.

Cel mai valoros ansamblu de pictură murală din perioada domniei lui Ștefan cel Mare executat de o echipă de zugravi conduși de Gavriil Ieromonahul, unul dintre cei

mai distinși meșteri de frescă din Moldova medievală, se află la Bălinești (1492). Picturile sale se disting printr-un rar rafinament, desen elegant în combinație cu cromatica echilibrată și monumentalism.

Încă în secolul XV bisericile din Moldova erau zugrăvite și la exterior. Picturile se plasau în nișele arcadelor oarbe de pe abside. Treptat, sub influența unor circumstanțe de ordin ideologic, legate de conflictele confesionale ale epocii și a necesității de a activa propaganda antiotomană, a fost elaborat un program iconografic, reflectat în picturile exterioare, care, cu anumite modificări, au ajuns pînă la sfîrșitul sec. XVI, reprezentînd un fenomen unic în întreaga artă postbizantină.

Unul dintre cele mai timpurii ansambluri de pictură exterioară se află la biserică Arbore (înalțată după 1504). Prin mărirea sa se impune, mai ales, scena „Rugăciunea tuturor sfinților” care practic n-are echivalent după gradul de elaborare a „Cinului Deisus”. După nivelul artistic picturile de la Arbore constituie una dintre cele mai reușite realizări în arta postbizantină a epocii. Frescele bisericilor de la mănăstirile Humor (1535) și Moldovița (1537) atestază înaltul grad de măiestrie a zugravilor conduși de Toma Curteanu. Frescele de la biserica mănăstirii Voroneț (1547) prezintă punctul culminant în dezvoltarea picturii exterioare din Moldova. Scena „Judecata de apoi”, ce ocupă întreaga fațadă vestică, după amploare și gradul de elaborare, n-are pereche printre lucrările de acest gen.

Pentru a nu încălca integritatea compoziției arhitectonice și a face ca scenele să capete un decor unitar, la zugrăvirea lor meșterii moldoveni utilizau culori dominante. Spre exemplu, în picturile zugravilor lui Toma Curteanu din Suceava predominau culorile brune și albastre (Humor), verzi și liliachii (Moldovița). În frescele de la Arbore dominau tonurile albastre-turcoaze. Pe parcurs de secole o impresie de neuit a produs „Albastrul de la Voroneț”.

Deseori zugravii imprimbau temelor religioase un colorit local. Într-o scenă din (fațada bisericii Arbore). Pe fațada bisericii Voroneț este înfățișat Adam, arînd păciciul „Legenda Sf. Gheorghe” un grup de personaje dansează hora moldovenească mîntul cu un plug asemănător celui moldovenesc de atunci, iar în interiorul aceleiași biserici într-o scenă e reprezentat prorocul Ilie, urcînd în ceruri pe o simplă căruță, răspîdită pe acele timpuri în Moldova. Multe scene au fost inspirate din scrierile apocrife ce erau mai apropiate de mentalitatea oamenilor simpli („Vămile Văzduhului”, „Zapisul lui Adam” ș. a.).

În programele iconografice ale picturilor exterioare ce au o orientare antieretică și antireformistă se evidențiază cultul Maicii Domnului și sfinților, se arată locul lor în structura ierarhică a lumii. Au fost reflectate în fresce și evenimentele politice din acea vreme. Ca expresie a stărilor de spirit antiotomane și un înflăcărare apel la lupta împotriva cuceritorilor turci se prezintă scena „Asediul Constantinopolului”, la baza căreia se află legenda despre salvarea miraculoasă a orașului în anul 626 de oștirile persane de către Maica Domnului. În realitate, aici au fost zugrăviți turcii în îmbrăcămintea caracteristică lor, cu tunuri (imposibile pentru sec. VII). În aceeași scenă de la mănăstirea Humor zugravul Toma s-a pictat pe sine însuși pe cal în rîndurile apărătorilor cetății. În scena „Judecata de apoi” printre primii păcătoși erau zugrăviți dușmanii principali ai Moldovei — turcii și tătarii.

Ultimele picturi exterioare cunoscute se află la mănăstirea Sucevița (sfîrșitul sec. XVI—începutul sec. XVII). În ele se observă că tendința spre narativ devine evidentă și dominantă în dauna monumentalității. Aceste fresce, efectuate de zugravii Ion și Sofronie, sînt de o calitate foarte înaltă și de o prospețime deosebită, fapt ce a permis renumitului savant din Viena I. Strijigowski să le compare cu o bijuterie. În iconografie, pe lîngă motivele mistice, legate de arta Atosului, ce încep să predomină, găsim și motive influențate de pictura rusească, mai ales în scenele „Acoperîntul Maicii Domnului și „Ivirea Fecioarei în fața sf. Serghii Radonejski”.

În sec. XVI pictura murală moldovenească a influențat pictura Transilvaniei și a Ucrainei de Vest (biserica mănăstirii Lavra din apropierea Samborului).

Dezvoltarea picturii murale pe calea intensificării ornamentării și a momentului narativ continuă și în secolul XVII (Dragomirna—1609). În acest secol, pe fundalul de declin al genului, au apărut cîteva ansambluri de picturi interesante: frescele de la Trei Ierarhi, efectuate cu ajutorul meșterilor moscoviți — Sidor Pospeev, Iacov Gavrilov, Demian Iacovlev, Procopii Nichițin, de la Hlinea (1672), realizate de un grup de zugravi din Ianina (Grecia) și, mai ales, cele de la Golia (1659—1661). Frescele de la Cetățuia, afectate de intervenții tîrzii, încheie această perioadă de dezvoltare a frescei moldovenești.

Cît privește pictura de icoane, primele informații le avem din sec. XV și se referă la datinile tradiționale despre aducerea sfințelor icoane din Constantinopol. Sînt cunoscute icoanele „Sf. Nicolai” și „Arhanghelii Gavriil și Mihail” din sec. XV, ce provin conform datinilor din mănăstirea ruinată a Bogdăneștilor (mai apoi au fost aduse la mănăstirea Rîșca de către Petru Rareș). În ele atestăm anumite trăsături stilistice caracteristice picturii paleologice tardive. Tot de această epocă ține și icoana „Sf. Gheorghe”, dăruită de către Ștefan cel Mare mănăstirii Zograf de pe muntele Athos.

Pictura de icoane mai intens se dezvoltă în sec. XVI, cînd se evidențiază două școli principale. La prima școală pot fi atribuite icoanele pictate la mănăstirile Neamț,

Bistrița, Agapia, Văratec ș. a., influențate de tradițiile secolului trecut. În icoana „Schimbarea la față” din Agapia se simte înfrîurirea școlii cretane, care se manifestă printr-o stilizare grafică academică. Icoana „Hristos în mormînt” (sf. sec. XVI) de la mănăstirea Bistrița prezintă o temă cu conținut liturgic, ce se întâlnește foarte rar în pictura de icoane din Moldova. Această imagine vădește un simțămînt psihologic plin de compătimire.

Altă școală se constituie la nordul principatului și include mănăstirile Putna, Sucevița, Moldovița, bisericile din regiunea Sucevii. În a doua jumătate a sec. XVI în bisericile moldovenești apare iconostasul. Odată cu aceasta au crescut și cerințele în icoane, pentru satisfacerea cărora în 1570 la Suceava a fost organizată breasla iconarilor. S-a intensificat și importul de icoane din străinătate, în special din Rusia. Influența picturii de icoane ruse se observă destul de vădit în icoana „Înălțarea” de la mănăstirea Putna (1568) și în icoanele zugravilor Ion și Sofronie (autorii frescelor de la Sucevița). În această perioadă de arta iconarilor moldoveni sînt influențați meșterii transilvăneni (mai ales din Maramureș).

În sec. XVII pictura de icoane în Moldova, în care încep să prevaleze tendințe decorative, se dezvoltă într-o nouă direcție. Acum apar diferite curente prelucrate în spiritul tradițiilor locale. Se intensifică influența picturii de icoane ruse — ca rezultat al sporirii importului de icoane (sînt cunoscute încercările lui Miron Barnovschi de a procura icoane la Moscova), activității iconarilor ruși în Moldova (mai ales, pe timpul lui Vasile Lupu), plecării iconarilor moldoveni în Rusia. Se stabilesc contacte și cu meșterii de icoane polonezi. La mijlocul sec. XVII în principat activa un oarecare „maier Baraski”. Unele replici ale icoanelor sale au ajuns pînă la noi. Către sfîrșitul acestui secol se intensifică influența picturii de icoane grecești. Aceste contacte au dus la apariția în pictura moldovenească a unor noi modalități de realizare, acestea evoluînd spre pictura de șevalet. Abaterea de la tendințele conservative se observă și prin prisma percepției populare, ce e caracteristic pentru icoanele lui Grigorie din Berlinești. Avînd o factură cam grosolană, lucrările sale cuceresc prin sinceritate, vivacitatea chipurilor și cromatica caldă.

Un loc de vază în arta medievală a Moldovei îl ocupă miniatura. Primele opere de miniatură moldovenească ce ne sînt cunoscute au fost făurite de călugărul mănăstirii Neamț Gavriil Uric (cca 1400—cca 1449). Tetraevangheliarul din 1429, creat de el (actualmente se găsește la biblioteca din Oxford), conține miniaturi ce-l reprezintă pe unii evangheliști dintr-un izvod răspîndit în arta bizantină și cea balcanică. Desenul executat cu iscusință, plasticitatea figurilor, ritmul compozițional fin, dinamismul și coloritul armonios atestă marea măiestrie a miniaturistului. În operele lui Gavriil Uric și-au găsit reflectare și trăsăturile stilului paleolog ascendent, mai ales, în figura și modelarea chipului Sf. Luca, deși sînt prezente și elemente ale academismului paleolog tardiv. G. Uric se prezintă nu numai ca un meșter iscusit, ce a reușit să redea calitățile mai distinctive ale prototipului, ci și ca o fire neordinară și creatoare. Chipurile plămuite destul de plastic sînt pline de bunătațe, blîndețe, lirism și, în același timp, vădesc caractere tenace. Prin lucrările sale Uric a contribuit la reînvierea artei în curs de declin, însă încă strălucitoare a Bizanțului secătuit, și la constituirea unei noi școli naționale de pictură.

De numele lui Uric e legată și afirmarea unui nivel înalt în arta de ornare a cărților manuscrise. Frontispiciile și inițialele derivate din antrelacul balcanic sub pana sa capătă o precizie și o desăvîrșire aproape neîntîlnită în prototipurile bulgare și sirbe. Motivul fundamental în frontispicii se bazează pe inele intersectate, deasupra cărora se suprapune o rețea de împletituri. Colțurile frontispiciului sînt flancate de flori stilizate. Acest motiv a fost reprodus și dezvoltat la infinit de miniaturistii moldoveni pînă în secolul XVIII.

Înaltă măiestrie a lui Gavriil Uric a fost apreciată încă în timpul său, lucrările acestuia constituind drept model pentru măiestrii din a doua jumătate a sec. XV.

O dezvoltare deosebită capătă miniatura moldovenească în a doua jumătate a sec. XV, cînd s-au evidențiat două scriptorii principale: la mănăstirea Neamț, fondată în perioada precedentă, legată organic de creația lui G. Uric și la Putna, derivată de la prima. Cel mai valoros meșter al școlii de la Neamț a fost Tudor Mărișescu. În miniaturile tetraevangheliarelor din 1491 și 1492 (se păstrează în Muzeul istoric de stat din Moscova) el, în mod detaliat, repetă prototipul de la Oxford, dîndu-i un colorit original și atribuind chipurilor evangheliștilor expresii individuale.

De mănăstirea Neamț e legat și numele unuia dintre cei mai renumiți reprezentanți ai școlii putnene — călugărul Nicodim. În Tetraevangheliarul din 1473 în afară de imaginile evangheliștilor se conține un portret al lui Ștefan cel Mare, donînd codexul Maicii Domnului cu Isus Emmanuil în brațe. Drept model i-a servit, probabil, un prototip bizantin, însă în portretul domnitorului tipizarea aproape că dispare în rezultatul evidențierii trăsăturilor individuale. Indiscutabil că această miniatură constituie unul dintre cele mai reușite portrete ctitoricești în pictura moldovenească medievală.

Printr-o calitate înaltă de executare se disting și alte tetraevangheliare (din 1502, 1504, 1504—1507), ce au avut model miniaturile lui Uric. Se impun și operele caligrafilor Casian din Neamț, Ghervasie de la Putna, Paladie, Pahomic ș. a., care au utilizat variante diferite ale antrelacului geometric, Exceptîc fac frontispiciile Tetraevan-

gheliei din 1502 (se păstrează la Viena), unde sînt folosite elemente vegetale stilizate la maxim, amintind de un arabesc și de unele motive zoomorfe.

Sînt cunoscute și alte tipuri iconografice ale celor patru evangheliști. Miniaturile Tetraevangheliarului Anicheev de la sf. sec. XV (se păstrează la Leningrad) au fost efectuate după un prototip constantinopolitan mai tardiv și se caracterizează prin figuri mai statice, un fon arhitectural mai puțin dinamic. Un alt tetraevangheliar din a doua jumătate a sec. XV (se păstrează la Varșovia) a apărut sub influența miniaturii sîrbe și bulgare. Aici evangheliștii sînt reprezentați în medalioane pe fundal de decor vegetal.

Nivelul înalt de prezentare grafică a cărții manuscrise în Moldova a avut o înfrîngere mare asupra creației caligrafilor și miniaturiştilor din Valahia și Transilvania. Cărțile moldovenești au devenit drept obiect de imitație și în Rusia.

În sec. XVI arta miniaturistică moldovenească intră în faza de declin și impas. Continuînd să se păstrează numai în decorul frontispiciilor și inițialelor. Miniaturişti încep să se folosească de alte izvoade, mai des de proveniență atonită tîrzie, căroră le este caracteristică tipizarea și grafismul.

O adevărată renaștere a miniaturii are loc la începutul sec. XVII și e legată de activitatea mitropolitului Anastasie Crimca și a altor meșteri din școala sa. Izvoarele noului curent răsar din scriptoriul mănăstirii Sucevița, care a devenit la hotarul sec. XVI și XVII unul din principalele focare de cultură din principat. Aici au nimerit un șir de codexe luxoase de proveniență diversă (prototipul necunoscut al tetraevangheliarului bizantin „Paris grec-74” din sec. XI, evangheliar bulgar de la Londra al țarului Ioan Alexandru din sec. XIV și evangheliarul muntean din sec. XVI al domnului Alexandru al II-lea, numit Sucevița — 23), toate derivînd de la redacția antiohiană. Prezentarea lor bogată, cantitatea mare de miniaturi cu caracter narativ corespundea spiritului epocii cu noile ei căutări și cerințe de ordin religios și estetic.

Prima operă a miniaturiştilor moldoveni din această perioadă este tetraevangheliarul „Elizavetgrad”, care provine de la manuscrisul bizantin „Paris gr.-74” și a servit drept prototip pentru meșterii școlii de la Dragomirna, fondată de Anastasie Crimca: Tetraevangheliarul lui Ieremia Movilă din 1605 — probabil lucrat de A. Crimca; Tetraevangheliarul din 1614 — lucrat de Ștefan. Crimca a decorat cu miniaturi și un alt tetraevanghel, folosind ca prototip codexul bulgar al țarului Ioan Alexandru.

Drept rezultat al îmbogățirii tematică a miniaturii moldovenești prin introducerea unui nou sistem iconografic, s-au deschis posibilități de creație mai mari. Caracterul de gen al scenelor din viața lui Iisus a permis de a introduce elemente ale peisajului și ale arhitecturii locale. Cele mai mari realizări ale miniaturii din această perioadă și-au găsit întruparea în Psaltirea de la Dragomirna — lucrată de A. Crimca. Spre deosebire de compozițiile dispuse în friză din tetraevangheliare, miniaturale din Psaltire sînt în plină pagină.

Către mijlocul sec. XVII în miniatura moldovenească pătrund elemente occidentale de factură barocă, care se învecinează cu o morfologie încă bizantină. Această sinteză artificială nu poate fi socotită reușită, însă unii meșteri (Ivanco din Rădăuți) printr-o grafizare puternică au obținut unele rezultate originale. De la mijlocul sec. XVII, odată cu apariția tiparului, arta miniaturistică merge spre o dispariție firească, cedînd locul artei grafice.

O parte componentă a artei medievale e și sculptura, care în Țara Moldovei aproape că nu s-a dezvoltat ca gen de artă aparte, persistînd mai mult în sfera decorului arhitectural. Acest fenomen era caracteristic și pentru arta bizantină tardivă. Prezintă un anumit interes decorul pietrelor domnești de mormînt. În sec. XV predomină elemente bizantine, mai ales, motivul palmei (lespezele necropolei de la Rădăuți, lucrate în anii 1478—1480). O influență gotică este vizibilă în ornamentul pietrelor de pe mormintele lui Ștefan cel Mare și a soției sale Maria de Mangop de la mănăstirea Putna. În sec. XVI apar elemente renascentiste (de exemplu, în decorul inscripției lapidare de pe fațada bisericii Sf. Dumitru din Suceava). O dezvoltare mai mare ornamentul sculptural capătă în sec. XVII, cînd acesta e folosit pentru decorul fațadelor bisericilor (Dragomirna, Trei Ierarhi). Un interesant monument de sculptură laică din sec. XVII e decorul foisorului casei boierului Cantacuzino din Pașcani, efectuat în stil baroc.

Un anumit nivel de dezvoltare îl atinge și sculptura în lemn, care se utiliza la confecționarea scaunelor domnești, iconostaselor, porților și tacîmurilor bisericesti. De către meșteri populari erau create și diferite sculpturi cu chipul lui Hristos răstignit — așa numitele „troițe”, care se instalau la răscrucea drumurilor și la fîntîni.

2. Arta aplicată. Muzica și dansul în sec. XV — XVII (Autori — Iosif Șlaen, Emil Dragnev)

Cel mai timpuriu exemplar de broderie liturgică cunoscut în Moldova este epitrahilul cu portretele domnului Alexandru cel Bun și a soției sale Marina, creat pînă la 1431. În a doua jumătate a sec. XV la mănăstiri se înființează o adevărată școală de broderie moldovenească, apropiată după tematică, ornament și compoziție de pictura murală. Cele mai renumite monumente din această perioadă sînt epitrahilurile

cu reprezentările lui Ștefan cel Mare, ale fiului său Alexandru, cuvertura de mormînt a Mariei de Mangop.

Pe fundalul de mătase se broda cu fire de aur, argint și mătase colorată diferite scene, în fond, de tematica liturgică. Sec. XV este timpul de înflorire a broderiei în Moldova, în care se îmbină splendoarea cu sobrietatea și care se impune prin simetria elementelor componente. Faima despre iscusința brodezelor din Moldova a trecut hotarele statului încă în evul mediu. Sub influența puternică a broderiei moldovenești s-a dezvoltat acest gen în Muntenia și Rusia.

În sec. XVI în broderii se mărește numărul personajelor, fapt ce le acordă un caracter narativ, iar elementul decorativ devine mai complicat. În sec. XVII nivelul tehnic de execuție a broderiilor scade întrucîtva, ele, însă, devenind mai luxoase (se mărește numărul firelor de aur și argint). Cele mai expresive sînt broderiile, pe care au fost reprezentate diferite personalități istorice din acea perioadă. Astfel sînt cuverturile de mormînt ale domnilor Ieremia și Simeon Movilă, a soției lui Vasile Lupu — Tudosca ș. a.

Un loc important în complexul de arte aplicate în Moldova l-a ocupat prelucrarea metalelor prețioase — a argintului și aurului. S-au păstrat obiecte executate în întregime din aur și argint (tăvi, cupe, cruci ș. a.), precum și obiecte numai ferecate în aceste metale prețioase (racle pentru moaștele sfinților, ferecăturile icoanelor, cărților ș. a.). Majoritatea monumentelor de orfăvrie s-au păstrat din a doua jumătate a sec. XVI. Existența multor trăsături comune între aceste obiecte ne permite să vorbim despre consolidarea unei școli unitare locale.

Un nivel destul de înalt de dezvoltare l-a atins în Moldova medievală arta corală, legată de tradițiile muzicii monodice bizantine. Astfel, în anii '80—'90 ai sec. XV la mănăstirea Putna se foloseau manuale de muzică bisericească de origine bizantină, bulgară și sirba. În această perioadă mănăstirea Putna devine un adevărat focar de dezvoltare a muzicii bisericești. Aici se transcriau și se prelucrau operele autorilor bizantini.

În 1511 savantul-călugăr Eustatie (amintit în izvoare ca „Ritor, demesticus și protopsalt“) a compus o culegere de cîntece și imnuri religioase, printre care figurează și opera renumitului autor bizantin — Ioan Cucuzel (1280—1360). Sînt cunoscuți și alți reprezentanți ai școlii de la Putna: Domițian Vlah, Antoniu Protopsalt. Ultimul a compus un manual de muzică bisericească în limba greacă. Activitatea școlii putnene nu se limita în hotarele principatului. Aici învățau diaci din Peremișl, Lvov, iar culegerile de muzică bisericească s-au răspîndit și în Rusia moscovită, unde muzica bisericească a fost influențată de școala putneană.

În sec. XVII muzica moldovenească medievală atinge un nivel foarte înalt de dezvoltare. În biserica mănăstirii Trei Ierarhi, după mărturia lui Paul de Alep, se cânta în două limbi: moldovenească și greacă. O capodoperă adevărată a acestei epoci este „Cîntul voievodesei Lupu“, compus de Ion Căianu — unul din primele cîntece profesionale laice. Melodia sa, pe lîngă factura barocă, se evidențiază printr-un colorit vădit popular.

O largă răspîndire în Moldova medievală a avut-o muzica populară. Printre instrumentele muzicale cele mai răspîndite erau: vioara, cimpoiul, fluierul, lăuta, ș. a. Colindele, cîntecele vechi, doinele reflectau năzuințele și aspirațiile omului simplu. Sînt cunoscute și numele meșterilor populari (lăutari) din sec. XVII — Stoica, Rusu, Ghimpu.

Unul dintre cele mai vechi genuri de artă în Moldova este dansul popular — ritual și, mai ales, hora. Trăsătura distinctivă a dansului moldovenesc e participarea la el a mai multor persoane, care formează un cerc sau un rînd lung. D. Cantemir evidențiază două tipuri principale de dansuri: „Cînd joacă toți, prinzîndu-se de mîni în cerc și se mișcă în egal și măsurat de la dreapta la stînga, jocul se numește horă; cînd însă, așezați într-un șir lung, se prind de mîini, dar totuși așa ca să rămîna libere capetele rîndului și se rotesc cu diferite întorsături, ei numesc de obișnuit acest joc cu un cuvînt polonez danț*“. De mare popularitate se bucurau călușarii — grupe de dansatori, care se evidențiau prin înalta măiestrie de interpretare, cunoașterea multiplelor motive muzicale**. De dansuri și cîntece erau însoțite și sărbătorile feudale.

În general, dezvoltarea diferitelor genuri de artă ne mărturisește despre unitatea cultural-artistică a culturii moldovenești — parte componentă a culturii est-romanece din perioada feudalismului dezvoltat.

3. Artă moldovenească în sec. XVIII (Autor — Emil Dragnev)

Dominația otomană, care s-a intensificat și mai mult în sec. XVIII, a deformat simțitor dezvoltarea culturii artistice în principat. Avea loc denaționalizarea clasei dominante (în feudalism — principalul ctitor al operelor de artă), se reducea pătura

* Cantemir D. Descrierea Moldovei. Buc., 1973. P. 313.

** Tot acolo. P. 215.

© Dragnev E., 1990

profesionistă a meșterilor, se păstrau formele corporative de organizare a muncii creatoare artistice, a fost stagnat procesul de formare a auditoriului cultural național. Și totuși, nu s-a ajuns la o stagnare completă. Procesul de dezvoltare a culturii naționale continua, se întăreau legăturile dintre cultura autohtonă și cea străină, mai ales — greacă.

Pe parcursul sec. XVIII dezvoltării artei în Moldova îi este caracteristică inter-pătrunderea și coexistența structurilor artistice tradiționale cu tendințe inovatoare atât în plan morfologic, cât și în plan conceptual-estetic. În general, procesul artistic a fost destul de contradictoriu. Alături de atracția intensă spre valorile general-europene, continuă să existe și tradiția post-bizantină târzie. Însă, dacă caracterul contradictoriu al procesului în complex denotă caracterul de trecere al epocii, apoi diferitele genuri de artă, privite prin prisma structurii sociale a societății, capătă contururi mai clare. Dacă pentru sec. XVII stratificarea socială în procesul artistic încă nu se manifestă destul de vădit (activitatea ctitoricească fiind concentrată, în special, în vîrfurile ierarhiei sociale), apoi în sec. XVIII ea capătă un spectru mai larg, fapt legat de activizarea păturilor medii (mici slujitori de diferite ranguri, numărul cărora în această perioadă crește simțitor) și celor de jos (țărani mai înstăriți), atât în domeniul ctitoricesc, cât și în domeniul artistic.

Arta aulică din principat se găsea între două poluri de gravitație: pe de o parte arta occidentală ce se întruchipa în faimoasele orașe-reședințe, unde se concentrau cele mai bune forțe artistice (Versailles Potsdam, Peterhof ș. a.), pe de alta — palatele fastuoase situate pe litoralul Bosforului, unde în spirit oriental, de asemenea, se prelucrau anumite elemente ale stilurilor vest-europene. În această perioadă arta aulică devine complet secularizată și se dezvoltă pe făgașul curenților general-europene.

În arta bisericească se observă aceiași factori de polarizare: pe de o parte bisericile, ridicate în capitală la comanda domnilor, influențate de plastica barocului, iar pe de alta — bisericile simple de țară (mai ales din lemn), înălțate pe banii micilor slujbași și ai țăranilor înstăriți. Scade ponderea meșterilor profesioniști, se lărgeste sfera de influență a artei populare. Are loc folclorizarea creației artistice, apar unele forme de creație cu multe trepte de trecere între arta populară și cea profesionistă (proces caracteristic pentru arta popoarelor balcanice subjugate de osmani). Acest raport în Moldova începe să se schimbe în partea opusă numai începînd cu ultimul pătrar al sec. XVIII, cînd slăbește presiunea dominației otomane. De menționat, că folclorizarea artei profesioniste ducea, într-o măsură oarecare, spre secularizarea ei, însă în același timp reflecta anumite momente specifice ale mentalității religioase populare.

În sec. XVIII arta moldovenească tot mai mult se încadrează în procesele integraționiste europene în limitele unei regiuni destul de vaste a sud-estului Europei. Însă, un rol important îl joacă și factorii diferențiatori. Natura lor e ascunsă în structura relațiilor feudale ce dominau și e legată de rolul dominant al bisericii ortodoxe. În această ordine de idei, după tradiție, legături mai intensive (cu un efect asimilativ mai puternic) se stabilesc cu artele țărilor ortodoxe.

În această perioadă se intensifică, mai ales, legăturile cu arta Țării Românești. Lipsa barierelor confesionale și etnice, apropierea geografică, comunitatea tipologică a culturilor, legăturile seculare tradiționale reciproce, constituirea elitei guvernante comune — toți acești factori au activizat procesul de apropiere a două culturi artistice. Ca temelie pentru acest proces devine așa-numitul stil brîncovenesc, care a atins apogeul dezvoltării în Muntenia la hotarul sec. XVII—XVIII. Elementele stilului brîncovenesc s-au răspîndit pe larg în Moldova, atât în arhitectură, cât și în arta plastică. În sec. XVIII continuă să joace un rol important și contactele cu alte țări ortodoxe, mai ales, cu Grecia și Rusia, prin intermediul cărora meșterii din Moldova se familiarizau cu multe inovații vest-europene.

Prezentarea proceselor principale în cultura artistică a Moldovei în sec. XVIII o începem cu arhitectura. Pentru această perioadă tabloul dezvoltării arhitecturii laice se restabilește, în fond, pe baza izvoarelor scrise, deoarece majoritatea monumentelor a dispărut. Din informațiile prezente în letopisește devine evident, că în pofida decăderii generale a vieții urbane are loc o anumită modernizare a aspectului orașelor. Aceasta se referă, mai ales, la orașul Iași — capitala principatului, unde domnitorii și marea boierime au desfășurat construcții de edificii civile mult mai impunătoare decît în perioada precedentă: palate rezidențiale, localuri de petreceri (chioșcuri, pavilioane), havuzuri, fîntîni, spitale, școli etc. Arhitectura acestor edificii făcea o impresie generală de eclectism. În arhitectura orașului Iași se îmbinau tradițiile locale cu cele occidentale (baroc, clasicism) și orientale.

Continuarea tradițiilor locale ale sec. XVII poate fi atestată pe baza exemplului conacurilor boierești păstrate în satul Trifești (îngă Roman), casa Cantacuzino din Șerbești ș. a. Își păstrează aspectul tipic și hanurile (rateșele), unde sub un singur acoperiș erau unite încăperile pentru oaspeți și cele pentru mijloacele de transport (Drăgușeni, Gura Orbicului, Șerbești).

În arhitectura europeană din sec. XVIII (sub influența ei se află și cea turcească) avea loc procesul de abandonare treptată a practicii tradiționale de concepere a edificiului arhitectural ca un spațiu închis. La înălțarea edificiilor a început să se țină cont și de mediul înconjurător. Un exemplu convingător în această privință îl

constituie ansamblul de palate și parcuri al domnitorului Grigore Ghica (1726—1773), ridicat cu participarea meșterilor din Stambul. Despre el ne comunică letopisețele, caracterizându-l drept o admirabilă construcție «de model țarigrădean». În același stil a fost durată și casa boierului Enachi, numită în letopiseț—curiozitate rară. În orașul de scaun erau și multe chioșcuri de tipul celor construite la Istanbul, dispuse în locurile de odihnă și plimbare ale domnilor și boierilor (chioscul de la Copou al lui Grigore Ghica, chioscul lui Dmitrie Suțu ș. a.), fapt care ne vorbește, de asemenea, de afirmarea noilor concepții spațiale. Plastică arhitecturală avea factură barocă, despre ce ne mărturisesc fîntînile păstrate, plasate în ambele părți ale turnului spitalului Sf. Spiridon din Iași și la mănăstirea Golia.

În sec. XVIII declinul arhitecturii bisericești a dus la simplificarea formelor arhitecturale. Neschimbate rămîn formele structural-plastice de bază. Se făceau încercări de a înviora construcțiile cu unele elemente originale (bisericele: Miera, 1706—1734—cu o turlă neobișnuită; Ilișești, 1714—cu două turle sub un acoperămint de asupra pridvorului; Doljești-Putna, 1742—cu clopotnița la fațada nordică ș. a.). La majoritatea noilor biserici se păstrează bolta moldovenească, planul triconic fără turlă deasupra naosului cu clopotnița deasupra pridvorului și alte elemente tradiționale. Sub înfrîurirea acestui curent au fost construite mai târziu bisericile Mazarachi (1752—1758) și Sf. Constantin și Elena (1777) din Chișinău. În unele elemente arhitecturale din construcția lor (cornișe, frontoane ș. a.) se simte influența ruso-ucraineană.

Alt curent în arhitectura de cult a fost influențat de stilul brîncovenesc, prin intermediul căruia s-a constituit o nouă plastică decorativă de factură barocă (bisericele: Precista din Focșani, 1709—1716; Fistic, 1721 ș. a.). În a doua jumătate a sec. XVIII în arhitectura bisericească a Moldovei se observă o influență intensivă a barocului oriental. Seria monumentelor acestui curent a fost deschisă de biserica Sf. Teodor din Iași (1761) și continuă cu alte biserici ieșene—Sf. Gheorghe, Curelari, Tălpăari, precum și cu bisericile din Bălănești (1768—1770), Berzunți (1774), Doljești (1774).

Barocul, ca și alte curente ce l-au precedat, se suprapunea pe formele tradiționale ale arhitecturii moldovenești sub aspectul decorativ (capiteluri de formă diferită, console, arce ș. a.). O parte considerabilă din bisericile ridicate în ultimul pătrar al secolului se caracterizează prin orientarea spre modelele din secolele trecute (biserica mică de la Sucevița—1722, Rudi—1777). Se dezvoltă și arhitectura în lemn (Vornicen, Hirjauca, Grădiștea ș. a.), ce a fost puternic influențată de cea în piatră.

În sec. XVIII, ca și în trecut, aveau un caracter specific bisericile ridicate în raialele turcești și pe teritoriile ocupate de hoarda din Bugeac. Pentru aceste biserici sînt caracteristice formele plastice ce reproduceau cele mai simple planuri și construcții arhitecturale, fapt ce explică similitudinea bisericii Adormirii din Căușeni (1763—1768) cu alte biserici din raiale (Sf. Nicolae din Chilia) și, de asemenea, cu cele din Bulgaria și Grecia din sec. XV—XVIII, care se evidențiau printr-un decor exterior sobru și prin adîncire în pămînt. O altă trăsătură specifică e tipul rural al edificiilor. Dar și aici pătrund elemente ale stilului brîncovenesc, de exemplu, colonada încoronată de arce între naos și pronaos în biserica din Căușeni.

Depășirea vechilor tradiții în arhitectura moldovenească a început să se accentueze la sfîrșitul sec. XVIII, odată cu răspîndirea aici a clasicismului. Cel mai reprezentativ monument al acestui stil în Moldova e biserica din Lețani în formă de rotundă cu un portic monumental. În acest monument elementele structurale neoclasic le-au substituit complet pe cele medievale. Se întîlnesc și monumente în stil neoclasic cu păstrarea unor reminiscențe baroce (biserica Precista a mănăstirii Curchi). Contribuind la depășirea tradițiilor conservative, neoclasicismul și-a găsit o primenire mai largă în arhitectura civilă. Anume penetrația elementelor neoclasic (în același rînd a elementelor stilului ampir) în arhitectura civilă a determinat noul aspect al orașelor din Moldova.

Ca și în trecut, sculptura moldovenească din sec. XVIII rămîne un element decorativ al arhitecturii. La începutul secolului încă se întîlnesc ancadrame de ferestre gotice (biserica Miera), însă, treptat decorul arhitectural capătă trăsăturile barocului oriental. Un interesant ornament sculptural (frunze de acant) se întîlnește pe fîntînile ieșene deja menționate. Începînd cu a doua jumătate a sec. XVIII, se intensifică influența motivelor ornamentale baroce în iconostasele sculptate în lemn (bisericele mănăstirilor Voroneț, Sucevița, Putna, ș. a.). Se evidențiază iconostasul bisericii din Căușeni, executat în gips, ce conține elemente baroce (colonete în formă de frunze răsucite cu capetele în formă de flori ș. a.). La sfîrșitul sec. XVIII apar iconostase în stil clasic cu anumite reminiscențe baroce (biserica Sf. Dumitru din Iași ș. a.), care se caracterizează printr-o compoziție bine concepută.

Ca și arhitectura, un caracter contradictoriu de dezvoltare îl are și pictura. În sec. XVIII domnitorii Moldovei tot mai des apelează la meșteri străini. În majoritatea cazurilor aceștia erau meșteri de un profesionalism înalt, însă de un renume trecător, lucrările cărora se potriveau noilor tendințe de dezvoltare ale artei aulice în Moldova. Printre ei se evidențiază pictorul Liotard (de proveniență elvețiană), invitat la Iași în 1743 de către C. Mavrocordat. Merită menționați și pictorii, ce se

găseau în suita comandantului major al armatei ruse în războiul ruso-turc din 1787—1791: Francesco Casanova (1730—1805), Giovanni Batista Lampi (1751—1830) și Mihail Ivanov (1748—1829). Ultimul e autorul acuarelelor cu reprezentări ale cetăților Bender, Accherman (Cetatea Albă), a panoramei orașului Iași s. a.

Insemnate schimbări au loc în pictura de icoane. Pentru sec. XVIII e caracteristică diferențierea iconarilor după nivelul profesionist. De exemplu, în documente se pomeneste «zugravul domnesc» Ștefan. Însă majoritatea meșterilor îi deserveau pe persoanele de rang mai jos și aveau o calificare nu atât de înaltă. Prin aceasta se și explică preponderența în perioada dată a icoanei populare semiprofesioniste (adică a icoanei rurale).

La sfârșitul sec. XVII — începutul sec. XVIII se observă o influență considerabilă a stilului brîncovenesc. Pe fundalul unui proces de decădere a nivelului picturii de icoane din principat se relevă tot mai mult forța de atracție a artei munteneste, ce se găsea într-un stadiu de ascensiune. Elementele de artă brîncovenească pătrund datorită achiziționării icoanelor munteneste, contactelor nemijlocite ale iconarilor moldoveni și munteni. La începutul sec. XVIII iconarul Ursu l-a însoțit pe învățătorul său Mitrofan în Muntenia, unde a făcut cunoștință cu cele mai ilustre opere ale perioadei brîncovenești. După întoarcere, multe icoane lucrate de Ursu, purtau amprenta influenței brîncovenești (icoanele împărătești pentru biserica Adormirii din s. Bersești — 1707, comandate de domnitorul Mihai Racoviță; icoanele din iconostasul bisericii schitului Pocrov a mănăstirii Neamț — 1714).

Creșterea permanentă a autorității și popularității școlii de pictură de icoane rusești în lumea ortodoxă a dus la mărirea cerințelor în icoane rusești și în Moldova. În biserica Sf. Ilie (în apropierea Sucevei) se păstrează două icoane, lucrate în 1708 de iconari renumiți în Rusia, reprezentanți ai școlii lui Ușacov — frații Chiril și Vladimir Ulanov. Influența picturii ruse se observă și în icoanele deja menționatului iconar Ursul (icoanele «Soborul Marilor Părinți pustnici» și «Acoperământul Maicii Domnului»). În această perioadă se menține și influența picturii grecești, menționăm existența în iconostasul bisericii mănăstirii Golia a icoanei «Ioan Botezătorul» (cu ciclul Vieții) de proveniență greacă. Pentru această icoană e caracteristică o anumită monumentalitate, un decor baroc, trăsături academiste. Icoanele grecești, de asemenea, au lăsat o urmă simțitoare în pictura de icoane moldovenească. Bunăoară, e cunoscut, că iconarii Ioasaf și Nifon, ce au lucrat două icoane procesionale pentru biserica Sf. Dumitru din Crăcăuani (astăzi se păstrează la Secu) — «Iisus Pantocrator» cu optsprezece praznice și «Maica Domnului», unde sînt pictate și douăzeci și patru de scene din Acatist, au avut în fața lor modele grecești asemănătoare după stil cu icoana menționată de la Golia.

Un interes anumit prezintă icoanele «Maica Domnului în fața lui Hristos răstignit» (una se păstrează la Muzeul de Stat de arte plastice al R.S.S.M., alta — datată cu 1764 — la mănăstirea Putna). Aceste icoane sînt lucrate în stil occidental și se deosebesc de alte icoane de tip tradițional.

Majoritatea icoanelor de tip rural se evidențiază prin abundența elementelor de caracter cotidian, în ele se observă tendința spre ornamentalizare. Aceste caracteristici apropie icoanele populare moldovenești de cele balcanice, diferențiindu-le, în același timp, de icoanele ruse. Multe icoane de acest tip se păstrează la Muzeul de Stat de arte plastice al R.S.S.M.

Se intensifică contactele cu pictura din Transilvania. Astfel, în a doua jumătate a sec. XVIII în Moldova lucra iconarul Teodor din Ardeal. Lărgirea contactelor cu pictura de icoane transilvăneană era însoțită și, în mare măsură, determinată de procesele strămutării în masă a populației din Transilvania în Moldova.

La sfârșitul sec. XVIII în Moldova are loc contopirea în plan stilistic a picturii de icoane și a celei laice pe baza stilului neoclasic. Aceasta e caracteristic, mai ales, pentru creația lui Eustratie Altini, care a făcut studii la Academia de arte plastice din Viena. În afară de lucrările create la comanda bisericii, el a pictat un șir de lucrări cu conținut laic («Portretul lui Scarlat Calimani, două portrete de femei ș. a.).

Curentul popular-decorativist în pictură și-a lăsat amprenta și în frescele de la Căușeni, executate în stil postbrîncovenesc. Autorii lor: Voicul, Stanciul și Radul au îmbinat tradițiile picturii bizantine cu un ornamentalism bogat, caracteristic artei populare.

Pe teritoriul principatului mai sînt cunoscute picturile murale de la Trotuș (autor Anastasie zugravul) și Răducani, unde, de asemenea, e vădită orientarea spre decorativism. La sfârșitul secolului pictura murală a fost influențată de neoclasicism, însă majoritatea monumentelor rămîn în sfera picturii rurale.

Un alt gen al artei plastice — grafica — în această perioadă e legat de decorarea cărților tipărite. O serie de gravuri cu subiecte religioase se impun printr-o bogată ornamentalizare în stil baroc («Octoihul» din 1774). În ultimul pătrar al sec. XVIII în Moldova se răspîndesc tot mai mult cărțile laice, paralel cu aceasta se dezvoltă grafica laică. Un remarcabil progres al graficii moldovenești e legat de activitatea lui M. Strelbițki, în creația căruia (anii '50—'90 ai sec. XVIII) se observă, de asemenea, elemente ale stilului baroc. Printre cărțile prezentate de el, pe lângă cele bisericești, au fost și gramatici, calendare, abecedare ș. a. Arta grafică se dezvoltă nu

numai la Iași, dar și în tiparnița de la Neamț, unde s-a distins gravorul Stanciul, precum și în alte părți.

Schimbări esențiale au avut loc și în arta decorativă aplicată din Moldova. În cursul sec. XVIII formele artizanale, cum sînt broderiile, imprimarea pe piele etc., decad. Broderiile cele mai reușite — epitaful din Putna (1738) și stiharul (1734), constituie o mărturie concludentă a influenței exercitate în acest domeniu de artă de către pictura rusă. Pozele personajelor, chipurile lor sînt împrumutate din icoanele rusești. Începînd cu anii '40, obiectele de cult și odăjdiele cusute cu fir se înlocuiesc treptat cu cele împodobite cu desene. Totodată, se observă o anumită dezvoltare în domeniul țesutului covoarelor. În această perioadă se formează ornamentul specific moldovenesc, pentru care sînt caracteristice, în primul rînd, elementele vegetale (flori și frunze). De exemplu, în ornamentul unui covor din sec. XVIII (Muzeul de studiere a ținutului din or. Chișinău) buchetele stilizate de flori sînt dispuse în rînduri. Erau răspîndite, de asemenea, covoare cu ornamente orientale, țesute după desene. În general, o trăsătură caracteristică pentru covoarele moldovenești este compoziția lor riguroasă. Lipsa unei simetrii depline imprimă ornamentului un dinamism original. Figurile de animale și de păsări se întîlnesc în covoarele moldovenești mult mai rar. Pentru vopsitul covoarelor se întrebuițau coloranți vegetali, preparați din sucuri de rădăcini, flori, coji de ceapă, de nucă etc., ceea ce le dă un colorit viu și un aspect atrăgător.

În afară de țesutul covoarelor se dezvoltă și alte forme de țesături populare — se fac prosoape, fețe de masă împodobite cu broderii, se decorează cu ornamente populare costumele etc. Capătă răspîndire și ceramica decorativă, incrustațiile în lemn, prelucrarea artistică a metalelor.

În această perioadă se dezvoltă intens și arta muzicală, teatrul. În sec. XVIII, în afară de meterhanalele (orchestre cu tobe și instrumente de suflat), apărute în secolul trecut sub influența turcească, la curțile domnești și la conacurile boierești continuau să existe tarafuri (formații de instrumente populare), cîntecele executate de ele fiind însoțite de interpretările măscăricilor. De sărbători cîntau lăutarii. La începutul sec. XIX devine cunoscută măiestria interpretativă a lui Vasile Barbu. I se mai zicea — Barbu Lăutarul sau Cobzaru. În recensămîntul populației Iașilor din 1806 el este indicat drept staroste al breslei lăutarilor.

În cea de a doua jumătate a sec. XVIII în Moldova pătrunde cultura muzicală rusă și vest-europeană. La aceasta au contribuit și concertele date de baletul, corul și orchestra simfonică, formate din iobagi, sub conducerea muzicianului italian Giuseppe Sarti (1727—1802) pe lângă cartierul comandantului-șef al armatei rusești din Moldova în timpul războiului din 1787—1791. Pe lângă cartier erau și orchestre de muzică populară, inclusiv un taraf de fluierari moldoveni.

Ca și în secolul anterior, în sec. XVIII erau răspîndite reprezentațiile teatralizate populare — farsele și pantomima («Capra», «Buhaiul», «Călușarii», «Turca»). În timpul războiului ruso-turc din 1806—1812 o trupă de actori dramatici din Rusia sub conducerea lui Gaetano Magi și Stanislav Cvasnevski au prezentat un șir de spectacole în fața populației din Moldova, astfel familializîndu-i cu arta teatrală rusă. Un interes mare față de teatru în primul deceniu al sec. XIX manifestă scriitorii moldoveni, în special, C. Conachi, D. Beldiman, N. Dimachi ș. a.

În general, arta Moldovei la hotarul sec. XVIII—XIX se găsea deja sub influența timpurilor noi, dar, dezvoltîndu-se în condițiile dominației turco-îanariote, mai păstra trăsături caracteristice epocii feudale.

RECENZII РЕЦЕНЗИИ

Н. И. Петровски

ANDRIAN MACOVEI. MOLDOVA ȘI ȚARA ROMANEASCA DE LA UNIFICAREA ECONOMICĂ LA UNIREA POLITICĂ DIN 1859. IAȘI, 1989

Ын литература историкэ ромынэ се акордэ о маре атенцие диферителор аспекте але проблемей конституирий Статулуй Ромын модерн. Ын лукраря речензатэ ын модулу чей май минуциос а фост черчетат унул дин принципалий факторы, каре а контрибуит немижлочит ла креаря пецей национале униче а Молдовей ши Валахийей.

Студиинд документеле адунате дин архивеле Ромынией, А. Маковей с'а оприт, ын специал, асупра конвенцией вამале дин 1835, каре а фост примул пас спре регламентаря режимулуй вамал ла хотарул динтре Молдова ши Цара Ромыньяскэ ын урма прокламэрий комерцулуй прин трататул де ла Андрианоупол дин 1829, ынкеят ынтре Русия ши Турция.

Меритэ атенцие конклузииле ауторулуй реферитор ла импортанца Регуламентелор органиче ын дезволтаря економикэ ши политикэ а Принципателор Дунэрене. Дестул де конвингэтор ворбеште деспре резултателе апликэрий конвенцией дин 1835, че ау кореспунс ынтру тотул скопурилор урмэрите де челе доуэ гуверне — де а адуче ынлеснирэ локуиторилор де лынгэ frontiерэ. Барьереле, каре ау фост пусе, ау конституит о педикэ ын каля активитэций комерциале билатерале а Принципателор. Апликаря конвенцией дин 1835 а доведит ын скурт тимп, кэ е нечесар ка релацииле билатерале динтре Принципате сэ фие регламентате пе алте базе, мулт май ларжэ ши ын деплин акорд ку черинцеле тимпулуй.

Амэнуңцит сынт анализате ын лукраре тратативеле, каре ау фост дусе ын ведеря прегэтирий нойй конвенций де унификаре вамалэ дин 30 януарие 1846. Привиятэ дрепт резултат ал контопирий интереселор комерциале атыт пе план интерн, кыт ши пе чей екстерн, ын кондицииле конкрете але ситуацией економиче ши социал-политиче а Принципателор кэтре мижлокул сек. ал XIX-ля, унификаря вамалэ е квалификация де аутор ка примул пас, каре а контрибуит немижлочит ла реализаря уней ентитэць економиче спечифиче Молдовей ши Цэрий Ромынешть.

Меритэ сэ фие апречиятэ черчетаря ауторулуй привинд еволюция политичий вамале а Принципателор Дунэрене ын контекстул еуропян. Ун интерес деосебит презинтэ конклузииле луй реферитор ла унификаря вамалэ дин 1846 че а фост инспиратэ де екземплул униуний вамале а стателор жермане дин 1834.

А. Маковей експликэ аргументат де че с'а фэкут о унификаре ши ну о униуне вамалэ дупэ моделул стателор жермане, сублиниинд кэ унификаря вамалэ а депинс де ситуация економикэ ши политикэ а Молдовей ши Мунтений де ла мижлокул сек. XIX. Де алтфел, ын легэтурэ ку фаптул дат, ауторул менционязэ, кэ проблема аболитрий барьерелор вамале динтре унеле стате але Еуропей Окцидентале пентру ачел тимп ну репрезента чева ноу ши кэ ачаста, ка регулэ, а пречедат прочесул де конституирие а тутурор стателор национале.

Ауторул афирмэ, пе бунэ дрепате, кэ унификаря вамалэ а дус ла либерализаря чиркуитулуй де мэрфуры ши униря челор доуэ пеце интерне, пунынду-се астфел базеле виитоарей пеце национале ромынешть. Меритэ атенцие, де асеменя, анализа реушитэ а ымпрежурэрилор екстерне, ын каре а фост апликатэ конвенция де унификаре вамалэ дин 1846, че ау пуртат ампрента унор кондиций спечифиче але Молдовей ши Мунтений, окупате пе атуңч де армате стрэине (1848—1851; 1853—1857).

А. Маковей аратэ, кэ атитудиня путерилор еуропене фацэ де ноул режим вамал ал Молдовей ши Цэрий Ромынешть депиндя де интереселе лор економиче ши политиче ын ачастэ парте а континентулуй. Спре регрет, дин липсэ де информацией документаре, ауторул н'а констатат каре а фост атитудиня Империиулуй Отоман ши а Русий фацэ де конвенция де ла 1846. Ел доар пресупуне, кэ атыт Русия, кыт ши Турция ар фи консидерат ачест акт дрепт о урмаре а апликэрий артиколулуй 372 дин Регуламентул Органик ал Валахийей ши ал артиколулуй 472 дин чей ал Молдовей, каре стабиляу кэ «локуиторий ачестор доуэ принципате се вор ымпэртэши деопотривэ ла тоате фолосуриле негусторешть».

Ын лукраре, де асеменя, се анализязэ модулу де организаре а администрэрий вэ-милор уните ын Принципате ынтре аний 1854—1859, проектул регуламентулуй ши лэ-жя привинд унификаря административэ а ноулуй систем вамал.

Монография ва фи де ун реал фолос атыт оаменилор де штинцэ, кыт ши маселор ларжэ де чититорь.

V. Jovanov

CUPRINS СОДЕРЖАНИЕ

Studii

Исследования

Bulmaga L. E. Tendințele de dezvoltare a structurilor sociale a populației ceteștii a RSS Молдова (anii 60—80)	3
Sovetov Pavel V. Cît a costat Țării Moldovei dominația străină (forme economice de dependență a Moldovei în secolul al XVI-lea — începutul secolului al XVIII-lea)	16
Russee H. D. Этнический и конфессиональный состав населения Белгорода (Четатя Алба) золотордынского периода	29

Discuții

Дискуссия

Vinoградов В. В., Довженко Н. Н., Фейт Н. В. Социально-экономический и политический кризис в Румынии накануне декабрьской революции 1989 г.	38
--	----

Comunicări

Сообщения

Cozma Valeria I. Trepte ale învățămîntului de arte din Moldova	48
--	----

Plai natal

Краеведение

Chirtoagă Ion Gr. Din istoria unui sat din sudul Moldovei	53
Брысякин С. К. Кишиневский краеведческий музей в 1918—1940 гг.	55

Viața științifică

Научная жизнь

Гонца Г. В., Руссее Н. Д. Социальное развитие и иноземное господство. "Круглый стол" ставит проблему	58
--	----

Memorial

Мемориал

Бабиунга Н. В. Приговоренный к забвению	61
---	----

Istoria în viziunea poetului

История глазами поэта

Коржавин Н. Стихотворения	65
---------------------------------	----

În ajutorul profesorilor de istorie

В помощь преподавателям истории

Din "Istoria R.S.S. Moldova": Dezvoltarea artei medievale moldovenești	69
--	----

Recenzii

Рецензии

Andrian Macovei. Moldova și Țara Românească de la unificarea economică la unirea politică din 1859. Iași, 1989 (Петровски Н. И.)	80
--	----

DIN SUMARUL NUMERELOR URMĂTOARE

- Duelul diplomatic ruso-turc în jurul încheierii păcii de la Bucureşti din 1812
- Seminarul teologic din Chişinău în 1905 (Contribuţii la activitatea lui A. Mateevici)
- Unele aspecte privind formarea noii politici economice a României după revoluţia din decembrie
- Fondul „Sfatul Ţării” din arhiva de stat a R.S.S. Moldova. Descriere arhivistică
- Mihai Sturdza — regulamentar al Moldovei (1834—1849)
- Din istoria satelor din R. S. S. Moldova (cronică)

CHIŞINĂU „ŞTIINŢA” 1990

ISSN 0234-3100. REVISTĂ DE ISTORIE A MOLDOVEI. N. 1, 1990. 1—60.

РЕВИСТЭ ДЕ ИСТОРИЕ А МОЛЛОВЕЙ

Редакторы П. М. Андриеш, Д. П. Бойку
Художник В. М. Шишко
Художественный редактор Э. Б. Мухина
Технический редактор В. И. Мериакре
Корректоры А. Ф. Олерь, В. И. Пасгук

Сдано в набор 13.11.90. Подписано к печати 17.12.90. АБ 05059. Формат 70X108^{1/16}.
Бумага книжно-журнальная. Литературная гарнитура. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,0.
Усл. кр.-отт. 7,7. Уч.-изд. л. 8,18. Тираж 5289. Заказ 444. Цена 65 к.

Издательство „Штиинца”, 277028, Кишинев, ул. Академика Я. С. Гросула, 3.
Адрес редколлегии: 277612, Кишинев, ул. Штефан чел Марс, 1. Телефоны: 26-26-84; 26-06-17

Типография издательства „Штиинца”, 277004, ул. Петру Мовилэ, 8.